

ФОРУМ

ФОРУМ

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

19

1988

19

1988

Ф О Р У М

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

19

1988

«СУЧАСНІСТЬ»

Ответственный редактор:

ВЛАДИМИР МАЛИНКОВИЧ

Консультативный совет:

Петр АБОВИН-ЕГИДЕС, Владимир БОРИСОВ, Борис ВАЙЛЬ, Николай ДРАГОШ, Лев КОПЕЛЕВ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Сергей МАКСУДОВ, Михайло МИХАЙЛОВ, Игорь ПОМЕРАНЦЕВ, Галина САЛОВА, Тамара САМСОНОВА, Надия СВИТЛЫЧНА, Сейтхан СОРОКИНА, Виктор ФАЙНБЕРГ, Михаил ХЕЙФЕЦ, Борис ШРАГИН.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Für den Inhalt verantwortlich: Dr. W. Malinkowitsch.

Адрес редакции: Georg-Mauere-Weg 11, 8000 München 50, BRD.

Оформление подписки на журнал: «Sučasnist» с. в., München, Müllerstr. 33, Rgb, 8000 München 5, BRD.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

Лев Копелев

НАДЕЖДЫ И СОМНЕНИЯ, РАДОСТИ И СТРАХИ

Двести лет тому назад, когда еще не было ни телеграфа, ни телефона, ни массовой прессы с иностранными корреспондентами, люди на Западе узнавали о России из частных писем, из рассказов и публикаций путешественников. С началом эпохи Просвещения в Россию приезжали из разных стран ученые и ремесленники, купцы и врачи, домашние учителя и кондитеры, просто искатели приключений. Некоторые оседали, становились русскими подданными, русскими патриотами. Например, замечательный датский моряк и географ Витус Беринг, чье имя носит пролив, отделяющий Азию от Америки, или датско-немецкий врач Ганс Даль — будущий отец русского писателя и филолога Владимира Даля, который создал и доныне бесценный толковый словарь русского языка.

Сведения о России в те годы были крайне скудными. Многие люди на Западе верили в то, что по Москве зимой бродят белые медведи, что Россия девять месяцев в году покрыта снегом. В то же время в европейских столицах отлично знали о передвижении русской армии и о придворных интригах в Петербурге.

Однако и сегодня, в эпоху сверхзвуковых самолетов и телевизионных мостов через океаны, миллионнотиражных газет, которые рассылают корреспондентов по всему миру, безбрежный разлив всяческой информации рождает фантастические легенды и ложные представления.

Что происходит сегодня в Советском Союзе?

В речах и спорах западных политиков, в суждениях журналистов и советологов вняты примерно такие противоположные рассуждения:

«Ничего особенного не происходит и не может произойти, так как система реального социализма и ее

идеология органично не способны улучшаться. Правительство Горбачева хочет модернизовать, то есть укрепить эту систему, приукрасить ее «имидж». Но их рекламируемая перестройка менее значительна, чем были реформы Хрущева, а гласность — лишь пропаганда для одурачивания западных левых и либералов. Ничему верить нельзя. «Что может быть хорошего из Назарета?» И вообще: чем хуже для Советов, тем лучше для свободного мира.»

Почти столь же решительны и прямо противоположные утверждения: «Горбачев — неожиданное чудо. Он небывало динамичный, отважный реформатор. Он очищает и оздоравливает советскую систему, творит новую революцию. Он очаровал уже Тэтчер, Рейгана, Штрауса. Не надо раздражать его неприятными вопросами об Афганистане, крымских татарах, диссидентах и т. д.»

Есть, разумеется, и немало промежуточных оттенков, но если судить непредвзято о том, что происходит в СССР и судить по фактам, а не по резолюциям и речам, то необходимо прежде всего освободиться от идеологических клише — и тех, которые pro, и тех, которые contra. И тогда станет очевидным, что за последние три года произошли существенные изменения.

В первый год Горбачев даже не употреблял слова «реформа». Главными темами правительственных решений и пропаганды были борьба с пьянством, с коррупцией, с разгильдяйством. Начинали осторожно критиковать «период застоя», но проблематика сталинского прошлого оставалась запретной и не допускалась «обобщающая» критика, угрожавшая основам идеологии.

Но после чернобыльской катастрофы все более заметным становилось ослабление цензуры и расширялось пространство, открытое для все более суровой критики. Во многих газетах и журналах появлялись статьи, фельетоны, публицистические очерки, читательские письма, научные работы, документальные публикации, в которых раскрывались органические пороки социальной структуры общества, всей системы партokratии. Стали открыто писать уже не об ошибках, а о преступлениях Сталина и сталинского режима и о новых, сегодняшних, беззакониях, о произволе в судах, прокуратуре. Газеты, радио, телевидение сообщают о

конкретных примерах вырождения, разложения, преступности в партийном и государственном аппарате во многих республиках и в самой Москве. Об этом пишут так резко и откровенно и так обобщая, как было немислимо еще год тому назад. В печати и на трибунах спорят о кардинальных проблемах советской экономики, о социальных противоречиях, не считаясь ни с какими священными коровами.

Теперь уже очевидно, что многие члены нового советского руководства, в том числе и сам Горбачев, начали признавать то, о чем А. Сахаров писал уже двадцать лет назад, а именно, что советская экономическая и административно-политическая система несостоятельна, что она обрекает страну на безысходную бедность, отсталость, неудержимый упадок. Осведомленные и трезво мыслящие люди в самом аппарате уже не могут не понять, что система, сложившаяся в тоталитарном государстве и действующая относительно эффективно в условиях войны, с тех пор безнадежно износилась и стала саморазрушающейся, непомерно громоздкой, все усложняющейся. Но в то же время централизованный партийно-административный аппарат означает безответственную власть миллионов чиновников, не способных ни производить, ни управлять производительными силами. Они безответственны потому, что контроль сверху практически невозможен — аппарат вязко многослоен, инертен и едва обозрим. А контроль снизу исключается устоявшейся практикой подавления любых протестов, любого инакомыслия. Но теперь попытки сохранить эту износившуюся, бесплодную власть губительны уже не только для ее подданных, но и для всего государства, для всех его этажей.

Поэтому к реформам, которые должны коренным образом изменить весь экономический и административно-политический строй, сегодня стремятся не одни лишь прекрасодушные либералы и мечтатели-идеалисты, но и наиболее последовательные прагматики. И побуждаемы они прежде всего своим, так сказать, социальным эгоизмом.

Правда, многие из них не могут, не хотят признать подлинного смысла намечаемых реформ, так как они полагают, что миф о социалистической революции и

благотворности ленинизма — это главное, если не единственное идеологическое и правовое обоснование их власти. Однако на ленинское наследство претендуют и противники реформ: бюрократы старого сталинского закала, а также многие молодые аппаратные и военные карьеристы. Размахом перестройки недовольны и многие рабочие, мелкие служащие — все, кому ломка системы грозит безработицей, понижением жизненного уровня.

В то же время непоследовательность реформаторов — недостаточная решительность и разногласия в их среде (пример: судьба Ельцина) — тревожит сторонников перестройки, убежденных в ее жизненной необходимости и в том, что неудача грозит не только развалом государства, но и смертельными опасностями для народов СССР и всего мира.

Перестройка вызывает и сомнения, и страхи. Зато несомненны плоды гласности. За последние два года опубликованы такие произведения поэзии и прозы, политической и научной публицистики, поставлены в театрах такие пьесы и вышли на экраны такие фильмы, которые были просто немыслимы по крайней мере в последние шестьдесят лет. Рассказы Булгакова, романы Платонова, стихи Гумилева, «Реквием» Ахматовой, «Повесть о непогашенной луне» Пильняка, «Доктор Живаго» Пастернака, «Жизнь и судьба» Гроссмана были не просто запретны, но считались криминалом — за их «хранение и распространение» угрожало уголовное преследование. Теперь они стали достоянием миллионов читателей. За один лишь последний год опубликованы четыре романа, беспощадно правдиво описывающие коллективизацию: «Кануны» В. Белова, «Котлован» Платонова, «Мужики и бабы» Б. Можаяева, «Обраги» С. Антонова и поэма А. Твардовского «По праву памяти», посвященная трагедии поколений, изувеченных сталинской войной против крестьянства.

Поэтическая повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая», запечатлевшая страшные последствия изгнания чеченцев, пронизана духом человечности, христианского братства. Публикация сатирически-философской притчи Ф. Искандера «Удавы и кролики» была раньше так же немыслима, как и роман Ч. Айтматова «Плаха», утверж-

дающий абсолютную ценность христианской нравственности.

Во множестве новых молодых театров, на некоторых старых сценах теперь ставят недавно еще запретные пьесы Булгакова и Бабеля, новые дерзкие пьесы политического драматурга М. Шатрова, неумолимо правдивой реалистки и сюрреалистки Л. Петрушевской. Работники кино вырвали из хранилищ давно запрещенные фильмы. Все, что происходит сейчас в духовной жизни СССР, подтверждает простую истину, которую не хотят признавать ни коммунистические, ни антикоммунистические фундаменталисты, — *духовное развитие народов осуществляется независимо или вопреки политическим режимам.*

В самые страшные годы сталинского террора, когда сотни писателей, художников, ученых были арестованы, убиты, вопреки всем ужасам, всем опасностям творили Ахматова, Пастернак, Платонов, Булгаков и многие менее известные, но истинные поэты и писатели. Их произведений тогда не публиковали, их преследовали, но сегодня очевидно, что они бессмертны, а их гонители мертвы, даже благоденствуя как привилегированные пенсионеры.

Гласность не рождает новую литературу и новое искусство. Она лишь открыла двери, в которые врывается независимый от всех властей, свободный творческий дух народов. Но радостные вести о все новых прорывах свободного творчества, свободной мысли не могут устранить тревожных опасений. Сегодня открыт путь не только здоровым силам народного духа, но и болезненным, извращенным. Десятилетия террора и гнилостного застоя благоприятствовали росту злокачественных миазмов — воскресали старые и рождались новые шовинистические, расистские легенды, которые возбуждают взаимное недоверие и вражду между народами. Гласностью пользуются старые и новые сталинисты, воскрешая мифы о великом вожде, который был суров, но мудр, держал в страхе весь мир и болтливых интеллигентов, снижал цены на товары, не допускал наркотиков, проституции, развратного искусства.

К лозунгам перестройки и гласности торопливо пристраиваются и открыто реакционные, даже фашистские

группы. Об их численности и влиянии трудно судить, как и о том, чего хотят и за кем пойдут кадровые военные и демобилизованные афганские ветераны, чего ожидают от органов государственной безопасности, которые в брежневские годы чрезвычайно разрослись и усилились.

Наличие таких сил, донныне закрытых для гласности и поэтому не поддающихся познанию, питает самые тревожные сомнения. Но никакие страхи, никакие новые заморозки, морозы и откаты не могут отменить, не могут сделать небывшим то, что уже стало действительностью, что запечатлено поэтами, художниками, мыслителями, что проникло в сознание, в души читателей, зрителей, слушателей.

Обратимы любые законы, отменимы официальные свободы. Но необратимо движение духа. Сооружения любой материальной стройки или перестройки могут быть разрушены, но освобожденные гласностью творения духа неразрушимы.

Март 1988.

Владимир Малинкович

ВВЕРХ-ВНИЗ ПО КОСОГОРАМ

(Этюды на тему реформ)

Будет ли председателем Совета партийный секретарь?

1 июня завершила работу XIX всесоюзная партконференция. И хотя проходила эта конференция в атмосфере (внешне, во всяком случае) открытости и демократичности, итоговые резолюции оказались малосодержательными.

Самое спорное и самое важное положение резолюции о демократизации советского общества и реформе политической системы — рекомендация выдвигать на должность председателя Совета первого секретаря партийного комитета. В резолюции это предложение звучит так: «Повышению роли представительных органов способствовала бы рекомендация на должности председателей Советов, как правило, первых секретарей соответствующих партийных организаций». Авторы резолюции лукавят: не Советы они хотят укрепить, поддержав авторитетом партии, а власть партаппарата пытаются увековечить, подчинив ему непосредственно представительные органы трудящихся. Правда, оформить в виде закона свои предложения партаппаратчикам будет совсем не легко. Ведь слова «рекомендуется», «как правило» не имеют юридического смысла. В резолюции говорится о новой системе выборов в Советы и их постоянно действующие органы. Система эта подразумевает выдвижение нескольких кандидатов, их конкуренцию и последующее избрание одного из них тайным голосованием. Естественно, партийные организации (райком, обком или ЦК) могут иметь право выдвижения кандидатов и могут *рекомендовать* на должность председателя Совета своего первого секретаря, но, чтобы стать председателем, этот кандидат

должен еще победить в конкурентной борьбе. Иначе придется вносить в закон об избирательной системе специальную оговорку в отношении выборов председателя Совета. Появись такая оговорка в законе, всем и каждому станет ясна полная бессмысленность одного из основных постулатов резолюции — о «четком разграничении функции партийных и государственных органов».

К сожалению, либеральная интеллигенция, активно поддерживающая перестройку, не рискует сейчас выступать открыто против тезиса «секретарь-председатель». Показательная в этом отношении позиция академика Т. Заславской. Сразу же после партконференции она резко критиковала этот тезис, но буквально через две недели, выступая по телевидению, сказала: «Я склонна думать, что совмещение двух функций в одном лице — это правильный шаг». При этом Заславская признает, что, услышав впервые в докладе Горбачева предложение о совмещении должности первого секретаря и председателя Совета, она почувствовала буквально шок, и это же чувство испытывали почти все ее знакомые. Почему же Заславская изменила свое мнение? Думаю, точку зрения на принцип «секретарь-председатель» она вовсе не изменила, — изменила же Заславская только свою *тактическую* позицию. Не видя реальной возможности прямо, в открытую, противостоять партаппарату, многие либералы пытаются предложить компромиссный вариант. Сопротивление они, вероятно, намерены оказать на уровне закрепления партийной рекомендации в законе. Вот что пишет доктор исторических наук Николай Попов в газете «Советская культура» 12 июля этого года:

«Эта идея (имеется в виду идея совмещения должностей) мало обсуждалась в прениях, поскольку делегаты не были к ней готовы; некоторые высказывали мнение, что необходимо еще посоветоваться с народом. Но ясно одно: если будет включен реальный механизм демократических выборов, движение будет идти в том направлении, чтобы вырвать реальную власть из рук работников аппарата и передать ее в руки народных избранников, депутатов, подотчетных своим избирателям... Дело за разработкой конкретных процедур, которые не должны оставлять лазеек для давления на депутатов и избирателей.»

Но для того, чтобы этого не случилось, нужно не допустить закрепления тезиса «секретарь-председатель» в законе. В телепередаче «Демократизация общественной жизни» доктор юридических наук Курицын, как бы между делом, высказал очень важную, на мой взгляд, мысль: пусть это требование станет партийным обычаем, но не конституционной нормой.

Что ж, возможно, в нынешних условиях — это конкретный выход из сложной ситуации. Если удастся избирательную систему изменить таким образом, чтобы правом выдвижения кандидатов в депутаты Советов обладали независимые от партаппарата общественные организации, чтобы осуществился принцип «самовыдвижения» кандидатов, то партийный обычай может оказаться и не столь уже страшным.

Но, видимо, эту опасную для себя возможность предусматривают и партаппаратчики. 22 июля в газете «Известия» была опубликована большая статья доктора юридических наук Б. Курашвили. Статья содержит апологетику тезиса «секретарь — председатель». Курашвили не просто защищает этот тезис, но и дает совет, как его закрепить в законе: либо избирать единственного кандидата (первого секретаря) квалифицированным большинством, либо сначала избирать председателя Совета из числа претендентов на должность первого секретаря парткома, а потом победителю отдать и партийный пост. Суть предложений Курашвили ясна: сделать так, чтобы при всех обстоятельствах Советом руководил партийный чиновник. Да и не просто руководил, а крепко держал Совет в руках. Чтобы исключить случаи непослушания депутатов Совета, Курашвили предлагает наделить секретаря-председателя правом «отлагательного вето».

28 июня Курашвили опубликовал в «Известиях» еще одну статью на эту же тему. Но в ней есть весьма существенное дополнение. Автор статьи предлагает, чтобы Генеральный секретарь ЦК КПСС избирался на должность Председателя Президиума ВС СССР на всеобщих выборах — т.е. получал мандат на власть не от съезда депутатов, а непосредственно от народа. Причем он считался бы избранным лишь при условии, что за него проголосует не

менее, чем две трети или даже три четверти всех избирателей.

В конкретных советских условиях это, очевидно, было бы определенным шагом вперед, однако считать такую систему демократической все-таки нельзя. Президент (или Председатель Верховного Совета СССР) может действительно считаться избранным народом лишь в случае, если он победил в конкурентной борьбе. Трудно представить, что в ближайшем будущем руководители страны согласятся на выдвижение сразу нескольких кандидатов на высший государственный пост.

Сегодня многим кажется очевидным, что совмещение партийных и государственных постов — противоестественно, и пора, наконец, сделать выбор. Но партаппарат прекрасно понимает, что выбор может быть не в его пользу, и пытается выкрутиться при помощи так называемой «диалектики». Ну, с аппаратом всё ясно — он *вынужден* защищать свои классовые позиции. Странно, однако, что позицию партийной номенклатуры пытается поддержать серьезный, всеми уважаемый ученый Гавриил Попов — в статье «Через совмещение постов к укреплению власти Советов»*. Впрочем, Г. Попов в роли защитника интересов партийной верхушки выступает не впервые. Прошлой осенью, вскоре после того, как был, в нарушение всех правил демократии, снят со своих постов Борис Ельцин, Попов оправдывал это снятие. У Ельцина-де мол, были диктаторские замашки. Не исключено, что и вправду были, но говорить об этом можно, лишь ссылаясь на опубликованные материалы так называемого «дела Ельцина». Пока таких материалов нет, утверждать подобное — все равно, что ругать Солженицына, книги которого советскому читателю недоступны.

Вернемся все же к вопросу о том, укрепит или не укрепит власть Советов совмещение постов председателя Совета и первого секретаря парткома.

Защищая этот принцип, Гавриил Попов хочет уверить читателей в том, что генсек Горбачев, казак по происхождению, не может быть против разделения властей. Потому,

* «Московские новости», N 32, 1988 г.

мол, что в казачьей среде очень популярны были идеи самоуправления. Следуя этой логике, можно предположить, что грузинам, курским крестьянам и сибирякам идеи самоуправления не свойственны — ведь Сталин, Хрущев и Черненко правили авторитарно. Никто, однако, не откажет в склонности к авторитарности Леониду Ильичу Брежневу, а он-то родился как раз в тех самых местах, где когда-то расцвела казачья вольница — недалеко от Запорожья. Словом, первый аргумент Попова научно обоснованным не назовешь. Впрочем, думаю, что все эти разговоры о казачьих настроениях понадобились Гавриилу Попову, чтобы выразить более простую мысль: если Горбачев, зачинатель перестройки, настойчиво пробивает идею совмещения, значит идея эта не может быть плохой. Опыт первых лет перестройки показал однако: революция *только* «сверху» осуществиться не может. Необходимо встречное движение снизу. Если это движение снизу будет во всем следовать за Горбачевым, оно окажет ему медвежью услугу — ведь Горбачев очень часто *вынужденно* уступает своим политическим конкурентам, и если вместе с ним будут уступать активисты перестройки, — это лишь укрепит позиции противников реформ и самого Горбачева.

Вот и Гавриил Попов: вместо того, чтобы вместе с другими учеными из авангарда перестройки оказать сопротивление предложению Горбачева, которое, видимо, продиктовано необходимостью идти на компромисс с консерваторами из ЦК, он бросается на защиту идеи «секретарь-председатель», мотивируя это, среди прочего, тем, что многие партаппаратчики были, судя по аплодисментам, этим предложением недовольны: им не нужен дополнительный контроль. Возможно, тому или иному аппаратчику конкретно всё это и ни к чему, как ни к чему и перестройка в целом. Но не вызывает сомнения, что такое переустройство партийно-государственной власти сохранит за партаппаратом как классом (подчеркну: за партаппаратом, а не за партией) главенствующую роль. Гавриил Попов приводит слова воображаемого секретаря парткома в разговоре со своим непосредственным начальником: «Я ведь должен оставаться руководителем, партия стоит у власти». И начальник предлагает: «Ну, раз так, раз тебе нужна полная власть

(обратите, внимание: полная власть — В. М.), тогда занимай такой пост, где твоя ответственность перед народом усилится».

Мне кажется, Г. Попов верно передает настроения партийных руководителей. Вот их суть: «Чтобы сохранить всю полноту власти в стране, партаппарату нужно получить поддержку у народа, используя для этого Советы». Не понятно только, почему же, зная это, Гавриил Попов убежден, что в случае предполагаемого совмещения должностей «реального усиления власти первых секретарей *не произойдет*». В том-то и беда, что произойдет. Укрепит свои позиции, если не каждый конкретный секретарь, то партаппарат в целом, когда получит в свое *непосредственное* подчинение органы народных депутатов — Советы. А главное — не будет, в случае реализации концепции «секретарь-председатель», установлено в стране подлинное народовластие. Об этом, мне кажется, следовало бы думать в первую очередь. А автор статьи об укреплении власти *Советов* смотрит почему-то на проблему глазами партийного чиновника. И хотя он предлагает выбирать председателя Совета из нескольких кандидатов, но все они должны быть одновременно кандидатами на пост первого секретаря. «Такой порядок, — пишет Попов, — позволит партийным организациям избегать «деликатных» положений, когда надо срочно переизбрать провалившегося на выборах в председатели Совета первого секретаря». Трогательна забота ученого-либерала о нуждах партаппарата. Почему бы при этом не подумать о том, что «*такой* порядок» лишит беспартийных (формально полноправных советских граждан) возможности возглавить Совет депутатов трудящихся. Более того, Гавриил Попов предлагает лишит беспартийных и возможности возглавлять трудовые коллективы предприятий. Так *дьямо* и *пишет*:¹

«Идею совмещения надо опустить и вниз. И установить, что председателями трудовых коллективов должны быть секретари соответствующих партийных организаций.»

Читаешь статью Попова и чувствуешь: не верит он, что в стране возможно сейчас народовластие. Потому и ищет *меру* совмещения демократии и диктатуры, используя, так сказать, «диалектический» метод.

Слова и дела перестройки

Советские руководители не скрывают: перестройка началась в силу прежде всего экономических причин. Это потом выяснилось, что без гласности и демократизации экономику не перестроить. К таким выводам пришли партийные лидеры несколько лет назад. А сегодня?

Гласность налицо, жить стало посвободнее, а в экономике, по сути, — никаких серьезных перемен. Вроде бы и приняты неплохие законы (о предприятиях, о кооперативах), а результатов экономической перестройки всё нет. Более того, с продовольствием и ширпотребом стало еще хуже, хотя казалось, что хуже быть не может. Вот что пишет по этому поводу директор Института экономики АН СССР Леонид Абалкин в 26-м номере еженедельника «Аргументы и факты»:

«Сегодня экономика страны находится в тяжелейшем состоянии. Такого у нас давно не было. Три удара были нанесены ей, которые она с трудом, но выдержала. Первый — Чернобыль. Чернобыль обошелся в 8 млрд. рублей — около полутора процентов национального дохода страны. Далее. Начало нашей перестройки совпало с резким обострением ситуации на мировом рынке, с понижением цен на традиционные советские товары... 2,5% национального дохода мы на этом потеряли... И еще. Начало пятилетки совпало с массовой борьбой с пьянством и алкоголизмом. Мера социально необходимая. Решалась так, как мы привыкли решать многое — штурмом, натиском и рапортом о досрочном выполнении плана... Мы за два года на 49% сократили объем производства алкогольных напитков, что тоже привело к колоссальной брешу.»

Это, так сказать, общие причины новых экономических трудностей. А о том, как все это отражается на повседневной жизни советских граждан, мы узнаем из статьи историка Леонида Баткина в 26-м номере «Недели»:

«Недавно встретился со знакомыми свердловчанами, мне показали бледно-желтые талончики продовольственных карточек. В каждом подъезде есть уполномоченный, который их раздает. Восемьсот граммов вареной колбасы ежемесячно.

Кажется, четыреста граммов сливочного масла. И два килограмма мяса в год — к майским и октябрьским праздникам. По воскресеньям подчас исчезают лапша и крупа — скупают деревенские».

13 граммов масла, 26 граммов колбасы и 5 граммов мяса в ежедневном рационе жителей миллионного Свердловска — котенка не накормишь. Это не голод лишь потому, что могут свердловчане добрать необходимые калории за счет хлеба и картошки. Но если дальше дело пойдет в том же духе, то не исключен и самый настоящий голод. А между тем идет уже четвертый год перестройки. В чем же проблема?

Член-корреспондент Павел Бунич полагает, что причина неуспеха экономической перестройки в том, что от предприятий требуется выполнение пятилетнего плана, «который разработан применительно к старым методам управления». Он убежден, что выполнять план «по валу» нет никакой необходимости. С этим согласен и академик Абалкин, считающий, что новые методы в условиях старой системы будут неэффективными. Например, госзаказ для предприятий не должен быть обязательным — оно может согласиться на его выполнение только потому, что это выгодно. Кроме того, госзаказ должен составлять не более 50-60 % продукции предприятия, с тем, чтобы все остальное могло быть реализовано свободно, по собственному усмотрению трудового коллектива. Сегодня же госзаказ загружает государственные предприятия практически на 100 %. Министерства навязывают его в приказном порядке, используя как средство выбивания плановых показателей.

Вероятно, уже сейчас необходимо радикально изменить характер взаимоотношений между государственными органами и непосредственными производителями. Очень интересны предложения полностью разделить функции государственного и экономического управления. Ю. Герцман, к примеру, писал в газете «Советская Эстония» (10-11 августа) о том, что «товаропроизводство» должно быть свободно от государственной опеки.

Как бы то ни было, экономистам сегодня очевидна необходимость упразднения всех (или, во всяком случае, большинства) отраслевых министерств и переход от жестко централизованного планового управления к рыночному.

Иными словами, специалисты знают, как вывести страну из экономического кризиса. Почему же руководители не желают следовать советам знающих людей. Лев Абалкин жалуется:

«Несмотря на то, что ученых-экономистов вроде слушают, привлекают к работе, тем не менее решение часто принимается вопреки нашим рекомендациям.»

Видимо, аппаратчики понимают, в чем состоит их классовый интерес. Сегодня они худо-бедно, но управляют страной, а завтра вовсе никому не будут нужны. Перемены, которые предлагают экономисты, в конце концов приведут к тому, что возникнет новая система социалистического хозяйства, в которой собственность будет не анонимно «всенародной» (т. е. попросту ничьей), а подлинно общественной, где хозяином будет либо совсем малая группа работников кооператива (или, скажем, семейной артели), либо большой трудовой коллектив самоуправляющегося предприятия. Управлять хозяйством в этом случае будут законы рынка, а прогнозировать эти законы и координировать деятельность различных предприятий смогут разного типа плановые организации, тресты, синдикаты, находящиеся *в услужении* у непосредственных производителей. Не будет командно-административной системы, не понадобятся и командиры из обкомов и министерств. «Ведь существующая ныне система министерств создана именно для *такой* работы, другую она делать просто не может», — пишет в «Неделе» доктор экономических наук Отто Лацис. Речь, впрочем, идет не только об отдельных министерствах, но и о Совете министров в целом.

Сейчас у ученых и у аппаратчиков совершенно разные задачи. Одни ищут оптимальные варианты развития экономики, другие — возможность в новых условиях сохранить старые места, а значит и старые методы управления. Задача у аппаратчиков, мне кажется, посложнее, чем у ученых. Гласность, на которую они вынуждены были согласиться, оставляет им очень мало шансов на успех.

Об одной очень устойчивой традиции

Почему культ Сталина оказался таким живучим? Самое популярное объяснение: Сталин — символ победы над фашизмом. Вряд ли это объяснение является убедительным. Для миллионов англичан Черчилль был организатором и вдохновителем борьбы против нацистов, но как только война закончилась, его прокатали на выборах. Видимо, чем-то отличаются традиции англичан от традиций страны, которая ныне называется СССР, а в прошлом именовалась Российской империей. В чем же разница? Уверен, что не столько в особенностях национального характера, сколько в своеобразии исторического пути.

И по сей день британцы относятся с почтением к королевскому семейству, но еще в начале XIII века в борьбе против короля добились они «Великой хартии вольностей». Русское же царство стало преемником традиций царства Византийского — Второго Рима, «прекраснейшего», как верили сами византийцы, «средоточия *всей* обитаемой земли». И власть над этим *единственным в мире* царством есть власть от Бога, а потому «божественный закон требует и общая природа советует царям всяческие почести воздавать» (Димитрий Кидонис).

Вот такое понимание роли царя как помазанника Божия стало (не без помощи воспитательных мер, разумеется) частью сознания очень многих жителей царства Московского, а потом Российской империи. В сознании многих русских отношение к царю (верховному правителю) превращалось в религиозное, несмотря на Христову заповедь о необходимости разделения власти Бога и власти кесаря.

Казалось бы, Октябрьская революция должна была все это оставить в прошлом. Но еще при организации партии большевиков Ленин использовал централизм — якобы для того, чтобы легче было захватить и удержать власть. Позже, когда Сталин победил всех своих соперников, он стал откровенно насаждать старые традиции обожествления центральной власти. «Московские новости» опубликовали недавно запись беседы кинорежиссера Сергея Эйзенштейна и

актера Николая Черкасова со Сталиным, Молотовым и Ждановым о фильме «Иван Грозный». В высказываниях Сталина было довольно много любопытных моментов, имеющих прямое отношение к нашей теме:

«Царь Иван, — говорил тогда Сталин, — был великий и мудрый правитель. Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния... Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким, можно. Но нужно показывать, почему нужно быть жестоким. Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств... Нужно было быть еще решительнее.»

И почти без перехода Сталин продолжает:

«Конечно, мы не очень хорошие христиане. Но отрицать прогрессивную роль христианства на определенном этапе нельзя.»

Очевидно, Сталина волновали не христианские истины. Думаю, что заповеди «Не убий», «Не протився злу насиллием» казались величайшему палачу несуразными, по-детски наивными. О христианстве сразу же после оправдания жестокости самого жестокого из русских самодержцев он вспоминал, видимо, лишь для того, чтобы подчеркнуть необходимость религиозного отношения к любой самодержавной власти — пусть даже злодейски бесчеловечной.

Конечно, отношение к правителю как к божеству ничего общего с христианством не имеет — это, скорее, языческий пережиток. Ну и что из того, что языческое именуют христианским. Важен результат, и он в общем-то достигнут. Ничем не оправданное подобоострастное отношение к деспоту и деспотии воспитывалось в народе относительно легко прежде всего потому, что идеи уважительного отношения к суверенитету личности, к правам человека в России почти всегда преследовались — и при царях, и при советских правителях. По сути об этом же пишет в «Московских новостях» профессор-историк Владимир Кобрин:

«Панегирики грозному царю — лишь частный, хотя и возмущающий нравственное чувство случай общего стремления Сталина к возвеличиванию „сильных личностей“. Эта тенденция была призвана гальванизировать или поддерживать убеждение, что счастье народа зависит прежде всего от воли мудрого государственного мужа, уверенно ведущего страну по пути процветания, срывающего козни отвратительных иноземцев и изменников из «верхов», сметающего со своего пути путающихся под ногами маловеров и хлюпиков.»

К сожалению, элементы царистской психологии, веры в доброго царя и сегодня сохранились в сознании многих советских граждан. И тех, кто полагает, что черносотенцы («Союз русского народа») были «одной из самых демократических организаций России» (это из выступления одного из членов общества «Память»), и даже тех, кто причисляет себя к авангарду перестройки и искренне хочет демократических реформ — вспомним хотя бы высказывания Гавриила Попова о Горбачеве.

25 июля агентство печати «Новости» распространило весьма любопытный материал — статью своего политического обозревателя Александра Игнатова «Таинственная русская душа в горниле перестройки».

Автор этой статьи высказывает опасение, что на вынесение жизненно важных для страны решений может оказать дурное влияние одна специфическая черта русского национального характера — а именно «вождизм». Иными словами, вера народа в «доброе царя» и преклонение перед сильной личностью. А. Игнатов полагает, что дело не в русском характере, а в том, что на протяжении веков в России правил автократический режим — сначала царский, а потом сталинско-хрущевско-брежневский.

«Расчет на одного-единственного богоцаря означает полный отказ от собственной инициативы, — пишет Игнатов и добавляет: — В этом смысле сталинизм еще живет в наших головах... Мы еще и сегодня все ждем инструкций ЦЕНТРА (не случайно мы так часто пишем это слово с большой буквы).»

Далее А. Игнатов говорит о необходимости создать саморегулирующееся общество и в качестве примера такого общества приводит Швейцарию. Он пишет:

«Эта страна живет без пленумов и без импульсов, и живет в общем неплохо. Экономика самоналаживается, несмотря на многие трудности, а политическая система, которая, разумеется, не лишена недостатков, достаточно успешно саморегулируется.»

Смелые слова, но главное, конечно же, не в швейцарском примере. Главное — в призыве работать над созданием такой системы, «которая бы не зависела от прихода и ухода лично того или иного лидера».

Игнатов не говорит прямо, о каком лидере идет речь, но ясно, что имеется в виду нынешний Генеральный секретарь ЦК. Слишком много сторонников перестройки (и среди либеральных интеллигентов, и среди широких масс населения) связывают все свои надежды с деятельностью «добротого царя» Горбачева, не задумываясь о необходимости борьбы за систему, которая могла бы гарантировать необратимость перестройки в случае, если Горбачев потеряет свой пост или же пойдет на поводу у консерваторов. Последнее вовсе не исключено, особенно если принять во внимание то обстоятельство, что на самом «верху» сторонники радикальных реформ сейчас явно в меньшинстве. И Горбачев вынужденно поддается давлению со стороны консерваторов (последний тому пример — его выступления на совещании по Нагорному Карабаху). Уступает он, думаю, не в последнюю очередь потому, что в стране нет еще демократически ориентированной силы, на которую он мог бы опереться. Нет в России (в отличие, скажем, от Эстонии) единого массового движения в поддержку перестройки, объединенного вокруг конструктивной программы демократизации. Подготовить такую программу крайне необходимо. Задача вполне конкретная, но весь вопрос в том, сможет ли русская творческая интеллигенция (ученые, писатели, художники) ее решить. Смогут и захотят ли русские интеллигенты, особенно художники и писатели, всерьез заниматься проблемами права — будь то гражданские права человека или же вопрос о полномочии Советов? Не поддадутся ли они магии слов — особенно слов сегодняшнего «боготаря» Горбачева? Есть, по-видимому, какая-то доля истины в словах А. Игнатова:

«...часть тяжелого наследства — слабость к прекраснодушной дискуссии. Это качество зло высмеивали многие классики нашей литературы — Гоголь, Салтыков - Щедрин, Чехов. «Русская душа» щедра на слова — слова самые сокровенные, самые немислимые. Она привыкла к длинным речам, от которых никак не может отвыкнуть, а вот дела... Русский человек медлителен, тяжеловат на подъем, консервативен».

И все-таки хочется верить, что русская творческая интеллигенция сможет эту оценку опровергнуть. Делом, а не словами.

Против чего и за что воюют нынешние «молодогвардейцы»?

В последнее время в советской печати появилось довольно много статей, в которых откровенно высказывается мысль о необходимости оградить страну от проникновения западного влияния. По мнению авторов этих статей (в основном это писатели и публицисты, группирующиеся вокруг журналов «Наш современник» и «Молодая гвардия»), Россия сегодня больна, и причина болезни — вирус, занесенный «западными ветрами».

Любопытно, что сейчас в борьбе против западного «болезнетворного» вируса объединились две по сути враждебные друг другу группы. С одной стороны, скрытые и явные сталинисты (Проханов, Шевцов, Викулов), с другой — так называемые «почвенники» (Астафьев, Распутин, Белов, Кожинов), которые к Сталину, особенно к сталинской коллективизации, относятся в общем-то непримиримо. Да и западное влияние они понимают по-разному. Для одних это антисоветизм, антикоммунизм, для других — нечто совсем иное. Не осмеливаясь, по вполне понятным причинам, назвать вещи своими именами, представители второй группы говорят о необходимости борьбы против «экономического детерминизма».

Что же все-таки объединяет «антизападников»? И те и другие говорят об особом пути России, о русских национальных традициях, для которых характерна нетерпимость к вещизму, торгашеству, эгоцентризму, бездухов-

ности. На мой взгляд, новые славянофилы правы в том, что сейчас групповая солидарность в Советском Союзе (и не только в России), пожалуй, более выражена, чем на Западе. Но потому ли, что она присуща именно русским, в отличие, скажем, от итальянцев, евреев или японцев?

Если мы сравним, к примеру, идеи современных славянофилов с идеями немецких романтиков конца XVIII — начала XIX вв., то обнаружим поразительное сходство, вплоть до проявляющихся у некоторых авторов этого направления антисемитских настроений — часть немецких писателей тех времен (допустим, Гауф) связывала идеи вещизма, торгашества и бездуховности с деятельностью евреев, и мало кого тогда смущала явная абсурдность такого вывода (а достаточно было бы вспомнить, что евреи — это «люди Библии»).

Проблема, видимо, не в исключительности какого-либо народа, а в особенностях социально-экономического развития и исторических традиций той или иной страны. Трудно отрицать, что Россия по существу не знала Ренессанса, не прошла и пути буржуазного развития. Не успела — перепрыгнула из полуфеодального состояния в так называемый «реальный социализм», который на самом деле социализмом вовсе и не является, зато содержит в себе много черт феодальной и даже дофеодальной формаций. Этот прыжок из отсталости в еще большую отсталость вряд ли благотворен. Ведь капитализм даже с точки зрения социалиста имеет целый ряд достоинств, и главные среди них — раскрепощение личности, создание правового государства на принципе общественного договора, на согласовании и взаимном уважении интересов человека и общества. И хотя эти интересы на практике согласовать удается далеко не всегда, но принцип здесь все-таки действует, тогда как в России (и царской, и коммунистической) он даже никогда не был признан. Кроме того, сегодня капитализм все же гарантирует подавляющему большинству людей материальное и социальное обеспечение, а советское государство все никак не может досыта накормить людей.

Безусловно, при выборе пути будущего развития страны (а сейчас такое время, что об этом задумываются буквально все) необходимо учитывать и традиции, и особенности

исторического прошлого. Но при этом всегда следует помнить, что свободное развитие всех невозможно без свободного развития каждого.

В беседе с маршалом авиации Пстыго, опубликованной в журнале «Молодая гвардия», писатель Шевцов приводит слова Платона: «Никто не должен петь либо плясать несообразно со священными общенародными песнями... Этого надо остерегаться больше, чем нарушений любого другого закона». Антизападник Шевцов забывает, что Платон писал диалоги, и каждому тезису он противопоставлял антитезис. В своей «Апологии Сократа» он говорил о трагедии древнегреческого мира. С одной стороны, Платон уважает право общины, полиса наказывать того, кто не подчиняется принятым обычаям (не желает петь священные общенародные песни), с другой — признает безусловное право каждого петь свою собственную песню, если он не боится подвергнуться наказанию. Об этом же много веков спустя писал и великий Гегель. Вспоминая судьбу Сократа, он заметил, что древнегреческий мыслитель по сути дела отвергал суверенитет народа — для него важнее был суд собственной совести. Для Гегеля, Сократ — герой, ценой собственной жизни утверждающий право личности на самостоятельное решение.

Трагедия Сократа — это не только трагедия древней Греции. Это и трагедия стран так называемого «реального социализма». Трагедийность нынешнего советского бытия можно преодолеть, обеспечив гарантиями суверенитет личности, а консерваторы из лагеря русских националистов этому только мешают.

Механизм торможения в национальной политике

В своем выступлении на заседании Президиума Верховного Совета СССР, посвященном проблеме Нагорного Карабаха, Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев сказал: «Нам нужно найти такой ответ на этот вопрос, чтобы он стал прецедентом для многих других вопросов, возникших в сфере межнациональных отношений». Как известно, принятое Президиумом Верховного Совета реше-

ние в основном подтвердило status quo (что никак не устраивает большинство армян). Означают ли слова Горбачева, что это решение будет прецедентом для всех прочих решений в области национальной политики, что в области межнациональных отношений практически ничего не изменится?

Не думаю, что высказывание Горбачева следует понимать буквально, но очевидно: срабатывает механизм торможения. Общий тон выступления Горбачева и принятое на совещании в Кремле решение по Нагорному Карабаху свидетельствуют, что советские руководители боятся радикальной перестройки межнациональных отношений. Были, конечно, нарушения и недостатки в Нагорном Карабахе — признает Горбачев, — но все это было использовано «как повод подстегнуть национальные чувства, доведя их до националистической формы» с тем, чтобы скрыть протекционизм, взяточничество и иные злоупотребления в Армении, а потому, мол, нельзя дело «пускать на самотек».

Философский принцип диалектики советские руководители обычно понимают, как метод манипуляции словами. То говорят о необходимости отвечать перед народом, следовать народному волеизъявлению, а то вдруг проявление народной воли называют *самотеком*, а к самотеку и отношение совсем иное. Однако, как ни манипулируй словами, законы развития объективной реальности — вовсе не то же самое, что приемы софистики. Устойчивой будет лишь такая политика, которая реагирует на требования жизни, а узнать их можно, только прислушавшись к голосу народа, точнее — к голосам народов различных республик.

Бывает, конечно, что интересы наций не во всем совпадают, а иногда и резко противостоят друг другу (как в случае Нагорного Карабаха). В этой ситуации, казалось бы, нужно искать компромиссные решения, чтобы хоть как-то согласовать разные интересы. Решение же Президиума Верховного Совета ССР устроило только одну сторону — Азербайджан. И чтобы объяснить необъяснимое, движение армянского Народного фронта объявлено националистическим.

Припятствуют власти созданию народных движений в поддержку перестройки, в том числе и перестройки

межнациональных отношений, и в других республиках. Возникло, к примеру, массовое движение за пересмотр национальной политики на Украине, и печать обрушилась на его руководителей с грубыми нападками — совсем в доперестроечном духе. Митинги и демонстрации во Львове, Киеве, Одессе разгоняются при помощи грубого насилия.

А между тем, именно в общественном движении возникла программа творческих союзов Эстонии, ставшая основой программы Народного фронта в республике. Это, пожалуй, первая конкретная и *конструктивная* программа реформ в области межнациональных отношений. Власти, очевидно такой программы не имеющие, должны были бы внимательно изучить представленные эстонцами материалы и вынести программу на всеобщее обсуждение. Они этого не сделали. Хотя эстонская делегация на партконференции настаивала на внесении всех своих предложений в текст резолюции по межнациональным отношениям, ей лишь при помощи откровенной авантюры удалось добиться, чтобы в окончательный текст этой резолюции попал один из пунктов программы, да и то в очень смягченной форме. Речь идет о требовании республиканского хозрасчета. В комиссии по подготовке резолюции поправка не прошла и лишь перед тем, как эта резолюция была представлена на общее голосование, члены эстонской делегации благословили рабочего Бориса Моронова: «Давай, Боря, твой час!» Моронов бегом бросился по лестнице. «Счет шел на слова и секунды». Горбачев оказался перед неожиданным выбором: либо обсуждать важнейший вопрос, и тогда заседание надолго затянется (а уже поздний вечер и объявлено о предстоящем завершении конференции), либо согласиться внести в резолюцию поправку эстонцев. Посоветовавшись с Рыжковым, он (а вместе с ним и зал) согласился на внесение поправки. Обо всем этом рассказали члены эстонской делегации, вернувшись домой (см. газету «Советская Эстония»).

Вот и получилось, что в резолюции по межнациональным отношениям появились две взаимоисключающие формулировки: «Заслуживает внимания идея перехода республик и регионов на принципы хозрасчета...» и тут же: «Интернационализация экономики — закономерный процесс»

И все же есть надежда, что программа эстонцев, требующая *республиканского хозрасчета* (точнее, самоуправления), *республиканского гражданства*, статуса *государственного языка* для языка коренной национальности, *полной суверенности республики в области культуры*, ее *международного представительства*, будет всерьез рассмотрена в ЦК КПСС. Член Политбюро ЦК Александр Яковлев во время августовского посещения Прибалтики сказал:

«Перестройка не может исключить перестройку национальных отношений... Надо разработать и статус суверенности, и статус автономии, и статус национального образования... Надо решить этот вопрос на разумной основе. И решить правильно, последовательно и до конца. Ленин писал, что в союзном государстве общими должны быть оборона и внешняя политика. Все остальное должно быть в республиканском подчинении... Еще раз категорически утверждаю свое непоколебимое мнение: необходимо расширять права республик, национальных образований, чтобы люди почувствовали себя хозяевами — и республики, и региона».

Август 1988.

ПЕРЕСТРОЙКА И ПРАВОЗАЩИТНИКИ*

Роль, которую играет или должна играть творческая интеллигенция в процессе реформ в Советском Союзе, обсуждается во всей советской прессе, в журналах толстых и тонких, в газетах и книгах. Обсуждается все тот же старый вопрос: «С кем вы, мастера культуры?» Только задается он теперь уже по иному поводу, и ответ на него ожидается другой. Но важность вопроса и ответа на него переоценить невозможно. Ибо творческая интеллигенция — с тех пор, как она оформилась как обладающая сознанием социальная группа, всегда была ферментом важнейших общественных процессов, которые в дальнейшем приводили к изменению общества, страны, мира. Мне кажется, что впервые в мировой истории это произошло в конце XVIII века во Франции, когда просветители, энциклопедисты подготовили Великую французскую революцию, заложившую основы современного понятия о правах человека, о демократии, о свободе. И с тех пор понятия интеллигенция и свобода остаются неразрывно связанными. В России, может быть, в большей степени, чем где-либо, в силу особенностей ее исторического развития. Период несвободы в нашей стране длился дольше, чем где бы то ни было, и единственным — или уж, во всяком случае, главным — хранителем зыбкого пламени свободы была интеллигенция. Не случайно именно в России зародилось само понятие «интеллигенции», отличное от западного понятия «интеллектуал», — интеллигенции, которую определяют как «мыслящую совесть нации».

Неудивительно, что сейчас, когда после периода, обозначенного в советской прессе как «застойный», общество

*Значительная часть этой статьи была представлена автором в виде доклада на конференции «Роль творческой интеллигенции в перестройке» в Копенгагене в марте этого года. В работе этой конференции участвовали как советские представители, так и политэмигранты из СССР (ред.).

вновь пришло в движение, роль творческой интеллигенции в происходящих процессах вновь бурно обсуждается. Есть, однако, один аспект этой темы, который пока еще не стал достоянием гласности — речь идет о роли правозащитного движения в перестройке, движения, которое на Западе не очень удачно называют диссидентским. Тема эта — до сих пор табу для советской печати. Мне во всяком случае известна только одна советская публикация, где эта тема если не развивается, то, по крайней мере, затрагивается, — это статья Ю. Буртина «Вам, из другого поколения» в журнале «Октябрь».

Начну с длинной цитаты, которая может показаться общим местом, ибо все об этом читали и слышали за последние 2 года неоднократно — и в речах М. Горбачева, и в «Правде» — везде.

«В течение последнего десятилетия в народном хозяйстве нашей страны стали обнаруживаться угрожающие признаки разлада и застоя, причем корни этих трудностей восходят к более раннему периоду и носят весьма глубокий характер. Неуклонно снижаются темпы роста национального дохода, возрастает разрыв между необходимым для нормального развития реальным вводом новых производственных мощностей. Налицо многочисленные факты ошибок в определении технической и экономической политики в промышленности и сельском хозяйстве, недопустимой волокиты при решении некоторых неотложных вопросов. Дефекты в системе планирования, учета и поощрения часто приводят к противоречию местных и ведомственных интересов с общенародными, общегосударственными. В результате резервы развития производства должным образом не выявляются и не используются, технический прогресс резко замедляется. В силу тех же причин нередко бесконтрольно и безнаказанно уничтожаются природные богатства страны: вырубается леса, загрязняются водоемы, затопляются ценные сельскохозяйственные земли, происходит эрозия и засоление почвы и т. д. Общеизвестно хронически тяжелое положение в сельском хозяйстве, особенно в животноводстве. Реальные доходы населения в последние годы почти не растут; питание, медицинское обслуживание, бытовое обслуживание улучшаются очень медленно и территориально неравномерно. Растет число дефицитных товаров. Налицо некоторые явные признаки инфляции.

Особенно тревожно для будущего страны замедление в развитии образования; фактически наши общие расходы на образование втрое меньше, чем в США, и растут медленнее. Трагически возрастает алкоголизм, и начинает заявлять о себе наркомания. Во многих районах страны систематически увеличивается преступность. В ряде мест растут симптомы явлений коррупции. В работе научных и научно-технических организаций усиливается бюрократизм, ведомственность, формальное отношение к своим задачам, безынициативность.

Решающим, итоговым фактом сравнения экономических систем является, как известно, производительность труда. И здесь дело обстоит хуже всего. Производительность труда у нас по-прежнему остается во много раз ниже, чем в передовых капиталистических странах, а рост ее резко замедлился...

В чем дело? Почему мы не только не стали застрельщиками второй промышленной революции, но даже оказались неспособными идти в этой революции вровень с передовыми капиталистическими странами? Неужели социалистический строй представляет худшие возможности, чем капиталистический, для развития производительных сил, и в экономическом соревновании между капитализмом и социализмом побеждает капитализм?

Конечно, нет. Источник наших трудностей — не в социалистическом строе, а наоборот, в тех особенностях, в тех условиях нашей жизни, которые идут вразрез с социализмом, враждебны ему. Этот источник — антидемократические традиции и нормы общественной жизни, сложившиеся в сталинский период и окончательно не ликвидированные и по сей день. Внеэкономическое принуждение, ограничения на обмен информацией, ограничения интеллектуальной свободы и другие проявления антидемократических извращений социализма, имевшие место при Сталине, у нас принято рассматривать как некоторые издержки процесса индустриализации».

Нетривиальной здесь является дата — март 1970 года, самое начало «застойного периода», и авторы — Андрей Сахаров, Валентин Турчин, Рой Медведев. Что случилось с авторами? Сахаров без суда и следствия был отправлен в ссылку, Турчин после многочисленных обысков и допросов в КГБ был под угрозой ареста изгнан в эмиграцию, Медведеву, хотя он и остался на свободе и дома, на долгие годы заткнули рот, лишив доступа к легальной прессе. Письмо трех авторов руководителям Советского Союза,

откуда взята приведенная цитата, распространялось только в самиздате — единственной свободной прессе страны в течение десятилетий.

Еще одна цитата:

«Темпы роста советской экономики падают год от года, и ожидается, что годовой национальный доход, который уже и теперь упал до 2%, будет и дальше сокращаться. Нас ждет застой и обнищание в общегосударственном масштабе.

В стране, богатейшей в мире по своим природным ресурсам, не хватает элементарных продуктов питания, одежды, предметов первой необходимости; миллионы семей не имеют мало-мальски сносного жилья. Цены тайно, но неудержимо растут...

Как нам жить? Застойный характер имеет и политическая жизнь в государстве, существующем уже две трети века и давно миновавшем пору становления, *террор* остается основным методом политического правления... Политическая нетерпимость оказывает дурное влияние и на общественную и нравственную сферы: в обществе, имеющем богатейшие духовные традиции, ложь становится нормой поведения; мертвенный цинизм, пьянство, разврат, наркомания — эти явления широко распространились у всех на виду... Что же будет дальше?»

Кто это назвал «застойным» брежневский период не тогда, когда он кончился, а тогда, когда в конце туннеля свет даже и не брезжил? Лев Тимофеев, статья «Где нам искать свое будущее?». Что стало с автором? Приговорен к 6 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки. Жизнь свою подтвердил Л. Тимофеев слова о терроре, как основном методе политического правления.

Конкретнее об экономике:

«Нужна огромная правовая и финансовая самостоятельность отдельных производственных единиц и заинтересованность их руководителей. Нужно объективное ценообразование и экономически обоснованное управление производством. Всего этого у нас нет.

Напротив, вместо гибкого маневрирования — ведомственный бюрократизм и бумажная волокита. Жесткие планы и вместе с тем несоответствие между текущими и перспективными заданиями производства, преобладание системы внеэкономического стимулирования текущего производства.

Долгие сроки строительства, неповоротливая и многоступенчатая система снабжения и сбыта — в результате омертвление материалов и новой техники. На многих предприятиях работает на износ техника еще 30-х годов. Производительность труда у нас и ниже, и растет медленнее, чем в других развитых странах...

Сейчас, в эпоху второй промышленной революции, производственные отношения, свойственные единой централизованной монополии, вступают в конфликт с развитием производительных сил».

Нет, это не из ныне популярных статей и выступлений академика Т. Заславской. Это из самиздатской работы 1969 года С. Зорина и Н. Алексеева «Время не ждет». Время после этого ждало еще 20 лет, и ситуация при этом не улучшалась. Сами Зорин и Алексеев не были арестованы, хотя в точности мы этого не знаем, ибо это — псевдонимы. Но их нашумевшая брошюра служила вещественным доказательством «антисоветской агитации» на многих политических процессах, включая и мой.

Если бы не самиздат — вольная, правительством не контролируемая пресса, — историки бы и не знали, что уже в конце 60-х годов общественное сознание в Советском Союзе поняло, что страна находится в предкризисном (по словам М. Горбачева), а точнее — в кризисном состоянии.*

Самиздат был реакцией на пресечение хрущевской оттепели, на начало брежневского «застоя», на начало попыток ресталинизации. Самиздат стал прессой правозащитного движения в СССР, выражением независимого общественного мнения, которое зародилось в начале 60-х годов и противилось попыткам его удушения.

Самиздатские авторы не только ставили диагнозы, но и предлагали лекарства — и общего и частного характера — особенно в начальный период правозащитного движения.

*Советская печать любит напоминать, что из русского языка в мировые вошло слово «спутник». Слово это, кстати, давно уже покинуло эти языки, заменившись более естественным *satellite* и оставило в них лишь производящий суффикс: битник, *refusenik*. А вот другое слово — *Samizdat* — действительно обогатило иностранные языки, и этим следует гордиться гораздо больше. *Samizdat* — обозначение вольной прессы, слово не менее значительное, чем *intelligentsia*.

когда возможность честного диалога с властью еще казалась возможной.

Вот те же С. Зорин и Н. Алексеев:

«Необходимо отделить от государства и партии судопроизводство и милицию, специальными комиссиями Верховного Совета контролировать деятельность органов госбезопасности и армии. Нужно предоставить реальную автономию местным органам власти: государство не должно контролировать их бюджеты...

Государственное регулирование производства экономическими, а не волевыми, методами, должно сочетаться с конкуренцией в условиях объективного рыночного ценообразования. Это есть единственный достаточно сильный стимул к качественному, а не только количественному, развитию производства, к постоянной модернизации основных фондов, быстрой реализации новой техники и технологии. Но все это невозможно в рамках нашей косной системы, основанной на принципе приказ-подчинение, план-выполнение. А такая система есть закономерное порождение абсолютной государственности на средства производства...

Резко сократить монопольный государственный сектор, передав большинство средств производства, заводы, институты и т. д. в собственность трудовых коллективов или более широких производственных объединений. Администрация подобных объединений должна быть выборной, собственность должна быть полной. Никаких обязательных поставок, а только договорные работы и налоговые отчисления в государственный бюджет. Это не означает анархии производства, потому что демократическое государство мощными регулирующими механизмами, такими, как политика налогов, заказов, кредитов, в состоянии обеспечить пропорциональное развитие народного хозяйства, всеобщую занятость и исключение эксплуатации одних коллективов другими».

А вот письмо А. Сахарова Л. Брежневу от 5 марта 1971 г.:

«Углубление экономической реформы 1965 года, увеличение хозяйственной самостоятельности всех производственных единиц, пересмотр ряда ограничительных положений в отношении подбора кадров, зарплаты и поощрения, системы материального снабжения и фондов, планирования, кооперирования, выбора профиля продукции, финансирования.

В области кадров и управления. Принять решения по расширению гласности в работе государственных учрежде-

ний всех ступеней в пределах, допускаемых интересами государства. В особенности существенен пересмотр традиции «кабинетности» в вопросах кадровой политики, расширение гласного общественного делового контроля над подбором кадров, выборности и фактической сменяемости при непригодности руководителей всех уровней...

Ликвидация специальных привилегий, связанных со служебным и партийным положением, как очень вредных в социальном и деловом смысле...

Мероприятия, способствующие расширению сельскохозяйственного производства на приусадебных участках колхозников, рабочих совхозов и единоличников — изменение налоговой политики, расширение земельных угодий этого сектора, изменение системы снабжения этого сектора сельскохозяйственной и специально разработанной техникой, удобрениями и др. Мероприятия, улучшающие снабжение села строительными материалами, топливом, расширение всех форм кооперативного хозяйства на селе, с изменением налоговой политики, расширение найма рабочих и их оплаты в соответствии с интересами дела, с изменением системы материального снабжения села.

Расширение возможностей и выгоды частной инициативы в среде обслуживания, в медицинском обслуживании, мелкой торговле, образовании и т. п...

Пересмотреть те стороны взаимоотношений государственно-партийного аппарата и искусства, литературы, театра, органов образования и т. п., которые наносят ущерб развитию культуры в нашей стране, снижают смелость и разносторонность творческого поиска, приводят к казенщине, серости и ритуальности. В общественных и гуманитарных науках, роль которых в современной жизни непрерывно возрастает (в философии, истории, социологии, юриспруденции и т. п.), — обеспечить ликвидацию застоя, расширение направлений творческого поиска, независимость от предвзятых точек зрения, использование всей гаммы зарубежного опыта...

Резкое улучшение качества образования. Повышение оплаты и самостоятельности учителей школ и преподавателей вузов. Уменьшить формальную роль дипломов и ученых степеней. Уменьшение унифицированности системы образования, более широкое профилирование в школах. Увеличение гарантии права на убеждения.

Расширение мер борьбы с алкоголизмом с привлечением

возможностей общественного контроля над всеми аспектами проблемы...

Реформа системы медицинского обслуживания. Расширение сети поликлиник и больниц, увеличение роли частнопрактикующего врача, медсестры, сиделки...

Вынести на всенародное обсуждение проект закона о печати и средствах массовой информации.

Принять решение о более свободной публикации статистических и социологических данных...»

Особенно, и прежде всего — о гласности:

«Законодательное обеспечение гласности и общественного контроля над принятием важнейших решений (как международных, так и внутренних, социального, экономического и экологического значения).

Гласность содействует контролю общественности за законностью, справедливостью, целесообразностью всех принимаемых решений, способствует эффективности всей системы, обуславливает научно-демократический характер системы управления, способствует прогрессу, благосостоянию и безопасности страны.

Соревновательность, гласность, отсутствие привилегий обеспечивают целесообразное и справедливое поощрение труда, способностей и инициативы всех граждан».

Это снова А. Сахаров. А вот Валерий Чалидзе, лишенный вскоре после написания им этих слов советского гражданства:

«К гласности следует стремиться во всем, что касается защиты прав. Гласность судебных процессов, гласное обсуждение административных решений о правах, гласное обсуждение проблемы прав в печати — лишь когда все это войдет в привычку людей, можно будет надеяться на рост эффективности защиты прав».

Московская хельсинкская группа, впоследствии уничтоженная арестами и изгнанием в эмиграцию, целью своей объявила именно «придание гласности фактов нарушения гражданских, политических и социальных прав». Да собственно и все правозащитное движение родилось с призыва к гласности. Когда после ареста Ю. Даниэля и А. Синявского на Пушкинской площади в Москве по инициативе математика и поэта А. Есенина-Вольпина 5 декабря 1965 года прошла первая правозащитная демон-

страция, демонстранты требовали не немедленного освобождения арестованных, но — «гласного суда» над ними. Это слово — «гласность» — с тех пор красной нитью проходит через всю историю советского правозащитного движения.

Приведенная довольно бессистемная мозаика цитат вовсе не претендует на полное и систематическое изложение идеологии правозащитного движения в СССР. Это было бы и невозможно, ибо в движении нет и не было «морально-политического единства». Это не партия, и движение на это никогда не претендовало. Примеры выбраны мною, чтобы показать, что нынешние идеи и вопросы перестройки, по официальной версии «поставленные самой партией и ее ленинским ЦК», давно и откровенно обсуждались в самиздате. Это идеи правозащитников.

Я вовсе не утверждаю категорически, что М. Горбачев заимствовал свои идеи из самиздата. В конце концов в биологии известен принцип конвергенции, по которой одинаковые условия обитания порождают одинаковые внешние формы даже генетически далеких организмов: например, рыб и млекопитающего — кита. Но, честно говоря, не исключаю такого знакомства. В конце концов КГБ, два десятилетия железной рукой истреблявший самиздат и правозащитное движение, не мог же не информировать о происходящем руководство страны. Если оно об этом не знало — это вовсе не говорит в его пользу. Руководство, санкционирующее репрессии против оппозиции, идеи которой ему неизвестны, не заслуживает доверия.

Сама правозащитная идеология родилась именно в кругах интеллигенции. Статистические исследования не проводились (вероятно, такие данные мог бы предоставить КГБ), но всякий следивший за развитием событий в стране за последние 20 лет, знает, что именно интеллигенция составила основной отряд оппозиции в Советском Союзе. Идеология правозащитного движения, все основные, наиболее плодотворные идеи нынешней «перестройки» родились именно в этом социальном слое. Не зря правозащитников обвиняли в том, что они — чисто «интеллигентское движение», что они «оторваны от масс». Было модно с

насмешкой повторять ленинские слова о декабристах: «узок круг этих революционеров, страшно далеки они от народа».

Впрочем, можно привести и некоторые цифры. А. Амальрик в 1969 году, во время расцвета «подписантского» движения коллективных и индивидуальных писем протеста властям, когда появилось много имен, которые можно было подвергнуть статистическому анализу, такой анализ провел. Вот процентное распределение, которое он получил: ученых — 45%, деятелей искусства — 22%, инженеров и техников — 13%, издательских работников, учителей, врачей, юристов — 9%, студентов — 5%, рабочих — 6%.

Вывод А. Амальрика, вполне согласующийся с личными выводами любого активного участника движения, однозначен: «опору движения составляет интеллигенция».

К сожалению, пока нельзя применить к правозащитникам продолжение ленинских слов о декабристах: «декабристы разбудили Герцена». История не повторяется в смысле примитивных совпадений. Но зато можно с полным правом сказать: «правозащитники разбудили Горбачева» — важно, сознает он это сам или нет. Важным будет лишь то, осознает ли М. Горбачев в полной мере серьезность и неотложность всех, подчеркиваю, всех поднятых диссидентством проблем.

Какова же была судьба правозащитников? Здесь следует рассмотреть два аспекта: их идейную эволюцию и развитие их отношений с властями. Оба процесса не проходили изолированно и во многом определяли друг друга.

Первая реакция властей на появление открытого инакомыслия была рефлекторной — хватать и сажать. Рефлекс впоследствии закрепился и вылился в осознанную, последовательную политику тотального подавления. Уголовный кодекс был дополнен рядом статей, в том числе печально знаменитой ст. 190¹, которая отличалась от «антисоветской агитации» только отсутствием у «преступника» «умысла на подрыв и ослабление советской власти». Человек, так сказать, клеветал в результате неясных движений души, как роза благоухает и соловей поет. Широко распространилась практика фальсификации уголовных обвинений против правозащитников с целью не только изолиро-

вать их от общества, но и скомпрометировать в глазах населения. Приведу лишь несколько из огромного числа примеров. Знаменитого украинского правозащитника и публициста Вячеслава Черновола во время отбывания им ссылки обвинили в попытке изнасилования. «Жертвой» оказалась дочь украинского генерала КГБ, случайно решившая провести свой отпуск в далекой Якутии, куда был сослан Черновол. Примерно в то же время среди членов Украинской хельсинкской группы, находившихся в лагерях, прокатилась волна наркомании. У всех были найдены наркотики, хотя лагеря их находились в разных концах нашей необъятной страны, и общение было невозможно. Членов других правозащитных организаций эпидемия наркомании почему-то миновала.

Лагеря наполнялись быстро, в чем, собственно, ничего нового для нашей страны не было. К началу 80-х годов, когда размах репрессий достиг максимума, за решеткой находилось несколько тысяч человек. Разумеется, это не сталинские миллионы. Важным отличием андроповских репрессий от ежовских или бериевских было то, что люди попадали в заключение, так сказать, за «дело». Этим делом могло быть «клеветническое утверждение», что у нас экономика в упадке, или что в судах процветает телефонное право, или что система закрытых распределителей для элиты позорна, — но тем не менее, дело каждый раз было. Невинных жертв, «истинных коммунистов», не понимавших, за что с ними так обошлись, уже не было. Никто, выслушав приговор, не восклицал более: «Да здравствует Брежнев!», или «Передайте Леониду Ильичу, что я невиновен!»

Напомню, что «эпоха застоя» внесла в репрессивную политику и свой вклад — карательную психиатрию. Тюремные психбольницы были и при Сталине, но их, во-первых, было мало, и, во-вторых, режим в них был таков, что они были своего рода спасением от лагерей уничтожения. Создание системы спецпсихбольниц, массовое их использование, введение режима, разрушающего психику и разум заключенного, — целиком достижение творческого гения Юрия Владимировича Андропова.

Такая реакция властей не могла не оказать влияния на идеологию, тактику и стратегию диссидентства. Конечно,

поскольку диссидентство — не партия, единым оно не было никогда и спектр воззрений внутри него всегда был чрезвычайно широк. Я здесь говорю лишь о некоторых преобладающих тенденциях. Так вот, в самом начале движения инакомыслящих его целью было добиться диалога с властью, установить некий *modus operandi*, в соответствии с которым совместными усилиями можно было бы направить страну на путь демократизации и экономического прогресса. Отсюда появление массового феномена «подписантства», коллективных и индивидуальных обращений к властям с указаниями на «ошибки», которые нужно исправить. Комитет прав человека, созданный в 1970 г. А. Сахаровым, В. Чалидзе и А. Твердохлебовым, в качестве одной из своих целей ставил «консультативное содействие органам государственной власти в области создания и применения гарантии прав человека, проводимое по инициативе Комитета или по инициативе заинтересованных органов власти».

Другой особенностью этого печального периода была заметная доля диссидентов «неомарксистского», социалистического толка, стремившихся к возврату «к ленинским нормам». Генерал Григоренко с его «Союзом за возрождение ленинизма» и «Саратовско-рязанская группа», ленинградские «Колокол» и «Левая оппозиция» — примеры можно множить и множить. Очевидно, содействовала распространению этих идей и «Пражская весна» с ее «социализмом с человеческим лицом», породившая надежды.

Волной репрессий власти скоро показали, что в сотрудничестве они не заинтересованы, и в социализме тоже. Один из сотрудников андроповского ведомства, изымая на обыске в Красноярске тома Ленина с пометками на полях, заметил: «Лучше бы вы, молодой человек, пили!» В таких обстоятельствах изменилась тактика правозащитников. Адресатом их обращений все более и более становилось мировое общественное мнение, ООН, международные правозащитные организации. Все больше и больше людей уходило в подполье, переходя от открытых выступлений к анонимной пропаганде через самиздат. Резко сокращается число «неоленинцев». Происходит их эволюция в сторону либеральной демократии, сионизма, почвенного православия. Особенно часто — именно в направлении воинствующей

религиозности. Люди с лагерным опытом подтвердят, что переход от воинствующего марксизма к воинствующей религиозности — может быть самая распространенная эволюция в лагере. Я не помню почему-то, чтобы подобную эволюцию совершил попавший за решетку либеральный демократ. Это — в сторону, информация к размышлению: видимо, структура мышления остается прежней, меняется лишь ее наполнение.

Но существеннее, чем индивидуальная духовная эволюция, тот факт, что уже во второй половине 70-х годов — начале 80-х годов среди «новобранцев» диссидентского движения социалистов почти нет (группа Фаина, арестованная в начале 80-х годов, — последний крупный всплеск этого направления). Это обстоятельство было немедленно использовано властью, чтобы заклеить диссидентство как «врагов социализма» и «агентов империализма», работающих, разумеется, за «подачки с Запада».

«Враги» эти некогда были самыми горячими приверженцами «истинного социализма». «Врагами» они стали не только в результате испытанного ими психологического шока, но и в результате более глубокого изучения теории и практики реального социализма. Они повзрослели, и в немалой степени должны благодарить за это власть.

Можно спорить о том, правы ли они в своем неприятии социализма. Я лично думаю, что они правы. Но в любом случае следует признать, что это неприятие — не результат злой воли, а результат глубоко пережитой духовной эволюции. Не клеймить их «врагами» надо, а просить у них прощения за совершенное над ними, пытаться их переубедить, привлечь на свою сторону. Если нужны лишние доказательства того, что инакомыслие вовсе не обязательно есть антисоциализм, так это новый социалистический ренессанс, который сейчас переживает инакомыслие, когда политика перестройки и гласности вселила новые, пусть самые малые надежды.

Какова же судьба правозащитников, судьба диссидентов в наше время, во время перестройки и гласности? До конца 1986 года практически ничего не менялось. Интенсивность арестов почти не ослабевала, арестованные продолжали сидеть, пресса продолжала их шельмовать, даже А. Сахаров,

как заявило государство устами самого М. Горбачева, был наказан за дело, ибо совершил «противоправные действия».

Поворотный пункт наступил в декабре 1986 года, когда в Чистопольской тюрьме погиб писатель и правозащитник Анатолий Марченко, а через несколько дней М. Горбачев, позвонив А. Сахарову в Горький, призвал его вернуться к «патриотической деятельности». Через месяц, в феврале 1987 года, была освобождена первая большая группа политзаключенных, положив начало продолжающемуся до сих пор процессу «вылотекущей амнистии». За истекший с тех пор год досрочно освобождено около 300 человек. И, что еще более важно, — политические аресты прекратились. Или почти прекратились.

Следует этому порадоваться? Конечно. Каждый человек — это особая, неповторимая судьба, и если честный и невинный человек оказался после долгих лет на свободе, то спасибо за это. Все так. Но... До сих пор в заключении остаются еще сотни политзаключенных. Мы знаем имена почти 400 человек, все еще с обритыми головами находящихся за колючей проволокой. Но наши знания неполны, знаем мы едва половину, так что фактически их там 700-750. Почему они еще сидят?

Те, кто все же освобождены, были освобождены «по помилованию», хотя о помиловании не просил никто, — все требовали реабилитации. Ни один не признал себя виновным. Но перед ними не извинились за украденные из жизни годы, а воровски, тайно помиловали. Почему? На брифинге в МВД было дано разъяснение: «Ходатайства таких граждан рассматривались в индивидуальном порядке Президиумом Верховного Совета СССР. Лица, о которых шла речь на брифинге, заявили о прекращении ими противоправной деятельности».

Это ложь. Помилование не было вызвано «отказом от противоправной деятельности». Юрий Кашлев на Венской конференции, предвзяв освобождение, откровенно заявил, что освобождение будет проведено, ибо наличие этих заключенных «осложняет отношения СССР с другими странами». Сначала было принято решение об освобождении — из политической корысти, — а затем у заключенных стали вымогать — буквально вымогать — заявления. Любым

заявления. Многие написали: «законов никогда не нарушал и нарушать не намерен. Не возражаю против своего освобождения». Этого оказалось достаточно. Но почему своим собственным гражданам об обстоятельствах этих освобождений нужно было лгать, а не сказать хотя бы с той степенью откровенности, которая была проявлена в Вене?

Некоторые из освобожденных пожелали уехать из страны и уехали. Их невозможно осуждать, а те, кто осуждает, просто не пережили на своей шкуре то, что пришлось пережить им. И слава Богу.

Но вот что интересно. Уехало меньшинство. Большинство осталось. Даже те, кто ранее, иногда даже до ареста, со всей решительностью добивались эмиграции, теперь свое мнение изменили. Изменили под воздействием тех перемен, которые происходят в обществе. Они сказали себе: *моя* перестройка в *моей* стране. И остались. Им, собственно, нужна была лишь гарантия, что их более не посадят. Гарантии нет, но есть надежда.

Как же встретили власти вышедших на свободу, тех, кто говорил о необходимости перестройки, когда еще об этом не говорил никто, кроме них? Встретили так, что подтверждают самые худшие опасения: освобождение части политзаключенных не было честным актом самоочищения, а всего лишь картой в политической игре.

Освобожденные политзаключенные не включены в политическую жизнь. Части освобожденных удалось вернуться к своим семьям, но далеко не всем, ибо этому мешают ограничения с пропиской. Еще меньшей доле — таких людей можно пересчитать по пальцам одной руки — удалось вернуться к своей работе, и это касается прежде всего творческой интеллигенции: ученых, журналистов, педагогов. Остальным приходится идти в дворники, лифтеры, истопники. Не то, чтобы профессии эти были позорны, но интеллектуальный творческий потенциал этих людей таков, что страна могла бы использовать его более эффективно.

Пожалуй в полной — или почти в полной — мере возвращен в общество лишь один А. Сахаров. Ну, Сахаров есть Сахаров. А остальные?

Люди, жизнью своей доказавшие свою преданность процессу демократизации, до сих пор остаются выброшен-

ными из общества. Но этого мало. Пресса — наша освободившаяся наконец от оков цензуры и страха пресса — продолжает их чернить и поливать грязью. Во всей советской прессе до сих пор не было сказано о правозащитниках, политзаключенных, бывших и настоящих, ни одного доброго слова. (За исключением упомянутой выше статьи Ю. Буртина, да и там добрые слова не имеют конкретного адреса.)

И если предыдущие упреки — это упреки в адрес власти, то настоящий упрек — в адрес нынешней творческой интеллигенции. Можно надеяться, что власть изменит свое отношение к политзаключенным: нынешнее руководство — кажется, первое советское руководство, которое показало способность меняться и извлекать уроки из собственных ошибок. Подождем. Но к нынешней советской творческой интеллигенции счет предъявляется иной — и более высокий.

Я с глубочайшим уважением отношусь к Егору Яковлеву и к газете «Московские новости», которую по праву считают авангардом перестройки. Но что заставило эту газету выступить с грязной клеветой в адрес Балиса Гаяускаса, и сейчас еще находящегося в ссылке на Дальнем Востоке?

Я лично знаю Гаяускаса, познакомился с ним в лагере. Более чистого, честного и ясно мыслящего человека я не встречал. Гаяускас отбыл 25 лет сталинских лагерей, прошел пыточное бериевское следствие, погибал на Колыме. Вышел на волю в 1973 году и уже на *следующий* день после освобождения пришел к А. Сахарову — обсудить положение в стране и свое место в правозащитном движении. Через 4 года Гаяускаса посадили снова — на этот раз на 15 лет. Он продолжает сидеть, ибо принципиально отказывается написать даже то формальное заявление, которое написали многие.

Я думаю, мало кто способен повторить такое. Но не клеветать на такого человека — это-то было возможно? И никакие тактические соображения оправдать клевету не в состоянии.

Почему все без исключения украинские газеты в последние месяцы буквально развернули травлю основателей Украинского культурологического клуба, бывших политзаключенных Михаила Горыня и Вячеслава Черново-

ла, имя которого на Украине стало легендарным?

Как посмела газета «Труд» после гибели в результате голодовки в Чистопольской тюрьме Анатолия Марченко — молодого рабочего, ставшего писателем, книги которого переведены на все языки мира, выступить с грязной клеветнической статьей о нем? В защиту Марченко, отбывшего шесть тюремно-лагерно-ссылных сроков выступали Джон Апдайк и Грэм Грин, Артур Миллер и Сэмюэль Беккет, Фридрих Дюренматт и Чеслав Милош, Эжен Ионеско и Артур Хейли, Клод Симон, Карл Поппер и многие, многие другие. Память погибшего Марченко почтила минутой молчания Венская конференция — за исключением советской и болгарской делегаций. А в это время «Труд» готовил статью, в которой говорилось, что Марченко — уголовник, безудержно восхвалявший фашизм. И это написано не в «период застоя», а в разгар гласности и перестройки. Какой «мастер культуры» это сделал? Почему не нашлось никого, кто поднял бы голос протеста?

Газета «Московские новости» опубликовала «письмо десяти» эмигрантов. Я согласен с критиками этого письма — письмо недостойное. Но сейчас я не об этом. Почему интеллигенты, отвечавшие на это письмо, все как один — из авангарда перестройки, не отвечали на аргументы, сильные или слабые, авторов письма, а исключительно обсуждали их личности. Как посмели они бросить авторам письма упрек в том, что те покинули страну в самое трудное для нее время, совершив тем самым предательство, и поэтому не имеют теперь права судить о проблемах страны. Ведь им, отвечавшим, было хорошо известно, как и почему авторы «письма десяти» покинули страну. Некоторые — как Буковский — в наручниках на специальном самолете. И болеть за свою страну они начали не в блаженный период перестройки, а тогда, когда быть истинным патриотом было опасно. Как сказал поэт: «Это что — стоять за правду. Ты за правду посиди!»

Сейчас пресса полна радостного колокольного звона по поводу реабилитации Н. Бухарина и его товарищей — через 50 лет после суда. Реабилитация эта — прекрасное дело, спора нет. Но как быть с теми, кого только что выпустили на свободу, кто недавно скончался в тюрьме или даже

продолжает сидеть и сейчас? Когда мы потребуем их реабилитации? Тоже через 50 лет? Ведь придется, рано или поздно придется реабилитировать. Или из «дела Бухарина» никаких уроков не извлечено, и никакое это не восстановление справедливости и законности, а просто очередной политический ход?

Пишут, и правильно пишут, о жизненной необходимости десталинизации, и десталинизация медленно, но началась. Я думаю, что она уже необратима. Сталина его защитники сдадут, и сталинизму тоже не вернуться, ибо одним из компонентов сталинизма являются не только страх и насилие, но и фанатическая вера и обожествление. Без этого сталинизма нет. Трудно себе представить в роли кумира кого-нибудь из членов политбюро. Время для этого прошло.

Но кроме десталинизации есть еще один процесс, который даже и не начался, и о необходимости которого во всей советской прессе никто не сказал единого слова. Назовем его *деандропизация*.

Андроповщина — это современное издание сталинизма. Сильная рука, способная укротить воров и взяточников, навести порядок, притом такой порядок, при котором ты можешь не бояться: будь послушен, уважай начальство и тебе никакая Колыма не грозит. Спи спокойно ночью, к тебе не постучат. Ну, а уж если власть не уважаешь, то сам и виноват.

Психология андроповщины пронизывает общество. Она — в потоке писем в газеты, протестующих против намека на отмену смертной казни и смягчение уголовного кодекса. Она — в результатах опроса общественного мнения, поставившего Андропова сразу после Ленина в числе наиболее выдающихся руководителей страны. Не случайно сейчас в широко развернувшейся кампании по возвращению городам и весям их исторических имен ни один человек — ни один! — не потребовал, чтобы старинному (с 1071 года) русскому городу Рыбинск вернули его старое имя. Город этот, несколько лет пробывший городом Щербаковым, сейчас носит имя Андропова. Вспомнили всех — даже у Калинина, пожалуй самого вегетарианского из советских вождей, потребовали отнять город. Всех — кроме Андропова.

Андроповщина — и в газетных кампаниях против

диссидентов. Бухарина — отдать не жалко. Его убил Сталин, который был давно. Но Андропов — наш современник, с ним приходилось вместе работать и его покровительством пользоваться.

Особенно тяжело встречать проявления культа Андропова у интеллигенции. Меня до сих пор поражает в рассказах о нем уважительное именование его «Юрием Владимировичем» — все равно, как кто-либо сейчас рассказывал бы о делах, пусть даже не преступных, «Лаврентия Палыча». Потрясают аплодисменты на съезде писателей, когда поэтесса Екатерина Шевелева с трибуны читала графоманские вирши «поэта Юрия Андропова». Гиммлер тоже писал лирику, даже оккультную.

Честно говоря, трудно понять, на чем основан культ Андропова. На сомнительном знании английского языка и любви к джазу? На том, что сам он, как и Сталин, не воровал и не коллекционировал лимузины? На начале борьбы с коррупцией, жертвой которой стали в первую голову его политические конкуренты? На сакраментальной фразе: «У меня нет готовых рецептов»?

Он лгал. Рецепт у него был. Рецепт этот — сила. Даже то единственное благое, что начал делать Андропов — борьба с коррупцией, — было материализацией этого рецепта. В этом он был профессионалом. Кроме идеи силы у Андропова не было ничего.

Первый взлет Андропова был связан с кровавым подавлением венгерского восстания. А вскоре началось и главное дело его жизни — искоренение крамолы внутри страны. Если Брежнев по праву рассматривается как «организатор» застоя, то Андропов был архитектором и прорабом его политики по отношению к инакомыслию. На нем лежит ответственность за изобретение страшных психиатрических тюрем, за издевательства над правосудием, за десятки тысяч, пропущенных через лагеря, за лагерные смерти.

Что сделал Андропов, сменив пост главного жандарма на другой, более высокий? Объявил охоту на голых в бане, прогуливающих работу, и, хлопнув дверью, ушел с женевского совещания по разоружению, резко взвинтив международную напряженность.

До тех пор, пока с писательских трибун будут читать стихи «Юрия Владимировича», а не назовут его открыто тем, кем он является, — преступником против человечности, — тень Андропова будет витать над страной, и перестройку нельзя будет назвать необратимой.

Я опасюсь, что все тот же живучий андроповский дух мешает установлению сотрудничества между творческой интеллигенцией, сохранившейся в системе и сейчас с увлечением осуществляющей перестройку, и теми, кто из системы не то чтобы выпал, а был выброшен, и кто, несмотря на это, по-прежнему стремится активно участвовать в процессе демократизации страны. Эти две группы людей сейчас все еще разделяет невидимый, но плотный барьер: опасно, нежелательно соприкоснуться с теми, кого заклемила рука КГБ. Как бы самому не получить это дьявольское клеймо!

Что ж, путь только начинается. Деандронизацию, как и перестройку, надо начинать каждому с самого себя. У российской интеллигенции, по какую бы сторону границы или колючей проволоки она не находилась, — общее дело, и сотрудничество необходимо. Но сотрудничество не может основываться на капитуляции и отречении от собственных убеждений.

Многие правозащитники — я отношусь к их числу — не верят, что демократизация и экономическое возрождение страны возможно на пути социализма. Тем не менее мы готовы — в который уже раз! — оказать тем, кто думает иначе, кредит доверия. Мы готовы, если опыт перестройки это покажет, признать свою неправоту. Это неперемное условие честного диалога. Но мы ожидаем, что и те, кто с нами несогласен, столь же откровенно признают свою неправоту, если избранный сейчас путь результатов не даст, и не закроют возможности иных путей. В конце концов социализм именуется научным, и как всякая наука, должен признать приоритет эксперимента.

Но не стоит спорить о словах. Наша общая цель действительно довольно проста — построить общество, в котором можно жить. Не так уж и мало. Как это общество будет названо — для меня не очень важно.

март, 1988г.

ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛИЗМА*

Нет, пожалуй, ныне понятия более растерзанного и запутанного, более оклеветанного и униженного, чем понятие «социализм». Наша долголетняя официальная пропаганда, пропитанная демагогией и софистикой, достигла по крайней мере того, что множество людей как внутри страны, так и за ее рубежами, считают наш строй социалистическим¹. А поскольку у нас налицо перманентная бесхозяйственность, низок жизненный уровень населения, нескончаемы репрессии, то презрение к такому образу жизни распространяется и на саму идею социализма.

Мы полагаем весьма важной задачей — способствовать рассеянию заблуждения по поводу сути социализма. Интересы дальнейшей консолидации людей доброй воли в демократическом движении ставят перед нами вопрос об уточнении своей позиции.

Мы были бы рады, если бы она привлекла внимание как участников демократического движения, так и представителей либеральных кругов и всех тех граждан нашей страны, кто чувствует и сознает необходимость перемен, способных обеспечить достойное человеческое существование.

I

1. Нашим исходным принципом является признание за *каждым* человеком нравственно-естественного права быть *личностью*, при чем *во всех отношениях*, иначе говоря, *права решать* (иметь решающий голос) во всех областях социальной жизни — политической, экономической, духовной, бытовой.

2. Ввиду этого мы ставим целью содействовать становлению такой социальной структуры, которая давала бы возможность осуществить **ВСЕОБЩУЮ ЛИЧНОСТ-**

* Статья написана 10 лет назад, в 1978 г., в Москве и распространялась в самиздатском журнале «Поиски». Примечание, приводимые в конце статьи, сделаны одним из авторов (П. Абовиным-Егидесом) в 1988 г. в Париже.

НОСТЬ как условие развертывания всех положительных потенций, заложенных в природе человека.

3. Иметь возможность состояться как личность, иметь возможность самоутверждения, самовыражения, самоопределения во всех отношениях и означает быть социально свободным. Общество, обеспечивающее *всем* такую возможность, мы и называем социалистическим. В нем должны слиться свобода, справедливость и равенство.

4. В социальном плане это означает равные возможности удовлетворять свои неравные потребности, осуществлять свои неравные способности. Социализм предполагает не усреднение самих потребностей, а равенство возможностей (усреднение же потребностей ведет к нивелировке личностей, что противоречит сущности социализма). Только в этом случае человек является личностью в социальном плане.

5. В политическом плане это означает демократию, не урезанную ни властью капитала, ни властью государственной, партийной или какой-либо иной элиты.² В настоящее время демократия предполагает сочетание принятия решений большинством голосов с правом меньшинства и отдельной личности доказывать несостоятельность этих решений, равно как с их правом на оппозицию, на автономию, на выход из данного социума. Таким образом, речь идет не о казарменной демократии, не о власти коллектива над личностью, не о подавлении ее, — речь идет о *личностной* демократии. Только при ней человек оказывается личностью в политическом отношении.

6. В экономическом плане это означает, что средствами производства должны владеть и распоряжаться сами производители.³ Дела производства должны решать те, кто на нем трудится. Эксплуатация чужого труда в каких-либо формах исключается. Это возможно лишь при устранении наемного и приемного труда. Лишь в этом случае человек становится личностью в экономическом отношении. (Наемный труд связан с куплей-продажей рабочей силы. Человек, продавший свою рабочую силу, перестает быть личностью в экономическом смысле. Так обстоит дело при капиталистической частной собственности. При государственной же собственности работник не нанимается на работу, ибо наем подразумевает взаимный договор, а принимается. Оплата

труда ему определяется сверху, — поэтому здесь неправильно говорить о заработной плате. Работник здесь также ничего не решает и, стало быть, не является личностью в экономическом смысле. Лишь в условиях общественной и индивидуальной собственности нет ни найма, ни приема на работу. Для этого экономика должна быть *отделена от государства*).

7. В культурно-духовном плане это означает не ограниченное цензурой право на творчество и творческие объединения, на распространение и потребление культурных ценностей и информации, на распространение любых философских, религиозных, социальных, политических взглядов. Только это делает человека личностью в культурно-духовном отношении.

8. В бытовом плане это означает полную автономию личной жизни от государства и коллектива, предоставление личности всех необходимых условий для подобной автономии. Только так человек может быть личностью в бытовом отношении.

9. Такое понимание социализма допускает как общественную, так и индивидуальную собственность на средства производства⁴, но не допускает ни частной, ни государственной собственности на них (частная предполагает наемный труд, государственная — приемный, обе они связаны с эксплуатацией чужого труда).

Лишь общественная и индивидуальная формы собственности по сути своей основаны на отмене наемно-приемного труда — следовательно, при них исчезает эксплуатация. Именно эти формы собственности дают возможность производителям самим решать дела своего производства, т. е. быть личностями в экономическом плане. При частной же собственности это право присваивает себе капиталист, а при государственной — партгосаппарат.

10. Переход от индивидуальной собственности к общественной и обратно при социализме — добровольное дело граждан. Но поскольку современная техника требует крупных производственных объединений, то основной формой собственности при социализме, естественно, окажется общественная (в виде общенародной и кооперативной). Свободный рынок будет естественным образом

регулировать соотношение между общественной и индивидуальной формами собственности.

11. Социализм, как он здесь определен, в корне отличается как от государственного «социализма» (который предполагает государственную эксплуатацию приемного труда), так и от мелкобуржуазного «социализма» (который не предохраняет от возникновения частнособственнической эксплуатации наемного труда), равно как от различных форм ограничительного «социализма» (который состоит лишь в ограничении размеров частного капитала, в контроле за мерой эксплуатации, но не исключает ее). Если первый предполагает тоталитаризм, второй ведет к капитализму, то третий, путем ограничения последнего, призван его же (капитализм) сохранять.

И лишь только социализм, основанный на отмене наемно-приемного труда, сочетающийся со свободным рынком, создает такое оптимальное соотношение общественной и индивидуальной собственности, которое достаточно для того, чтобы индивидуальная собственность не перешла в частную, а общественная — в государственную. Т. е. он достаточен для реализации незыблемого принципа социальной справедливости — отсутствия эксплуатации чужого труда.

12. Реализация так понимаемого социализма может, думается, импонировать всем слоям населения (кроме, разве, любителей паразитировать на чужом труде). Социализм совместим как с атеизмом, так и с религией, в том числе христианской. Более того, христианство совместимо только с социализмом, так как эксплуатация чужого труда противоречит его сущности.

Реализация социализма, представленного здесь, может удовлетворить и чаяния либералов, стремящихся видеть страну вписанной в русло современной цивилизации, и чаяния почвенников-демократов, поскольку он может стать выражением *самобытности* социального развития народов.

II

13. Социалистического общества в истории человечества не было. Нет его и сейчас.

Для Запада характерно сочетание политической демократии (гражданских свобод) с экономической диктатурой капитала, что ведет к деформации самой демократии, обуславливает социально-духовные пороки, нравственные болезни, несмотря на сравнительно высокий жизненный уровень.

Для Востока (СССР и его сателлиты, Китай) характерны как политическая, так и экономическая и культурно-духовная безличность, что обусловлено системой тотальной диктатуры, т.е. диктатуры, распространяющейся на все области социальной жизни. Здесь нет общественной собственности и почти задавлена индивидуальная, допускаемая лишь в пределах, позволяющих не задохнуться государству. (Так, приусадебные хозяйства, занимающие лишь 1/20 всей обрабатываемой земли, дают у нас 1/3 сельскохозяйственной продукции страны). Распоряжение со стороны государственно-партийной олигархии средствами производства, тотальное директивное планирование при отсутствии широкого свободного рынка, наряду с тотальной безличностью, обуславливают не только нравственные болезни и социальные пороки, но и застой экономики, низкий жизненный уровень населения, постоянный дефицит товаров широкого потребления.

14. Но из того, что социалистического общества нигде еще нет, вовсе не следует, что оно — фантазия, утопия. Элементы его уже существуют в мире.

Так, на Западе они бытуют в виде политических свобод, контролирующей роли профсоюзов, а в некоторых производствах — в виде участия трудящихся в дележе дивидендов, в неограниченности индивидуальной собственности, хотя ей трудно конкурировать с частной.

В Югославии существует рабочее самоуправление, хотя деятельность его в значительной мере парализуется политической диктатурой партии. Кибуцы в Израиле, различного рода артели могут также рассматриваться как элементы социализма, вкрапленные в капиталистическую систему.

В таких же странах, как СССР, Китай и аналогичные им, об элементах социализма можно говорить в том негативистском смысле, что здесь нет частной собственности. Эти

элементы существуют здесь и в виде чрезвычайно ограниченного права на индивидуальную собственность.

15. Для осуществления социализма в нашей стране (и аналогичных) необходимо прежде всего освободиться от недемократического режима. Именно этот режим, из-за которого зачали начальные побег социализма, дает возможность олигархии выдавать наш строй за «реальный социализм», фактически противопоставляя его самой сущности социализма. «Реальным социализмом» называют жесоциализм — узурпацию собственности у народа госпартэлитой, эксплуатацию приемного труда, спецпривилегии для элиты, фактическую отмену принципа распределения благ по труду.

16. Характерными чертами так называемого «реального», «развитого социализма» являются: безразличность, безответственность, безынициативность, бездумье, бесхозяйственность, бездушие, беспечность, безгласность, бесправие и ряд других «без'ов» и «бес'ов». Людям ленивым, недеятельным такой обломовский образ жизни нравится, они против него не восстают, тем более что протест сопряжен с репрессиями. Поэтому наше общество *как бы* стабильно, что обуславливается и тем, что элитарный слой все больше становится наследственным (все больше детей номенклатурщиков становятся номенклатурщиками, детей дипломатов — дипломатами, высших военных — военными и т. д.).

С другой же стороны, общество «развитого социализма» *застойно*, что выражается в своеобразной постоянной и повсеместной «итальянской забастовке», в низком качестве продукции, в непрерывном кризисе сельского хозяйства, варварском разбазаривании природных богатств и человеческой энергии, низком уровне фундаментальной науки и техники (кроме военной), заимствовании их у «загнивающего» Запада, где совершается научно-техническая революция и который нам 60 лет не удастся догнать. А это все вызывает *нестабильность* нашего общества.⁵

17. Подъем современного общества до неограниченно-демократического, до гуманного, личностного, т. е. социалистического, есть не только пожелание и стремление нашей нравственной природы, но и социально-экономическая, историческая необходимость. Речь, стало быть, должна идти

не о конвергенции «Восточной» и «Западной» систем, а о подъеме каждой до социализма.

III

18. Основное содержание современной эпохи — не в борьбе между социалистической и капиталистической системами: такой борьбы нет ввиду отсутствия одной из систем — социалистической.

Основное содержание нашей эпохи в другом — в борьбе между *тоталитаризмом* («левым» и «правым») и *демократией*, которая пока что существует лишь в капиталистическом варианте, в борьбе между *безличностным* и *личностным* типами общества.⁷

Тоталитаризм, проявляющийся во всех областях общественной жизни, ведет не только к духовному вымиранию там, где он уже господствует, но и представляет собой угрозу для демократического мира. Такова природа тоталитаризма — распространяться, захватывать и ассимилировать все, что с ним не схоже. Тоталитаризм не может не стремиться к великодержавности, экспансии, гегемонии. Точно так же он не может обходиться без провозглашения кого-либо внутренним или внешним «врагом»: без этого он погибнет. Оставшись одни, тоталитарные государства не только не перестали бы враждовать между собой, но в борьбе за гегемонию не остановились бы ни перед чем и могли бы взорвать человечество.

19. Стало быть, основной вопрос современности состоит в том, кто кого одолеет: тоталитаризм — демократию или демократия — тоталитаризм. Равновесие между ними все больше нарушается из-за беспечности демократического мира, обусловленной его внутренней противоречивостью, причиной которой является капитализм.

Из-за своей алчности и сластолюбия бизнесмены готовы идти на сделку с кем угодно, хоть с дьяволом, хоть с тоталитаризмом. Капитализм поэтому обуславливает не только социальные болезни внутри западного демократического общества, но и растит его могильщика в лице тоталитаризма. Поэтому спасти демократию, современную цивилизацию может только социализм. Вне социализма

человечеству грозит духовное вырождение и, возможно, физическое истребление.

20. Ключом к решению основного вопроса современности является *демократизация СССР*; он — самая мощная держава в тоталитаристском мире, и демократизация его могла бы привести к аналогичному процессу в других странах этого мира.⁸

IV

21. Достичь социализма в капиталистических странах — ввиду имеющейся там политической демократии — можно только ненасильственными методами, т. е. демократическими, парламентскими, конституционными. Вооруженная насильственная борьба может привести к диктатуре, тоталитаризму, что делает социализм невозможным.

Насилие претит нравственной природе человека. Применение силы нравственно оправдано лишь в отношении существ, создающих неморальную ситуацию, т. е. при обороне от зверей, бандитов, террористов, узурпаторов и прочих насильников. Применение силы в таких случаях не есть насилие в этическом плане. Напротив, в таких случаях отказ от силы лишь способствует насилию, т. е. является акцией аморальной.

22. Ввиду этого мы разделяем позицию еврокоммунизма, заключающуюся в отказе от вооруженной социалистической революции, в признании конституционного пути к социализму, в отвержении принципа диктатуры пролетариата и принятии принципа плюрализма.

Еврокоммунизм однако непоследователен:⁹

а) Признавая демократический путь к социализму, он не подчеркивает, что вооруженная революция в *принципе* недопустима ни в одной стране с политической демократией (а не только в Европе и не только сегодня).

б) Отказ от диктатуры пролетариата еврокоммунизм не объявляет всеобщим принципом, а локализует его («для передовых капиталистических стран»). Между тем, всякая диктатура несовместима с социализмом. Диктатура же пролетариата неминуемо вырождается в диктатуру олигархии, в тоталитаризм, уничтожающий саму суть социализма.

в) Логическим следствием отказа от вооруженной революции, диктатуры пролетариата как метода достижения социализма является отказ от ленинизма, суть которого сосредоточена в ленинской теории революции и который считает диктатуру пролетариата главным в марксизме. Тем не менее, пока только испанская компартия оказалась в этом вопросе последовательной, перестав называться «ленинской». ¹⁰

г) Провозглашая, что социализм невозможен без демократии, и зная, что в странах так называемого «социалистического лагеря» нет никакой демократии, еврокоммунизм должен был бы, оставаясь последовательным, заявить, что в этих странах нет и социализма. Однако он — вопреки логике — лишь отмечает, что в этих странах плохой, недемократический, но все-таки социализм.

Недемократический социализм — такая же *бессмыслица*, как квадратный круг: социализм может быть *только* демократическим. Поэтому, кстати, неприемлемы и такие выражения, как «социализм подлинный, с человеческим лицом, демократический, гуманный, личностный» и т. п. Все эти качества просто *присущи* социализму, без них его нет.

Плохой, недемократический «социализм» в нашей стране — это не социализм, а совсем другой социально-экономический строй. Его можно назвать олигархическим, элитаристским, в нем имеются черты госкапитализма, крепостничества, рабства, но он во всяком случае не является социалистическим. ¹¹

23. В специфических условиях современности демократия в нашей стране, как и в других странах тоталитарного «коммунизма», может быть завоевана без революции, если демократическое движение увлечет за собой определенные круги либералов и люди различных слоев примкнут к диссидентству, а зарубежное общественное мнение, особенно социалистические и еврокоммунистические партии, морально их поддержит. Под давлением демократического движения может в руководящих кругах произойти раскол, при котором одна часть руководства, увидя, что дальнейшее сопротивление демократизации бессмысленно, устранил другую. ¹²

В демократической стране не мстят устраненным от власти тиранам. Никто не станет уподобляться нашему нынешнему жестокому, безжалостному руководству, репрессирующему борцов за демократию, но чем дальше оно будет проводить репрессии, тем большим позором покроет себя перед современниками и потомками.

24. После обретения политической демократии народ наш сам выберет удобный для себя образ жизни и социально-экономический уклад. Мы, сторонники социализма, надеемся, что он изберет социализм. Если он этого не сделает, мы будем в оппозиции — только и всего, ни в коем случае не станем мы навязывать свои убеждения силой: это претит самой нравственной сущности социализма.

V

25. Демократизация нашей страны, как минимум, означает¹³:

а) В политическом плане:

Введение права на оппозицию; изменение Положения о выборах с тем, чтобы на одно депутатское место было в бюллетене несколько (не менее двух) кандидатов; неограниченное право выдвигать кандидатов в депутаты любой группой лиц; право выступать *за* и *против* любого кандидата (в печати, по радио, телевидению, на собраниях, митингах); предоставление гражданам гарантированного законом права критиковать любого члена руководства страной, включая главу государства, партии, правительства; ликвидацию КГБ как органа борьбы с оппозицией; отмену фактической диктатуры партаппарата над Советами, что означает «Вся власть плюралистическим Советам!»; гарантированное фактическое право на самоопределение наций; неограниченную свободу слова, печати, собраний, демонстраций, распространения любых философских, религиозных, социальных взглядов.

б) В экономическом плане:

Право трудящихся на организацию профсоюзов, независимых от государства-работодателя — профсоюзов, которые защищали бы интересы своих членов; право трудящихся на забастовки; фактическое право требовать увеличения оплаты труда, снижения цен, увеличения

пенсионного обеспечения, улучшения положения трудящихся женщин (сокращения рабочего дня и увеличения отпусков по сравнению с мужчинами); ликвидация детского труда; введение рабочего самоуправления вместо назначения администрации сверху (т. е. реализацию лозунга Октябрьской революции «Фабрика — рабочим!»); реорганизация снабжения, исключая привилегированное положение столичных городов, ликвидация спецпривилегий элиты (спецраспределителей, спецдач, спецплаты и т. д.); превращение «колхозов» в колхозы (в кооперативные хозяйства), т. е. предоставление им права самим распоряжаться своей продукцией и устанавливать на нее цены; серьезное расширение реестра разрешенных индивидуальных работ и резкое снижение на них налогов.

в) В социальном и социально-бытовом плане:

Предоставление гражданам права проживать где угодно внутри страны и вне ее, что предполагает отмену паспортной системы и системы прописки, являющихся формой крепостничества; введение неограниченного права на эмиграцию и иммиграцию; фактическое равное право всех граждан на благоустроенное жилище; резкое снижение цен на кооперативные квартиры, приведение их (цен) в соответствие с реальными затратами на строительные материалы и строительные работы и предоставление гражданам права распоряжаться кооперативными квартирами как своей собственностью; равное право граждан на качественное медицинское обслуживание, ликвидацию медицинских спецпривилегий элиты (специализированные поликлиники, специализированные больницы, специализированные санатории, специализированное оборудование, специализированный персонал и т. д.); бесплатный отпуск лекарств не только в стационарах, но и через поликлиники; фактическое равное право всех граждан на качественное образование без сословной и национальной дискриминации.

г) В культурно-духовном плане:

Отмена фактической цензуры (ликвидация «Главлита» и его филиалов) в любой форме; предоставление гражданам неограниченного права на творческие объединения, независимые от государства и парторганов (в том числе: права на свободные журналы, газеты, лектории, клубы и т. д.).

д) В правовом плане:

Немедленное освобождение всех политических заключенных; внесение в Конституцию поправок, ликвидирующих в ней неконституционные пункты, двусмысленные формулировки, позволяющие карательным органам расправляться с оппозицией (это прежде всего касается пунктов, узаконивающих диктатуру партийной олигархии и сводящих на нет гражданские свободы — слова, печати, демонстраций и т. д.); внесение в Конституцию права на распространение религиозных взглядов наряду с атеистическими; отмену в Уголовном кодексе статей 70 и 190¹, как позорящих страну; отмену в УК других антидемократических статей и двусмысленностей; отмену указа о наказании за «тунеядство»; реальную гуманизацию содержания заключенных; значительное сокращение сроков лишения свободы за уголовные преступления; отмену смертной казни; отмену принудительного труда и систематического недоедания заключенных как формы пыток; введение для подсудимых лиц условий, равных условиям людей на свободе, так как подсудимый еще не является виновным; введение права оппозиционной общественности контролировать места отбывания наказаний и условий содержания заключенных; введение полностью открытых судов на политических процессах с допуском на них всех желающих присутствовать, в том числе иностранных корреспондентов; предоставление права приглашать адвокатов из других стран и общественных защитников из среды оппозиции; отмену карательной психиатрии и наказание лиц, прибегающих к ней.

26. Осуществление минимума демократизации нашего общества станет основой, которая позволит в дальнейшем достичь *плюралистической* демократии. Лишь такая демократия может быть политическим условием существования социализма, который плюралистичен по своей сущности:¹⁵ он покоится на свободно сбалансированном сочетании общенародных, кооперативных и индивидуальных хозяйств.

От плюралистического типа демократии в форме многопартийности можно будет идти к более высокому уровню демократии — к *беспартийной* форме ее. Для этого потребуется движение за подъем *культуры мышления* всего

народа до такой степени, при которой уже никакой — даже самой изощренной демагогией и софистикой невозможно будет опутывать сознание людей, манипулировать им, при которой оно станет свободным от всякого конформизма и самоотчуждения.

Это движение за высокую культуру мышления сольется с движением за высокую культуру чувства, и вот тогда-то *человек-средство* превратится в *человека-цель*. Иначе говоря, творческий труд, имея глубокое нравственное основание, из средства жизни превратится в смысл жизни, а удовлетворение биологических потребностей из смысла жизни станет ее средством, т.е. ценностная ориентация (шкала ценностей) человека изменится кардинально, и личности будут строить свою жизнь по законам ДОБРА и КРАСОТЫ.¹⁶

*

Таковы те принципы и положения, к которым мы пришли на сегодня. Не исключено, что они могут в дальнейшем (после определенной всесторонней доработки) быть предложены в качестве основы социалистической платформы (или социалистической хартии), когда наступит для этого время. Пока же мы полагаем, что следовало бы развернуть в «Поисках» дискуссию по поднятым проблемам.¹⁷

Р. С. Прямым доказательством того, что у нас нет ни толики демократии и, стало быть, ни грана социализма является хотя бы то, что мы, сторонники социализма, не можем широко опубликовать «Принципы социализма» в «социалистическом» государстве, — больше того, не можем быть уверены, что за их написание не будем репрессированы.

г. Москва, 1978 г.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Считают наш наличный строй социалистическим и горбачевцы, — и в этом исходный пункт противоречивости их позиции.

2. «Новая редакция» Программы КПСС определяет социализм несколько иначе. Но даже судя по ее определению, видно, что социализм в СССР не осуществлен.

3. Есть много определений социализма, но в экономическом плане все они фактически сходятся на этом. А именно *этого* нет до сих пор в СССР. К имеющимся определениям мы бы могли добавить: социализм — это

универсальная демократия (т. е. и в политическом, и в экономическом планах, — последнего же нет и на Западе, поскольку наемные производители не имеют права решающего голоса на производстве, где работают); социализм — это панперсонализм, т. е. *универсальная личность* (в том числе в экономическом плане, чего опять-таки нет пока нигде); социализм — это общество, в котором *каждый* производитель является собственником, т. е. фактически причастен к собственности — индивидуальной, коллективной или общенародной (чего нет ни на Западе, ни в СССР); социализм — это *всесторонняя свобода*, *всестороннее* осуществление естественных всеисторических прав человека, *всестороннее* преодоление отчуждения и самоотчуждения.

4. Как и горбачевцы сегодня, мы всегда считали, что индивидуальная трудовая деятельность органически вписывается в социализм (что невдомек консерваторам-догmatикам). Исключая же государственную собственность из объема понятия «социализм», мы имеем ввиду *недемократическое* государство. Как и они ныне, мы давно утверждали, что это режим довел экономику до *застоя*, до кризиса, — но им еще надо признать, что *этот режим* претит социализму, иначе будут правы правые, утверждающие, что в застое виноват сам социализм. Сегодняшние реформаторы, как и мы много раньше, признали, что без демократии нет социализма, — но они себе логически противоречат, полагая, с одной стороны, что *демократии* у нас *нет* (поскольку провозгласили, что нужна *демократизация*), а, с другой стороны, что *социализм есть*. Надо же быть логически последовательным: сказав «а», надо иметь интеллектуальное мужество сказать «б». Выступая ныне за то, за что мы выступали 10 лет назад, реформаторы не должны поддаваться тем ретроgrадам, которые пытаются игнорировать диссидентов — самую искреннюю и самую смелую часть нашего народа.

5. Уже в 70-е годы мы говорили о застое, о *нестабильности* нашего государства, нашего режима (а А. Зиновьев полагает, будто этот режим стабилен на века). Сейчас и горбачевцы поняли, что, если так будет продолжаться, то о стабильности не может быть и речи.

6. Мы уже тогда относились критически к теории конвергенции А. Д. Сахарова (подобнее см. в книге П. Абовина-Егидеса «Сахаров. Трагедия великого гуманиста». Париж. 1985, изд. «Поиски»),

7. К личностному типу относятся античное общество и современное демократическое (западное), к безличностному — первобытное родоплеменное общество, восточно-деспотическое, средневековое крепостническое, фашистское и тоталитаристское, в том числе, к сожалению, и наше общество.

8. Поэтому нам импонирует провозглашенный ныне горбачевцами курс на демократизацию — при всей его противоречивости, логических неувязках и непоследовательности. А ведь именно за этот наш тезис — за требование демократизации — нас предавали анафеме.

9. И эта непоследовательность еврокоммунизма привела к тому, что он оказался мертворожденным.

10. а) Отказ от ленинизма не означает отказа от марксизма, — а лишь от ленинской теории революции, от ленинского понимания диктатуры пролетариата как *главного* в марксизме, от ленинского тезиса о критерии

морали, равносильного отрицанию последней. б) Отказа от всего этого, равно как и от возникшей при Ленине монопартийной системы с уничтожением фракций внутри партии, не означает отказа от тех положительных моментов, которые связаны с именем Ленина, от ленинских представлений о социализме и социалистическом государстве, изложенных в его книге «Государство и революция».

11. Всякое название условно. Особенно трудно найти адекватное название для строя в нашей стране: это — симбиозное общество, включающее разнородные компоненты, такие как гос. феодализм, гос. рабовладение, элементы гос. капитализма и некоторые квазисоциалистические штрихи.

12. Мы можем быть удовлетворены тем, что наш прогноз сбывается: горбачевское руководство является той частью элиты, которая поняла необходимость обновления и старается оттеснить остальную часть ее. Если оно окажется решительным, то демократия — а значит, в наших условиях, и социализм — победят без новой насильственной революции.

13. Из изложенного здесь минимума, без введения которого невозможно говорить о демократизации, в сопоставлении с тем, что обещают и делают горбачевцы, следует, что они пока имеют в виду не демократизацию как таковую, а лишь *элементы* ее (возьмем хотя бы наш самый первый пункт — право на оппозицию, — нет этого пока, как нет и права на организацию свободных профсоюзов, но уже ставится вопрос о **выдвижении** нескольких кандидатов на одно депутатское место, равно как о выборности директоров предприятий — такие требования еще недавно считались крамолой). Точнее: речь пока идет о некоторой либерализации, а не о демократизации.

14. Многие пункты, входящие в рубрики «в», «г» и особенно «д», к великому сожалению, даже не обсуждаются в горбачевских документах и нынешней советской прессе.

Через 10 лет после того, как эти рубрики увидели самиздатский свет, даже горбачевское руководство не готово на обсуждение предлагаемых здесь мер, хотя они элементарны с точки зрения демократического социализма.

15. Границы социалистического плюрализма — антидемократизм, антигуманизм, расизм, шовинизм, — и, пожалуй, ничего больше.

16. Т. е. спасение человечества и условие его действительного процветания — в массовой *логико-этической* революции, движение за которую должно начаться уже теперь.

17. Дискуссию в «Поисках» по «Принципам социализма» мы развернуть так и не успели — журнал был разгромлен органами КГБ.

18. Этот аргумент продолжает, увы, действовать: и по сей день опубликовать «Принципы социализма» на родине невозможно.

19. Так и случилось.

П. Абовин-Егидес,
февраль 1988 г., Париж

Лариса Богораз, Сергей Ковалев

ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ОБЪЕДИНЕНИЮ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ?

19 июня редактор журнала «Форум» связался по телефону с москвичами Л. И. Богораз и С. А. Ковалевым — известными правозащитниками, бывшими политзаключенными, членами независимого пресс-клуба «Гласность» — и попросил их ответить на несколько вопросов.

Малинкович: Здравствуйте, Лариса Иосифовна и Сергей Адамович. Прежде всего, я хотел бы спросить о Ваших впечатлениях от только что закончившейся XIX партконференции. Было очень много надежд на ускорение демократизации. Как вы считаете, оправдались ли эти надежды?

Ковалев: Надо, наверное, начать с самых общих соображений — даже не соображений, а впечатлений. И первое, надо сказать, что отвечать на этот вопрос с полной определенностью, наверное, преждевременно. Дело в том, что и тезисы партконференции, и резолюция партконференции во многих существенных местах носят совершенно неопределенный характер. Окончательный ответ на Ваш вопрос, как мне кажется, даст последующая их реализация, последующее развитие.

Малинкович: Но там есть довольно конкретный пункт, который вызывает возражения и опасения. Это пункт об объединении в одном лице двух должностей — первого секретаря парткома (райкома, обкома или ЦК) и председателя соответствующего Совета. Ваше мнение по этому поводу?

Ковалев: Вот и этот пункт представляется мне совершенно неоднозначным. Я хотел бы сказать еще две фразы, касающиеся общей оценки. Понимаете, мне представляется обнадеживающим вот какое обстоятельство. Дело в том, что на конференции были представлены преимущественно работники партийного аппарата, а все мы знаем, что это за публика — видели ее совсем недавно своими глазами. И все-

таки общий курс перемен удалось утвердить и одобрить. Вот это представляется мне очень обнадеживающим результатом партконференции. А неопределенность, повторяю, есть практически во всех (в каких-то в большей мере, в каких-то в меньшей) резолюциях. Сейчас уже надо ждать иных решений. Впрочем, обусловлены короткие сроки для принятия этих решений.

А теперь относительно совмещения в одном лице разных функций. Я повторяю: мне кажется, что это вопрос не вполне однозначный. Вот почему. Вообще-то, с точки зрения права и с точки зрения всех других общих решений конференции, речь все-таки идет в основном о разделении функций. В иных местах дело доходит даже до разделения властей. Советская правовая доктрина до сих пор это решительно отрицала, и не было никогда никаких шагов в направлении разделения прерогатив. Вот теперь такой шаг сделан еще и в этом направлении. Хотя очень еще неопределенный. Я имею в виду предложение о том, чтобы представители исполнительных органов не входили в законодательные органы и вообще в советы депутатов. Вот мне и кажется, что это такой нерешительный шаг в решительно положительном направлении. Хотя речь все-таки идет о разделении труда, о разделении функций, но не о разделении прерогатив, не о разделении властей. И вдруг такое противоречивое решение о рекомендации совмещения должностей первого секретаря и председателя соответствующего совета. Ну, с точки зрения права, тут, в общем-то, все вопиет против этого странного решения. Сама форма «*как правило, рекомендовать*», как это записано в резолюциях, совершенно не свойственна языку права. Как этим пользоваться? Что значит «как правило»? Наконец, это шаг в прямо противоположном по отношению ко всей общей тенденции направлении. И он, конечно, может быть чреват серьезными опасностями.

Малинкович: Если бы это была только резолюция партконференции — такое вот направление деятельности партии, то выражение «*как правило*» для резолюции вполне подходящее. Может быть, предложение «секретарь-председатель» даже имело бы какой-то смысл, потому что другой

реальной силы, кроме партии, в стране пока еще нет. Они могли бы даже провести демократизацию таким путем. Но ведь это будет записано в конституции в самое ближайшее время. Уже осенью этого года, а весной должен быть новый Верховный Совет. А если это будет записано в конституции, то будет узаконен произвол, так как власть государственная будет прямо, гораздо более четко, чем сегодня, подчинена власти партийной. Вас не смущает именно тот факт, что это не в партийной резолюции будет закреплено, а в конституции. А это, как Вы верно сказали, абсолютный абсурд. Это с юридической точки зрения нонсенс. Это просто не звучит на языке закона.

Ковалев: Да, с точки зрения права, это, мягко выражаясь, странное новшество. Право не знает такого рода вещей. Но дело в том, что я не понимаю, как это может быть реализовано в законодательстве. Опять-таки в виде рекомендаций, с оговорками «как правило» (ведь так сказано в резолюции)?

Малинкович: Но так не может быть записано в законе.

Ковалев: Но так не может быть записано в законе. Либо в законе должно быть записано нечто большее. Эти слова и некоторый механизм определения этого правила и этого «как правило», и этой рекомендации. Я просто не представляю юридической формы, в которой такая рекомендация могла бы быть непротиворечиво по отношению к общим принципам права записана. Совершенно непонятно, как закон может закрепить рекомендацию, желательность.

Малинкович: Совершенно верно. И я хотел бы коснуться несколько иного аспекта. Уже на партконференции было очевидно, что значительная часть аппарата недовольна активностью прессы, гласностью. Сразу же после конференции, буквально через 10 дней, было специальное совещание, на котором выступил Александр Яковлев, и в его выступлении прозвучала мысль, что нужно быть поосторожнее, что нужно не очень трогать аппарат, а расширять гласность вокруг проблемы кооперативов и других подобных проблем. Вам так не показалось? Не чувствуете ли Вы опасности для гласности?

Ковалев: Видите ли, в документах такая опасность не отражена, и, кроме того, пока, по-моему, наблюдается

немножко другая тенденция. Пока не видно тормозов в печати. Та дополнительная свобода, что появилась после реакции «Правды» на письмо Андреевой, пока не пресечена.

Малинкович: То есть, будущее покажет, как это все будет развиваться.

Ковалев: Да, кажется так, хотя, как Вы понимаете, у нас опасности такого рода существуют всегда. Пока не осуществились законодательные реформы, о которых постоянно идет речь, возможности произвольных изменений в сфере гласности очень велики. И совершенно нет механизма, который мог бы предоставить юридическую и фактическую защиту. Еще много месяцев назад мы слышали такое фантастическое предложение от одного из наших друзей, отсидевших в свое время срок (в 60-ые годы), — предложение, кажется, направленное им в ЦК. Такое же, как и то, что было в докладе Горбачева, предложение. Я далек от мысли, что именно оно было использовано для развития идеи о совмещении должностей. Но, тем не менее, такая идея, как Вы видите, возникала совсем с другой стороны, а не только в партийных кругах. Идейная суть этого предложения состояла в следующем. Что делать? — мы живем в условиях, когда реальная власть принадлежит партии. И независимо от того, хорошо это или плохо (с нашей точки зрения, это неважно), такова реальность. Как же, в таком случае, сделать менее изолированной эту власть, поставить ее хоть в какой-то мере под контроль, хоть немножко расшатать кастовость аппарата? Так вот наш друг предлагал добиваться этого именно таким способом. Раз уж партийная власть — это реальная власть, так давайте преобразуем ее во власть советскую. Вот пусть партаппарат и выбирают, как выбирают сейчас Советы.

Малинкович: Да, очень любопытный ракурс.

Ковалев: Предложение Горбачева — это, в общем-то, четверть шажка в таком направлении. С одной стороны, должность председателя Совета выборная, а с другой — на нее рекомендуется первый секретарь. — Ну, а если его не захотят выбрать? — спрашивает Горбачев. — Тогда что же, тогда партийные органы должны поставить вопрос о соответствии его должности первого секретаря. Что же ты за первый секретарь, если тебя не выбирают?

Малинкович: Это верно, но это ставит под сомнение всю избирательную систему. Если избирательная система будет единой и если она будет допускать выдвижение неограниченного числа кандидатов, то первый секретарь должен конкурировать на выборах с другими кандидатами. В условиях такой конкуренции, естественно, партия имеет право выдвигать и пробивать первого секретаря, пользуясь своим авторитетом, и часто она будет добиваться победы, но тем не менее...

Ковалев: Но тем не менее, закреплять в законодательстве такое совмещение должностей без конкурентных выборов невозможно и противно принципам права.

Малинкович: Это продемонстрирует всем, что для первого секретаря делается исключение из закона, а значит закон — уже не закон, и все разговоры о правовом государстве — всего лишь болтовня.

Ковалев: Да, конечно. Что касается правового государства, то хорошо работающая структура этого государства заведомо предполагает полное разделение властей — и законодательной, и исполнительной, и судебной тоже. Какие-то неопределенные шаги в этом направлении вроде бы и делаются, а вроде бы и нет.

Малинкович: Причем в советских условиях, по-видимому, речь должна идти еще и о разделении хозяйственной власти — об отделении хозяйственной власти от государственной. Об этом уже говорили на партконференции представители трудовых коллективов. Они возражают против того, чтобы передавать слишком много хозяйственных полномочий Советам. Было предложение, например, создать высший хозяйственный орган, управляемый снизу, — совет представителей. В выступлении рабочего Мельникова из Тольятти. Тут есть над чем подумать — тут море вариантов.

Ковалев: Тут море вариантов. И беда (непонятно, правда, беда или, напротив, удача) в том, что сейчас никакой конкретный вариант не утверждается и не рекомендуется. С одной стороны, беда, а с другой стороны, это все-таки оставляет надежду на некоторый процесс — процесс обсуждения и взвешивания. Вы сами понимаете, что кардинальные решения не должны приниматься опрометчиво.

Малинкович: Совершенно верно.

Ковалев: И Вы понимаете, в каком положении находятся нынешние реформаторы. Вы видели, в какой аудитории, утверждались, отстаивались эти предложения. С этим нельзя не считаться.

Малинкович: Очевидно, нужен какой-то компромисс. Вопрос в том, насколько далеко можно идти в компромиссе с консервативными силами.

Ковалев: Да, конечно. Нам с Ларисой Иосифовной кажется, что для того, чтобы возможны были разумные компромиссы, нужны четко сформулированные идеалы, причем разные.

Малинкович: На партконференции принимали резолюцию по национальному вопросу. Она тоже довольно расплывчатая, очень нечеткая, а между тем ситуация в нерусских республиках довольно острая. На партконференции должен был быть представлен проект творческих союзов Эстонии, проект пересмотра национальной политики, и он, в общем-то, не нашел своего отражения в резолюции, если не считать одной фразы о том, что заслуживает внимания идея республиканского хозрасчета. Каково ваше отношение к этому предложению эстонских интеллигентов?

Ковалев: Да, она кажется нам очень конструктивной программой.

Богораз: Я хотела бы сказать несколько слов о резолюции партконференции по вопросу межнациональных отношений. Я хочу обратить внимание, прежде всего, на само название этой резолюции. Это не резолюция по национальному вопросу, а резолюция о межнациональных отношениях, которые сегодня являются, это всем в мире видно, самой острой и самой опасной проблемой для нашей страны. Эта проблема — проблема межнациональных отношений — в законодательстве так и не разработана. Как, собственно говоря, и вообще национальная проблема. Имеется статья в Конституции о праве республики на самоопределение, вплоть до отделения, но не предусмотрен никакой механизм этого действия. И когда возникал такой вопрос в предыдущие годы, масса людей из республик получала сроки за предложение провести референдум, даже за выдвигание этой конституционной идеи. Механизма нет.

Точно так же обстоит дело с проблемами межнациональных отношений. Насколько я знаю, законодательно предусмотрены только гарантии территориальной неприкосновенности. Резолюция партконференции, к сожалению, тоже не содержит никаких конструктивных предложений на этот счет. Там мы видим только общие фразы об идеологическом воспитании, о воспитании в духе интернационализма. Видимо, проблема вызывает растерянность руководства партии. Нет почти никаких конструктивных идей, кроме, пожалуй, предложения образовать постоянные комиссии по национальным проблемам, создать специальный государственный орган по делам национальностей. В каком направлении должны работать комиссии? Совершенно ничего об этом не говорится. Говорится лишь о том, что нужно-де усовершенствовать законодательство. Опять же, о том, в каком направлении его усовершенствовать, ничего не сказано. Между тем, конструктивные идеи необходимы. И вот такой конструктивный подход, как мне кажется, дает сейчас Эстония. Эстонский Народный фронт предлагает, на мой взгляд, конструктивную идею всенародного участия в развитии экономическом, культурном, социальном, демократическом, экологическом и в других областях жизни республики. Эстонцы говорят о повышении автономности республики во всех этих областях и о развитии народной инициативы. Я думаю, что это очень положительный подход.

Малинкович: В национальном вопросе противостоят всегда друг другу две позиции. Одна позиция — защита централизованной империи. Это, скажем, официальная позиция. И, с другой стороны, позиция многих участников национальных движений в республиках, может быть большинства политзаключенных в прошлом. Это позиция борьбы за самоопределение и *независимость* республик.

Богораз: За самоопределение, вплоть до отделения.

Малинкович: Вплоть до отделения. А вот сейчас эстонцы предлагают нечто иное, более, по-моему, конструктивное в нынешних конкретных условиях — превратить Союз в союз, то есть превратить Союз советских республик действительно, в союз суверенных республик. Как Вы относитесь к этой идее?

Богораз: Я к этому очень положительно отношусь. Я думаю, что требование обязательного отделения было бы, мне кажется, сегодня не реалистическим подходом. И потому, что вызвало бы бурную, так сказать, отрицательную реакцию со стороны центральных органов власти, и, главным образом, потому, что республики к этому не готовы.

Малинкович: Мне приятно слышать Ваше мнение (я его полностью разделяю), и мне хотелось в связи с этим спросить еще о Вашем отношении к республиканскому гражданству. У нас часто возникает, в связи с паспортной системой, проблема национальности в паспорте («знаменитая» 5-я графа), а если появится республиканское гражданство, то необходимость в такой графе в общем-то исчезает.

Богораз: Это, вероятно, было бы хорошо, но вот о чем хотелось бы сказать. Я очень положительно отношусь к эстонскому опыту, но единственное, что настораживает: это, как бы национальный уклон не превратился в шовинизм по отношению к другим национальностям, населяющим эти республики. Я хочу сказать, что национальные требования в республиках совершенно законные. Постольку, поскольку эти республики подверглись антидемократическому давлению страшному. Были репрессии, были высылки, было наводнение республик переселенцами, и поэтому, вообще-то говоря, национальные конференции сегодня уместны, и законны.

Малинкович: Но, может быть, речь должна идти об ограничении, скажем, миграции, а не о полном ее запрещении и поголовном выселении некоренного населения?

Богораз: Введение такой меры, как республиканское гражданство, могло бы стать преградой шовинизму. В этом случае могло бы быть меньше национальных трений. Путь национального развития требует, конечно, необыкновенной уравновешенности, — чтобы национальное развитие не переросло в шовинизм.

Малинкович: Меня в связи с этим беспокоит, что наши общие друзья сейчас занимаются продвижением национальных программ, и в некоторых таких программах появился пункт о том, чтобы родителям не давать права выбирать школу. Мне кажется, этот пункт недемократичен.

Богораз: Нечто подобное я слышала из уст грузинских знакомых. Это касалось записи национальности ребенка при рождении, и доходило даже до того, чтобы запретить межнациональные браки. Это очень опасная линия, опасный путь, то есть путь не просто опасный, а вредный. Попытка национального возрождения, в принципе очень положительная, требует большой взаимной вежливости и учета реальной ситуации. Причем учета реальной ситуации с двух сторон — и со стороны населения республик и со стороны центральных властей. Посмотрим, чем закончилось вчера обсуждение проблемы Нагорного Карабаха, какое решение принял Президиум Верховного Совета СССР. Мы еще не знаем этого решения.

Малинкович: Мы уже знаем это решение. Оставить в составе Азербайджана.

Богораз: Это решение, я думаю, совсем не удовлетворительное. Оно оставляет нерешенными все проблемы. Оставляет ситуацию такой же острой. Между тем, я слышала, что было такое предложение (многие конструктивные идеи рождаются среди бывших правозащитников): передать Нагорный Карабах в союзное подчинение.

Малинкович: Да, это предложение вчера высказал и первый секретарь армянской компартии Арутюнян. Оно не прошло, и не прошло другое компромиссное предложение академика Примакова, который предложил изменить статус Нагорного Карабаха — превратить его из автономной области в автономную республику (там же, в Азербайджане), т. к. автономная республика пользуется гораздо большей самостоятельностью. И даже это не прошло.

Богораз: Видите, со стороны центральных властей нет конструктивного подхода. И это чрезвычайно опасно.

Малинкович: К сожалению, создается впечатление, что центральные власти просто не имеют программы переустройства, реформы межнациональных отношений.

Богораз: Да, да. Резолюция партконференции как раз это и показывает. Я хотела бы еще одну проблему обсудить в этой связи — проблему крымских татар, которая тоже остается нерешенной. Их национальные требования абсолютно справедливы, абсолютно законны, а подход правительственной комиссии к этой проблеме совершенно

незаконен и несправедлив. Но я как раз хотела бы сказать, что путь, по которому идут крымские татары — прежний, испытанный путь требований, он отличается, например, от действий эстонского Народного фронта, потому что включает только требования к властям, без выявления собственной инициативы. Между тем здесь, мне представляется, есть большие возможности для проявления собственной инициативы. Не столько в восстановлении *формальных* прав, сколько в достижении *фактических* прав. Понимаете? Я не хочу сейчас подробно об этом говорить, но крымские татары могли бы (при своем высоком национальном самосознании) создать народную комиссию по переселению, провести большую исследовательскую работу, подготовительную работу для переселения, а не только обращаться с требованиями.

Малинкович: И причем требования автономии, как мне кажется, могли быть конкретизированы...

Богораз: Это формальный вопрос, не столь важный, как реальная автономия, которая могла бы быть достигнута вот таким конструктивным путем.

Малинкович: То есть конструктивный путь, по-видимому, требует диалога с властью, и не просто диалога ради диалога. Нужны встречные предложения, не так ли?

Богораз: Это очень важно было бы, скажем, в армяно-азербайджанском конфликте. Ведь разве можно настаивать непременно на одном-единственном, уже приведшем к взрыву решению. Надо было бы выдвигать и другие предложения — одно, другое, обсуждать их. Вот Сергей Адамович говорит, что колоссальное впечатление произвело бы обращение Михаила Сергеевича Горбачева к армянам, в котором он бы честно сказал, что, во-первых, вина за этот конфликт, корни ее лежат в самом начале, когда было произведено неразумное территориальное деление, что, во-вторых, руководство понимает трудности ситуации (он назвал бы их конкретно: сказал, в чем они состоят) и готово их обдумать и решать, но для этого требуется время. Мы готовы, мол, выслушать и ваши предложения, не просто одно-единственное требование, а конкретные предложения. как все это осуществить. Потому что на самом деле осуществить это совсем не просто.

Малинкович: Это очевидно, но я как раз хотел бы сказать слово в защиту армян: как раз они-то и предлагают конструктивное решение. Их первый секретарь Арутюнян и ректор Ереванского университета Амбарцумян внесли несколько конструктивных предложений. Но они, к сожалению, не прошли. Не прошло и предложение о статусе автономной республики, к сожалению. Вина все-таки в основном не на них, а на центральной власти.

Богораз: Вот как раз и следовало бы обсуждать варианты. Вот это и был бы диалог с властью.

Малинкович: Еще одна тема. Возможен ли, по-Вашему, диалог правозащитников с властью? Все-таки власть никак не хочет на него идти.

Богораз: Мне кажется, что возможен, и я надеюсь, что он, рано или поздно, начнется.

Малинкович: Надо признать, что и в рядах правозащитников есть достаточно много людей с радикальными, неприемлемыми, скажем, на сегодняшний день требованиями.

Богораз: Само собой, конечно. Но я говорю о правозащитниках классических, сохранивших верность принципам правозащитного движения в чистом виде.

Малинкович: К сожалению, их сейчас немного — и в Союзе, и за рубежом.

Богораз: Может быть. Да, Вы правы. Вы правы. Это очень ощущается. Вы знаете, очень ощущается убыль сил. Но тем не менее, если бы начался такой диалог, может быть, нашлись бы люди, которые присоединились бы к этой позиции. Ведь находились же они и в более трудное время.

Малинкович: Но, может быть, беда правозащитников в том, что они все-таки не выступили с конструктивной программой. Так, как выступили эстонцы. С программой, которую можно было бы широко распространить, объединить вокруг нее людей — чтобы она стала основой для Народного фронта в различных республиках.

Богораз: Владимир Дмитриевич, мы надеемся еще это сделать. (К Ковалеву): Возможен ли в конкретной, реальной обстановке такой диалог, возможно ли выдвижение правозащитниками такой, скажем, компромиссной и, во всяком случае, конструктивной программы, которая могла бы

объединить все либеральные и демократические слои населения страны? И участников правозащитного движения, с одной стороны, и, с другой, подключить людей, которые остаются в системе официальной — скажем, ученых, литераторов и т. д.?

Ковалев: А есть ли альтернатива? Если это невозможно, то и все другое невозможно. Мне кажется, что альтернативы этому нет для страны. И это дело не только страны.

Малинкович: Я думаю, что Вы правы, но есть такая проблема — проблема либеральной интеллигенции. Я разговаривал с Булатом Окуджавой здесь, и со многими другими людьми, которые готовы поддержать демократизацию, но не готовы сотрудничать с правозащитниками. Объясняют они это тем, что многие правозащитники (для них все диссиденты — правозащитники, хотя это не совсем так), многие из диссидентов выдвигают слишком, скажем, агрессивные, неприемлемые, неконструктивные предложения, только дискредитирующие процесс демократизации. А это, мол, усилит сопротивление консерваторов. Ваше мнение?

Ковалев: Вы знаете, я думаю, что зерно истины, так сказать, некая доля истины в таком опасении есть. Но в значительной мере это опасение все-таки результат укоренившегося недоразумения. Ведь на самом деле мы друг друга мало знаем, почти не знаем. У каждого есть свой образ, некий усредненный образ. И вот у тех, кто оказался в такую общественную активность вовлеченным давно, со всеми вытекающими отсюда последствиями (сидел, значит), образ либеральной интеллигенции, — это образ такой очень осторожной, очень соглашательской, очень боязливой интеллигенции, которая готова за чашкой чая обсуждать самые разные и самые острые проблемы (если нет никого лишнего), но не готова поступиться ничем, как только возникнет не то что угроза потерять работу, а только опасение утратить скорость публикации или еще чего-нибудь, т. е. вызвать *минимальное* неудовольствие власти. Этот образ совершенно неправильный. Но он возник не на пустом месте. А с другой стороны, у тех, кого условно можно назвать либеральной интеллигенцией, тоже есть образ, так сказать, стандартного правозащитника. Но для разных

людей он немножко разный — для кого-то это образ неудачника, компенсирующего свои профессиональные неудачи, скажем, громкой, скандальной известностью; для иных — это образ людей очень фанатичных и неспособных понимать другого, устанавливающих монополию на истину. Так сказать, коммунисты наоборот.

Малинкович: Мне кажется, что есть еще проблема групповых амбиций. С одной стороны, диссиденты считают, что мы, мол, одни боролись, а нас сейчас отодвигают. С другой стороны, некоторые либеральные интеллигенты страдают своеобразным комплексом — в свое время они где-то уступили, оказались более податливыми и, может быть, даже где-то струсили, и сейчас этот комплекс, по-моему, им мешает для налаживания сотрудничества. Тем более, с либералами считаются, а с правозащитниками нет.

Ковалев: Да есть, наверное, этот комплекс вины — но не у очень многих он есть, к сожалению. Хотя все же есть, я с Вами согласен. Есть, да. Он и мешает, но мог бы и способствовать. Но ведь дело-то здесь не в том, чтобы делить вины. Дело, наверное, в том, чтобы понять, что есть в некотором смысле наша общая вина и наша общая беда. И делиться здесь — ну, самое последнее дело. Есть ли у нас другой путь, кроме некоторой консолидации? А консолидация не означает отказа от самостоятельной точки зрения, а заставляет искать что-то объединяющее, что-то общее — в тех пределах, в каких это вытекает из убеждений и готовности и желания искать конструктивные решения и честные компромиссы.

Малинкович: И все же: считаете ли Вы возможным, создание такой программы, которая могла бы объединить довольно широкий спектр демократически настроенных людей, и возможно ли такое объединение в ближайшее время?

Ковалев: Ответить на этот вопрос трудно. Я хочу повторить: мне кажется, что нет иных возможностей. А это уже не чисто негативный ответ. Это ответ, предполагающий энергичные поиски. Пока такой программы нет, но мне кажется, что она может быть. Речь, конечно, идет не столько об организации, сколько об идеях, которые могли бы объединить людей.

Богораз: Есть и еще один фактор. Есть опасность объединения общественных сил отнюдь не либеральных. Таких, например, как те, что объединены вокруг «Памяти». Но и не только вокруг «Памяти».

Малинкович: Видимо, Вы имеете в виду сторонников великодержавных, шовинистических идей. Их защищает, к сожалению, не только «Память», но и многие известные писатели, среди них и несколько талантливых.

Богораз: Да, и писатели тоже. Словом, опасность такая существует.

19 июля 1988 г.

Рой Медведев

НОВАЯ КРИТИКА СТАЛИНА И СТАЛИНИЗМА В СССР

От редакции:

Книга Роя Медведева «К суду истории: Генезис и последствия сталинизма», изданная в США на английском языке в 1971 г. (издательство «Кнопф»), в переработанном виде была издана тем же издательством в США на русском языке в 1974 г. Английское издание, переводы и русское издание к 1984 г. были распроданы. В связи с этим Рой Медведев подготовил новое переработанное и дополненное издание в 1983-1984 гг. Рукопись переводилась и готовилась к печати в 1986-1987 гг. Новое издание книги на английском намечено на конец 1988 г. Однако изменения, произошедшие в СССР в 1987 г. заставили автора написать дополнительное «Второе предисловие» к книге, на основе которого и составлена настоящая статья. О существовании книги Роя Медведева широко известной на Западе и Востоке (она была издана и на японском и китайском языках) в СССР долгое время упоминать не разрешалось. Публикуя рассказы-воспоминания Тендрякова, в которых приводится цитата из книги Роя Медведева, мартовский номер журнала «Новый мир» (1988 г.) оставил цитату, но изменил текст воспоминаний покойного писателя так, чтобы убрать упоминание о книге «К суду истории». (Получилось, что Тендряков ссылается на *мнение* Роя Медведева, а не приводит цитату из его книги, как это было в реальном тексте). Однако и в этой форме упоминание о существовании «историка Р. Медведева» было сделано в советской печати впервые. Это было в марте, а в апреле еженедельник «Собеседник» опубликовал пространное интервью с Роем Медведевым. В предисловии к интервью высказана надежда на то, что «вскоре советский читатель сможет познакомиться с трудами своего неуступчивого соотечественника Роя Медведева. Резкими, полемичными, вызывающими на спор и взывающими к голосу совести в каждом из нас, удивительно правдивыми и искренними. Время требует этих книг».

*

Составной частью той «перестройки», в условиях которой наша страна живет уже три года, являются существенные перемены в области идеологии и культуры. При этом важнейшей частью и главным звеном этих перемен в области культуры является решительный пересмотр отношения народа и интеллигенции к фигуре Сталина и ко

всему тому, что принято называть сталинизмом. В области идеологии, в общественных науках и в культуре именно проблема Сталина и сталинизма оказалась центральной и наиболее важной и для тех, кто ведет борьбу за обновление советского общества, и для тех, кто сопротивляется этому обновлению. Еще в самом начале 1985 года были предприняты новые и крайне настойчивые попытки реабилитации Сталина. По мере приближения 40-летней годовщины победы СССР в Великой Отечественной войне множились восхваления Сталина и как полководца и как государственного деятеля, будто бы круто ускорившего развитие нашей страны и превращение ее в сверхдержаву. Неожиданным решением Политбюро в рядах партии был восстановлен 95-летний В. М. Молотов, один из ближайших помощников Сталина, исключенный из рядов КПСС по решению XXII-го съезда партии в 1961 г. Торжественное празднование юбилея Победы предполагалось совместить с возвращением имени Сталина г. Волгограду и Волгоградскому району г. Москвы. Этого не произошло прежде всего благодаря мартовскому и апрельскому пленумам ЦК КПСС, изменившим руководство партии.

Еще в первой половине 1986 года осуждение Сталина и сталинизма можно было найти скорее в намеках, чем в прямой речи. Подбирая для пьесы «Диктатура совести» образ типичного сталиниста, драматург М. Шатров вывел на сцену не кого-либо из ближайшего окружения Сталина, а французского коммуниста Андрэ Марти, комиссара интернациональных бригад во времена гражданской войны в Испании, которого мало кто знает в нашей стране. Смягчение цензурных ограничений, изменения в персональном составе аппарата ЦК КПСС и в руководящих органах творческих союзов, литературных и общественно-политических журналов, а также первые шаги политики «гласности» начали заметно менять картину нашей культурной жизни. Наиболее быстро происходили эти изменения в литературе и искусстве. Важным шагом вперед стала публикация романа А. Бека «Новое назначение»¹. В этом романе, созданном еще в начале 60-х годов, автор дает в ряде эпизодов не только зловещий, но и точный образ Сталина, раскрывая также

1) «Знамя», 1986, № 10.

крупнейшие пороки сверхцентрализованной и авторитарно-деспотической системы управления.

Крутой поворот в области идеологии и культуры начался после Январского Пленума ЦК КПСС 1987 года, решения которого были приняты не без сопротивления и острой борьбы. Событием в нашей общественной жизни стал фильм грузинского режиссера Т. Абуладзе «Покаяние». Созданный несколько лет назад этот фильм вызвал негодование местных сталинистов, которые требовали не только запретить демонстрацию картины, но и уничтожить пленку. Тем не менее уже летом 1986 года этот фильм вышел на экраны Грузии, а в январе 1987 года и на экраны всей страны. Необычный по художественной форме, использующий не только методы реализма, но и сюрреализма, гротеска и абсурда, жанры трагедии и сатиры, фильм «Покаяние» наносил удар большой эмоциональной силы по идеологии тоталитаризма вообще и сталинизма в особенности. В это же время публикуется неоконченный роман Ю. Трифонова «Исчезновение», главной темой которого являются репрессии 30-х годов против активных деятелей Октябрьской революции.² Ленинградский журнал «Нева» опубликовал большой роман В. Дудинцева «Белые одежды» — о разгроме Сталиным и Лысенко классической генетики.³ Повесть на ту же тему опубликовал и писатель Д. Гранин.⁴ Два московских журнала почти одновременно опубликовали написанную еще в конце 60-х годов поэму А. Твардовского «По праву памяти», в которой поэт говорит и о трагической судьбе своей семьи, ставшей жертвой бесчеловечной кампании «раскулачивания»; и о многих других беззакониях времен «культы личности», о моральных потерях народа и общества.⁵ В марте 1987 года журнал «Октябрь» опубликовал знаменитую поэму А. Ахматовой «Реквием» — о страшных репрессиях в Ленинграде, начавшихся в 1935 году и не прекращавшихся до смерти Сталина.⁶ Всеобщее внимание привлекла повесть А. Приставкина «Ночевала тучка

2) «Дружба народов», 1987, № 1.

3) «Нева», 1987, №№ 1-4.

4) «Новый мир», 1987, №№ 2-3, повесть «Зубр».

5) «Знамя», 1987, № 2, «Новый мир», 1987, № 3.

6) «Октябрь», 1987, № 3.

золотая» — о трагедии чеченского народа, выселенного в 1944 году со своих исконных земель.⁷ Зимой и весной 1987 года были опубликованы повести и рассказы И. Герасимова, Б. Окуджавы, Ф. Искандера, а также большие циклы стихотворений Б. Слуцкого, О. Берггольц, А. Тарковского, Б. Чичибабина, А. Жигулина, Н. Заболоцкого, Расула Гамзатова, В. Шаламова и некоторых других поэтов. Большая часть опубликованных ныне стихотворений по 15-25 лет лежала в архивах поэтов из-за ярко выраженного антисталинского и критического содержания этих стихов.

С апреля по июнь 1987 года журнал «Дружба народов» публиковал роман А. Рыбакова «Дети Арбата», который стал заметным событием и в литературной и в общественно-политической жизни страны. Автор закончил, но не смог опубликовать первую часть этого романа еще в середине 60-х годов, но он продолжал упорно работать над ним и в 70-80-е годы. Впервые в советской литературе Сталин появляется не как эпизодический персонаж, но как центральный образ романа. Роман Рыбакова встретил горячее одобрение большинства и злобное неодобрение меньшинства. На мой взгляд этот роман является не только превосходным художественным произведением, но он дает также исторически и психологически точный портрет Сталина 1933-1934 гг., когда тот уже начинает готовить серию коварных провокаций, чтобы дать повод к уничтожению всех неугодных и создать аппарат, основанный на тоталитарной власти «вождя».

Наступление против сталинизма, начатое в романах, поэмах, стихах и фильмах, было продолжено летом и осенью 1987 года в десятках публицистических очерков, в научных статьях, рецензиях и в письмах читателей и зрителей. Начинают публиковаться даже работы 20-х годов, например, знаменитая повесть Б. Пильняка «Повесть непогашенной луны»,⁸ которая была запрещена по личному распоряжению Сталина в 1926 году. Всем было очевидно, что в этой повести речь идет о некоторых темных обстоятельствах смерти М. Фрунзе. В борьбу со сталинизмом снова включился

7) «Знамя», 1987, № 3-4.

8) «Знамя», 1987, № 12.

кинематограф. О преступлениях Сталина речь идет и в историко-документальных фильмах «Риск» и «Больше света» и в остросюжетном фильме «Холодное лето пятьдесят третьего», события в котором разворачиваются в одной из северных деревень вскоре после смерти Сталина.

Новый 1988-й год начался, пожалуй, с еще более сильной атаки на сталинизм, чем это было в начале 1987 года. Если «Новый мир» начал с публикации романа «Доктор Живаго» Б. Пастернака, история которого хорошо известна, то журнал «Октябрь» начал новый год публикацией эпического романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба». Этот роман создавался во второй половине 50-х годов под прямым влиянием XX съезда. Однако в 1961 году, сразу же после того, как роман Гроссмана был окончен, его «арестовали». У автора, у его друзей и даже из редакций двух журналов были изъяты все копии романа и все черновики. Как заявил Гроссману член Политбюро М. Сулов, его роман можно будет напечатать лишь через 200-300 лет. Что ж, нам пришлось ждать этой книги «только» 27 лет. Журнал «Знамя» начал год публикацией пьесы М. Шатрова «Дальше...дальше...дальше!», в которой и сам драматург гораздо дальше, чем в своих прежних пьесах, идет в изучении и осуждении феномена сталинизма. Оживились и республиканские журналы. Латышский журнал «Даугава» готовит публикацию романа-хроники Е. Гинзбург «Крутой маршрут». Журнал «Литературная Армения» готовит публикацию мемуаров С. Газаряна «Это не должно повториться». Я считаю эти две книги, вместе с рассказами В. Шаламова, которые также готовятся к печати, лучшими произведениями на «лагерную» тему.

Нетрудно заметить, что большая часть перечисленных выше произведений была создана в 50-60-е годы. В большинстве случаев речь идет о публикации работ уже умерших авторов. Дожидаются своей очереди и многие другие работы, и надо надеяться, что их публикация не за горами. Переиздаются и хорошо известные людям старшего поколения, но неизвестные более молодым работы 50-60-х годов: стихотворение Е. Евтушенко «Наследникам Сталина», рассказы Д. Гранина «Собственное мнение», А. Яшина

«Рычаги». Только теперь мы можем оценить, насколько сильным был толчок, который дали нашей мысли и культуре XX и XXII съезды КПСС. Лучшие деятели культуры принялись за работу, чтобы осмыслить трагические уроки истории. Однако лишь малая часть этой работы увидела свет. Как бесконечно много потеряли те поколения, чье нравственное, и умственное и политическое развитие происходило в «эпоху застоя», в годы торжества посредственности и фигуры умолчания. К счастью, этот период, который в нравственном отношении принес нашему народу, вероятно, не меньше вреда, чем период сталинизма, теперь проходит.

Многое связывает нынешнюю критику Сталина и сталинизма с антисталинской кампанией начала 60-х годов, но во многом они отличны. Известно, что и секретный доклад с критикой культа личности Сталина на XX-м съезде партии и антисталинская направленность XXII-го съезда КПСС были связаны в первую очередь с инициативой Н. С. Хрущева, которая встречала открытое и скрытое сопротивление как большей части Президиума ЦК КПСС, так и саботаж значительной части идеологического аппарата партии и влиятельных государственных учреждений, а также военных лидеров. Многое делалось из под палки, и даже решение о публикации небольшой повести А. Солженицына потребовало двухкратного заседания Президиума ЦК КПСС. Из крупных журналов только возглавляемый А. Твардовским «Новый мир» последовательно и смело работал над обновлением советской культуры на демократической и антисталинской основе. В 1987 году наступление против сталинизма ведется широким фронтом при несомненной поддержке большинства членов Политбюро и Секретариата ЦК КПСС. О преступлениях Сталина и уничтожении им государственных и партийных кадров М. С. Горбачев говорил еще летом 1987 года. Выступая с докладом на Октябрьском пленуме ЦК КПСС, Горбачев повторил слова о преступлениях 30-х годов на почве злоупотребления властью, а также о личной ответственности Сталина за эти преступления.

«Иногда утверждают, — заявил Горбачев, что Сталин не знал о фактах беззакония. Документы, которыми мы располагаем, говорят, что это не так. Вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непростительна. Это урок для всех поколений.»⁹

Точно также на встрече с руководителями средств массовой информации, идеологических учреждений и творческих союзов, состоявшейся в ЦК КПСС 8 января 1988 г., Горбачев подчеркнул, что партия не потерпит никакого приглаживания истории. «Мы не можем простить тех, — отметил Горбачев, — кто совершал беззакония, тем более преступления.»¹⁰

Последовательную антисталинскую линию проводят сегодня такие «толстые» журналы, как «Новый мир», «Дружба народов», Знамя», «Нева». Важные публикации на исторические темы можно найти на страницах журналов «Юность», «Москва», «Дон», даже в «Нашем современнике». Активную борьбу против сталинизма ведут многие еженедельники — «Неделя», «Литературная газета», «Литературная Россия» и особенно «Огонек», «Московские новости» и «Аргументы и факты». Интересные материалы можно найти в журналах «Наука и жизнь», «Вопросы литературы», «Литературное обозрение», «Век XX-й и мир», «Советский экран», «Искусство кино». Из газет нужно отметить в первую очередь «Советскую культуру», «Известия». Конечно, имеется много журналов и газет, которые занимают промежуточную позицию и воздерживаются от публикации острых материалов по советской истории. Однако активно и открыто против нынешней критики Сталина выступает только журнал «Молодая гвардия», возглавляемый такими писателями, как А. Иванов, В. Горбачев, П. Проскурин. Их лозунгом стали стихи В. Федорова: «Не ворошите старые могилы. Они чреватые новой бедой». «Новое направление «Огонька», — восклицает В. Горбачев, — страшнее, чем загубить Байкал!»¹¹

9) «Правда», 3 ноября 1987 г.

10) «Правда», 13 января 1988 г.

11) «Молодая гвардия», 1987, № 7, стр. 240.

Обращаясь к трагической истории сталинизма, наша пресса поднимает обычно те же вопросы, которые звучали и в начале 60-х. Это естественно, ибо выросло два поколения советских людей, которые не знают советской истории ни по своему жизненному опыту, ни по учебникам. Только теперь эти люди узнают из печати о терроре 30-х годов, о голоде 1933-го, об извращениях при коллективизации, об убийстве С. М. Кирова, об истреблении командных кадров Красной Армии, о поражениях первых лет войны, об атмосфере страха, насаждаемой «отцом народов», о губительном вмешательстве Сталина в дела общественных и естественных наук. Наши газеты и журналы снова публикуют очерки о крупных ученых, писателях, государственных деятелях, военачальниках, ставших жертвами сталинских репрессий. Только теперь эти люди начинают узнавать кое-что и о деятельности Н. С. Хрущева. Даже имя Хрущева 20 лет не появлялось в печати, и если судить об истории по учебникам 70-х годов, то можно сделать вывод, что после смерти Сталина к руководству страной и партией сразу же пришел Л. И. Брежнев.

Речь идет все же не о простом повторении уже сказанного ранее. Мы узнаем и новые имена и новые подробности, связанные с террором сталинских лет. Отмечая 100-летие со дня рождения Н. И. Вавилова, наша печать предала гласности многие новые факты из жизни и трагической судьбы этого классика советского естествознания, а также и многие подробности нелегкой истории самой биологической науки. Более подробно мы узнаем о судьбе многих «исчезнувших» писателей, государственных деятелей, дипломатов, например, о судьбе М. Кольцова¹² или А. Кузнецова и Н. Вознесенского.¹³

Мы говорили обычно о преступлениях Сталина и его ближайшего окружения. При этом в начале 60-х выделяли чаще всего таких людей, как Молотов, Маленков, Каганович, Ворошилов, Берия, Ягода и Ежов. В 1987 году журнал «Наука и жизнь» подробно рассказал о зловещей роли

12) «Огонек», 1987., № 34.

13) «Комсомольская правда», 15 января 1988 г.

Л. З. Мехлиса в судьбе военных кадров и в судьбе подчиненных ему армий.¹⁴ «Литературная газета» опубликовала подробный очерк об одной из наиболее одиозных фигур сталинского времени — А. Я. Вышинском, главном государственном обвинителе на фальсифицированных судебных процессах 1936-1938 гг.¹⁵

Даже в очерках об ученых, жизнь которых завершилась в почете и уважении, мы узнаем о пережитых ими драмах. Мы узнаем, например, что только благодаря заступничеству П. Л. Капицы не погиб на допросах в тюрьме талантливый физик Л. Д. Ландау, будущий академик и лауреат Нобелевской премии.¹⁶ Мы узнаем о годах заключения выдающегося авиаконструктора А. Н. Туполева и Главного конструктора космических кораблей С. П. Королева. Газета «Московская правда» рассказала нам о трагической судьбе Николая Муралова, одного из руководителей вооруженного восстания в Москве в 1917 году, героя гражданской войны, первого командующего Московским военным округом. Муралов некоторое время примыкал к троцкистской оппозиции в 20-е годы, и это стоило ему жизни в 1937-м году. Он реабилитирован только в настоящее время.¹⁷ «Литературная Россия» поведала нам о трудной судьбе бывшего директора Кировского завода в Ленинграде, организатора Уральского центра по производству танков, народного комиссара танковой промышленности в годы войны — Исаака Моисеевича Зальцмана. Зальцман не был арестован, но сразу же после войны Сталин приказал снять его, как еврея, со всех постов. «Кем начинал Зальцман?» — спросил Сталин. Ему ответили — мастером. «Тогда пусть начинает сначала», — повелел «вождь». И недавний нарком, генерал, герой социалистического труда, депутат Верховного Совета, начал работать мастером на маленьком заводе.¹⁸ Гораздо меньше «повезло» академику В. В. Оболенскому, виднейшему экономисту и организатору советской статистики. Он был снят с поста Управляющего ЦСУ, арестован и расстрелян.¹⁹

14) «Наука и жизнь», 1987, №№ 8, 12.

15) «Литературная газета» 27 января 1988 г.

16) «Огонек», 1988, № 3.

17) «Московская правда», 17 сентября 1987 г.

18) «Литературная Россия», 28 августа 1987 г.

19) «Огонек», 1987., № 26.

Из публикаций последних двух лет мы узнаем немало нового об ошибках и просчетах Сталина перед войной и в первые два года войны. Из приведенных в печати данных о многих миллионах умерших военнопленных, об умерших от голода в оккупации и в осажденном Ленинграде, пропавших без вести, погибших на немецкой каторге, можно сделать вывод, что даже громадная официальная цифра 20 миллионов советских граждан, погибших в годы войны, является сильно заниженной. Вместе с павшими в боях общее число жертв войны, вероятно, превышает даже 30 миллионов советских людей, военных и гражданских.

На протяжении всей войны Сталин воевал отнюдь не «малой кровью» и добивался побед не только умением, но и числом.

Углубление и расширение критики Сталина и сталинизма, удаление многих «белых пятен» в нашей истории логически ведет нас к существенному пересмотру всех прежних учебников по истории КПСС и СССР. В настоящее время и школьники старших классов и студенты занимаются без учебников по истории СССР и КПСС. Создана комиссия для работы над «Очерками по истории КПСС», издание которых станет первым шагом к созданию новых и более долговечных учебников. Однако быстро проделать эту работу трудно, так как историческая наука слишком сильно отстала от требований времени и общества. Принято решение о подготовке новой 10-томной «Истории Великой Отечественной войны». Созданы новые энциклопедии об Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. К сожалению, и в этих новых изданиях мы встречаем множество «белых пятен», хотя эти издания и отличаются в лучшую сторону от совершенно неудовлетворительных прежних изданий. Некоторые историки поднимают вопрос о создании научных биографий Сталина и Хрущева. К сожалению, в рамках официальной исторической науки такая работа еще невозможна. Попыткой частичного решения этой задачи на «полуофициальной основе» является книга «Триумф и трагедия» (Политический портрет И. В. Сталина) Д. А. Волкогонова, о публикации которой в 1988 году уже объявил журнал «Октябрь». Генерал-полковник Волкогонов занимает высокий пост заместителя

начальника Политического управления Советской Армии. Уже из предисловия к его книге, опубликованного в «Литературной газете»²⁰, видно, что для автора были открыты многие из партийных и государственных архивов, которыми до сих пор не мог пользоваться ни один из советских историков. Можно не соглашаться с теми или иными концепциями автора, который явно пытается преуменьшить размах и коварство сталинских преступлений, уравнивая их достижениями советского народа в 30-40-е годы. Однако Д. А. Волкогонов уже сейчас вводит в исторический оборот ряд крайне важных фактов и свидетельств из наших, ранее недоступных, архивов. Мы узнаем, например, что заместитель Верховного Суда СССР В. В. Ульрих регулярно докладывал, вместе с А. Я. Вышинским, Сталину (а чаще одновременно Молотову и Ежову) о процессах и приговорах. В 1937 году Ульрих ежемесячно представлял «сводку» об общем количестве лиц, приговоренных за «шпионско-диверсионную и террористическую деятельность». Сталин читал эти сводки вместе со сводками об уборке урожая, добыче угля и выплавке стали. Я не могу согласиться с предположением Волкогонова о тяжелой психической болезни Сталина, которая якобы так и не была распознана. Но для меня представляет большую важность свидетельство этого автора о том, что по приказу Сталина в 30-е годы было уничтожено больше 20 тысяч работников НКВД. Волкогонов называет всех их почему-то честными людьми, хотя среди этих тысяч работников НКВД были и Ягода и Ежов, а также сотни и сотни людей из их ближайшего окружения. Волкогонов почему-то твердо убежден, что ни один из лидеров партии 20-х годов не мог бы придти к власти после смерти Ленина, кроме Сталина, и если бы к власти пришел Троцкий, то трагедия нашего народа, страны и партии была бы еще более страшной. Думаю, что автор явно становится здесь жертвой предвзятости.

Самые различные факты из истории Советского Союза мы узнаем почти ежедневно — из журналов и газет, из документальной кинохроники, тщательно скрывавшейся от нас в течение десятилетий. Как справедливо пишет Л.

20. «Литературная газета», 9 декабря 1987 г.

Овруцкий: «Из всех известных определений истории сегодня наиболее актуальным представляется определение Жюль Мишле: „История — это воскрешение”. Ковчег Клио, еще вчера безлюдный, постепенно заселяется. Оживают действующие лица недавней драмы, доселе погруженные в небытие росчерком не ведающего сомнений державного пера.»²¹

Однако в этой работе участвуют главным образом писатели, журналисты, драматурги, поэты, работники кино, но не профессиональные историки. Лишь очень немногие из известных историков, включая таких ученых, как А. М. Самсонов, В. Поликарпов или Ю. Афанасьев, поддержали в последние месяцы борьбу против сталинизма. Однако даже эти крупные ученые смогли опубликовать свои статьи лишь на страницах таких журналов, как «Огонек» или «Наука и жизнь» или в газетах «Советская культура», «Московские новости», «Социалистическая индустрия», но не на страницах профессиональных исторических журналов. Растерянность царит и в руководстве всех главных академических учреждений по историческим наукам и среди большинства преподавателей общественных дисциплин в высших учебных заведениях страны. Они привыкли работать по-старому, и их пугает новый подход к оценке исторических событий и фактов. Многие из тех крупных произведений литературы и искусства, о которых мы говорили выше, смогли появиться на свет только после сложной закулисной борьбы и сопротивления. В потоке писем, которые поступают сегодня в редакции газет и журналов, имеется немало писем, содержащих злобные нападки на упомянутые нами антисталинские публикации, а порой даже угрозы их авторам.

«... Опомнитесь!, — пишет в редакцию «Советской культуры» К. Кулямова. — Перестаньте сеять смуту в наше сознание и идеологию! Своими статьями вы наносите обществу вред, разрушаете в людях веру, гражданственность, лишаете их патриотизма и гордости за идеалы социализма. Неужели нет у вас других проблем, чем ворошить старое белье?»²²

21 «Советская культура», 4 февраля 1988 г.

22. «Советская культура», 28 июля 1987 г.

«Хочу выразить вам свое возмущение, — пишет в редакцию «Огонька» А. Арбузов. — В № 48 вы дали трибуну жене Бухарина. Не могу описать чувство возмущения, охватившее меня. Меня буквально дрожь бьет, как в лихорадке. Я потерял здоровье, перенесся клещевой энцефалит, именно из-за таких выродков, как Бухарин и его жена, которых я пять лет охранял в системе Дальстроя... В № 47 вы публикуете огромный хвалебный материал о враге народа Вавилове... Я пришел к выводу, что журнал ваш антисоветский, и читать его больше не буду. Но знайте, найдется и на вас управа.»²³

К счастью, у большинства читателей подобного рода письма вызывают сегодня только насмешку. Нельзя не отметить, что общественное мнение в нашей стране прошло за последние два года заметную эволюцию. Еще год-полтора назад общий отклик на антисталинские публикации в прессе был не особенно сильным и вполне укладывался в формулу: «Писатели пишут — читатели читают». Постепенно интерес к публикациям на исторические темы возрастал и продолжает возрастать сегодня. Конечно, наша общественная жизнь протекает сегодня иначе, чем 25-30 лет тому назад. Большинство людей, переживших коллективизацию или сталинский террор 30-х годов, прошагавших по полям Отечественной войны, ушло из жизни. Состарились и начинают уходить из жизни также дети людей, ставших жертвой сталинского времени. Публикации последних полутора лет глубоко волнуют еще тех, кому сегодня за 50, и кого мы можем назвать поколением XX-го съезда. Но для большинства людей от 25 до 45 лет сталинская эпоха — это не их молодость, а только история, причем история, полная «белых пятен». Этих людей мало занимает смерть Молотова или Маленкова, они не знают, кем были в нашей истории Молотов, Маленков, да и Хрущев. Этих людей не волнует проблема реабилитации Бухарина и Пятакова, так как они не знают таких имен. И все же мы наблюдаем, особенно в последние месяцы, и среди молодых и относительно молодых людей пробуждение внимания к истории. Эти люди недовольны и медленным научно-техническим прогрессом

23 «Огонек», 1988, № 4, стр. 6.

нашего народного хозяйства, и сравнительно низким уровнем жизни народа, и отсутствием порядка почти во всех сферах жизни общества. Эти люди все решительнее начинают выступать против догм и установок прежних эпох, и это в свою очередь увеличивает их интерес к истории. Подавляющее большинство советских людей начинает активно поддерживать новый курс советской прессы, и это очень заметно отразилось на тиражах наиболее интересных сегодня газет и журналов. В то время как осторожная «Правда» потеряла в 1988 году миллион подписчиков, «Известия» приобрели 2 миллиона новых подписчиков, «Литературная газета» увеличила число подписчиков на 700 тысяч человек, а газета «Аргументы и факты» увеличила свой тираж с 3-х до 9 миллионов экземпляров! Журнал «Дружба народов», опубликовавший роман «Дети Арбата» и объявивший о его продолжении, увеличил свой тираж с 500 тысяч до 1150 тысяч — небывалый тираж для наших «толстых» литературных журналов. Значительно возрос также тираж журналов «Знамя», «Огонек», «Октябрь». И в это же время остался прежним или даже уменьшился тираж большинства профессиональных исторических и политических журналов, журналов по экономике или журналов, придерживающихся консервативной позиции. Этот своеобразный референдум читателей служит важной моральной поддержкой для всех тех, кто выступает у нас в стране за расширение гласности и восстановление исторической правды. Массовый советский читатель, чьи вкусы и интересы были деформированы «эпохой застоя», должен быть возвращен для активного участия в общественной и политической жизни.

*

Исключительно важную роль в разоблачении и критике Сталина и сталинизма играют не только романы, повести, стихи или публицистические очерки и статьи, а также документальные и художественные фильмы, появившиеся в последние полтора года. Устойчивость или даже необратимость этого политического поворота следует поставить в прямую связь и с той новой волной реабилитаций, которая началась еще летом 1987 года и была продолжена недавней реабилитацией Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и ряда других

деятелей партии, клеветнически обвиненных в 1938 году в шпионской и террористической деятельности и расстрелянных 50 лет назад по приговору военной коллегии Верховного Суда СССР.

Конечно, многие спрашивают: «Почему реабилитация в отношении Бухарина и Рыкова пришла так поздно, почему все эти люди не были реабилитированы уже после XX-го съезда КПСС, на котором Н. С. Хрущев выступил со своим сенсационным докладом о преступлениях и ошибках Сталина? Разве XX, а затем и XXII съезды партии не принимали решения о последовательном продолжении работы по преодолению всех последствий культа Сталина и его преступлений?»

Почему реабилитация Бухарина и Рыкова стала возможна только сегодня? Раздаются вопросы и о том, кто такие вообще Бухарин и Рыков, и почему проблеме их полной реабилитации придается ныне столь большое значение?

Известно, что Бухарин и Рыков принадлежали к числу ближайших соратников Ленина. Оба они входили с 1917 года в немногочисленный тогда еще Центральный комитет партии. С середины 1918 года Бухарин стал главным редактором «Правды», с 1919 года — кандидатом в члены Политбюро, с 1924 года членом Политбюро. Именно Бухарин стал с середины 20-х годов главным теоретиком НЭПа и главным теоретиком партии, а также одним из лидеров Коминтерна. Рыков вошел как народный комиссар внутренних дел в первый же состав Советского правительства. Уже в 1921 году во время болезни Ленина именно Рыков был назначен заместителем Председателя СНК, а после смерти Ленина Рыков занял пост главы Советского правительства. С 1923 года он член Политбюро. До конца 20-х годов Бухарин и Рыков защищали ленинскую политику НЭПа, выступали против возрождения методов военного коммунизма, против принудительной коллективизации и авантюристических планов «сверхиндустриализации», которые начал проводить в жизнь Сталин и которые уже тогда привели к смерти более десяти миллионов крестьян, к репрессиям и гибели десятков тысяч специалистов. В этой

борьбе победил Сталин, объявивший Бухарина и Рыкова вожжами «правого уклона». Но и после своего политического поражения Бухарин и Рыков продолжали работать на ответственных постах, входили в ЦК партии.

Начав уже в середине 30-х годов истребление основных ленинских кадров партии, Сталин не мог пощадить Бухарина и Рыкова. Однако для большевиков, наиболее близких к Ленину, Сталин избрал наиболее циничный и изощренный метод расправы. Перед всем миром Сталин провел «показательные» и «открытые» судебные процессы, на которые были приглашены не только советские, но и западные журналисты, дипломаты, представители советской и западной интеллигенции. На одном из таких процессов присутствовал Лион Фейхтвангер, на другом — специальный посол Ф. Рузвельта Джозеф Дэвис. Сломленные пытками и шантажем подсудимые «признавались» в самых чудовищных преступлениях — шпионаже, вредительстве, терроре, подготовке диверсионных актов, в стремлении уничтожить и социализм и Советский Союз, в организации глубоко законспирированной антисоветской террористической организации. Не все люди в СССР и на Западе верили в эти показания. Но большинство верило им, не допуская мысли о возможности столь циничной и открытой провокации.

Только после XX-го съезда КПСС мы узнали о большинстве преступлений Сталина, о применении жесточайших пыток на следствии, о физическом уничтожении миллионов невинных людей. Стала во многом понятной и «механика» судебных процессов 30-х годов. Уже тогда Н. С. Хрущев хотел провести реабилитацию Бухарина, Рыкова и многих других ближайших соратников Ленина. Этого, однако, не произошло. Н. С. Хрущев остановился на половине пути и не довел разоблачения сталинских преступлений до конца. Что касается Брежнева, то он больше заботился о реабилитации Сталина и об отмене решений XX и XXII съездов партии, чем о продолжении линии и политики этих съездов. Условия для новой критики сталинизма сложились только сейчас, и это позволило провести ныне реабилитацию Бухарина и Рыкова.

Имеются, однако, и другие обстоятельства, которые

вынуждают новое партийное руководство к пересмотру многих важных вопросов истории нашей страны и партии. Как известно, после смерти Сталина все новые руководители КПСС начинали разговор о восстановлении «ленинских норм партийной жизни», включая гласность и демократию. Но только сегодня это «возвращение к Ленину» образует реальную основу «перестройки», проводимой и в области экономики и в области идеологии и политики. Но невозможно искренне говорить о возвращении к Ленину, не пересмотрев наших оценок и политической судьбы людей, составлявших ближайшее окружение Ленина, его главных соратников по партии и революции.

Концепция XX и XXII съездов партии состояла в том, что все главные преступления Сталина начинаются только после 1934 года, а его политика на рубеже 20-х и 30-х годов была правильной. Эта концепция начинает теперь подвергаться все более убедительной критике. Уже в первые месяцы 1987 года наша литература и публицистика стали уделять особое внимание теме коллективизации, теме насилия над средним и зажиточным крестьянством, проблеме искусственно и грубо оборванной политики НЭПа и всеми связанными с этими произвольными решениями последствиями для нашего народного хозяйства и общества.

В романах Б. Можаяева «Мужики и бабы»²⁴, В. Белова «Кануны»,²⁵ С. Антонова «Овраги»²⁶, мы видим картину естественного, быстрого и проходящего на здоровой экономической основе развития русской деревни 1927-1929 г.г., мы видим успешное проведение политики НЭПа, укрепление «смычки» города и деревни, развитие многообразных форм кооперации, включая и первые шаги производственной кооперации. Деревня не лишена противоречий, но их преодоление не требует никакого насилия, никакой «второй революции», тем более, что одним из главных ее противоречий становится противоречие между старательным середняком, и неудачником-демагогом, стремя-

24. «Дон», 1987., №№ 1-8

25. «Новый мир», 1987., № 8

26. «Дружба народов», 1988, №№ 1-2.

щимся прикрыть лозунгами «классовой борьбы» свое неумение и нежелание трудиться не покладая рук на полученной от Советской власти земле. Огромный потенциал русской деревни — и на Севере, и в Центре, и на Востоке, и на Юге страны еще только начинает раскрываться, обещая стране невиданное ранее изобилие сельскохозяйственной продукции. Однако вместо этого изобилия мы видим вдруг грубое и насильственное вмешательство в естественный ход развития сельскохозяйственного производства, разрушение производительных сил деревни, уничтожение наиболее продуктивных хозяйств и неоправданно жестокое насилие над теми крестьянскими семьями, которых по злumu и часто бессмысленному произволу относят к категории «кулаков». Мы видим далее — в 1932-1933 гг. — массовое разорение и нищету русской и украинской деревни, общий голод и смерть миллионов крестьян. Публицистика дополняет здесь художественную литературу. Л. Воскресенский предлагает исключить из школьных программ роман М. Шолохова «Поднятая целина», который оправдывает именно сталинскую интерпретацию коллективизации и раскулачивания.²⁷ Не только писатели и публицисты, но и ученые-аграрники оспаривают сегодня правомерность того понятия «кулачество», которое использовалось в 1929-1932 гг. для оправдания массовых выселений зажиточных крестьян. Как доказывает академик В. А. Тихонов кулачество конца XIX — начала XX века, о котором с таким ожесточением писал Ленин (также, впрочем, не всегда справедливо), было почти полностью разгромлено еще в годы гражданской войны. В конце 20-х годов под определение «кулак» попадали главным образом добросовестные крестьяне-середняки, которые упорным трудом добились за несколько лет НЭПа относительного благополучия.²⁸

Этот решительный пересмотр прежних оценок НЭПа и его возможностей отражается и на высказываниях и политике нынешнего руководства ЦК КПСС. Всемирное развитие кооперации, индивидуальной трудовой деятельности, подсобных хозяйств, огородничества и садоводства,

27. «Московские новости» 9 авг. 1987 г.

28. «Дон», 1987, № 1.

коллективного и индивидуального подряда и семейных ферм, — все это представляет собой частичное восстановление многих методов и установок политики НЭПа. В рамках этого пересмотра современной *экономической политики и системы управления* народным хозяйством следует оценивать решение Верховного Суда СССР о реабилитации в июле 1987 года большой группы крупнейших советских экономистов-аграрников, таких как А. В. Чайнов, Н. Д. Кондратьев, А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров, Л. Н. Юровский, А. Г. Дояренко и др. Эти ученые не являлись членами партии, но они проводили крайне важную работу по изучению возможностей развития сельского хозяйства на основе НЭПа, по организации кооперативного движения и развития всего того, что мы называем сегодня «агропромышленным комплексом». Эти ученые критиковали сталинские методы принудительной коллективизации и все они были расстреляны или погибли в лагерях по фальсифицированному обвинению в создании мифической «Трудовой крестьянской партии». Общее число реабилитированных по этому провокационному «делу» составило более тысячи человек. Теперь к ним прибавились и реабилитации членов партии, включая и таких виднейших партийных руководителей, которые без всяких на то оснований были обвинены в конце 20-х годов в «правом» уклоне, а еще через 7-8 лет уже в шпионаже и диверсиях, вредительстве и терроре.

Конечно, все мы приветствуем пусть и запоздавшую на много лет реабилитацию Бухарина и Рыкова. Это событие лучше осветило для нас преступления Сталина и сталинизма. Но оно очень наглядно показало нам и многие из недостатков нашей нынешней политической и государственной системы. Для большинства разумно мыслящих людей невиновность Бухарина и Рыкова стала очевидной уже после XX-го съезда. Уже тогда родные и близкие уничтоженных Сталиным людей требовали их полной реабилитации. Это требование повторялось затем много раз. 10 лет назад кампания за реабилитацию Бухарина приобрела характер международной кампании. Однако ни Прокуратура СССР, ни Верховный Суд СССР не посмели заняться изучением этого дела. Для этого нужно было указание высших партийных инстанций. Хотя в Конституции СССР и имеется

специальная статья, в которой говорится, что судебные органы СССР полностью независимы и должны руководствоваться только законом, однако как раз недавняя реабилитация Бухарина, Рыкова и других показывает всю степень зависимости наших судебных органов не от закона, а от политических решений. Верховный Суд СССР не был независим, когда он выносил решение о казни Бухарина и Рыкова. Но он не был независим и тогда, когда выносил решение об их полной реабилитации.

Столь же зависимой от решений политических инстанций оказалась и наша историческая наука. У нас сегодня много говорят и пишут о необходимости устранить в советской истории множество «белых пятен». Но кто мешал советской исторической науке ликвидировать эти «белые пятна» раньше, чем она получила на этот шаг «разрешение» от партийных инстанций? И можно ли назвать такую историю настоящей наукой?

Верховный Суд СССР отменил 4 февраля решения своей военной коллегии по делу «право-троцкистского блока». Но ведь кроме фальсифицированного судебного процесса 1938 года в нашей стране были аналогичные «открытые» процессы и в 1937, и в 1936, и в 1935 гг. и еще много раньше — в 1928-1932 годах. Все это были также преступные и фальсифицированные судебные инсценировки, каждая из которых служила поводом для ареста и уничтожения многих тысяч и десятков тысяч, а затем и миллионов людей. Когда дойдет очередь до пересмотра всех этих процессов? Надо полагать, что нам не придется ждать этого в течение нескольких десятилетий. Точной и взвешенной политической и юридической оценки требует как деятельность, так и трагическая судьба Л. Д. Троцкого. Как известно, Троцкий нередко выступал не только в качестве ярого оппонента, но также и в качестве преданного сторонника В. И. Ленина. По-разному в разное время складывались и его отношения с партийным руководством и со Сталиным. Но Троцкий никогда не был «шпионом германского гестапо». А ведь трижды вынесенный заочно Троцкому смертный приговор не остался лишь на бумаге. Именно этот приговор был приведен в исполнение в 1940 году в Мексике группой НКВД «по особым поручениям за границей».

Март, 1988 г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ Л. И. БРЕЖНЕВА

Десятки тысяч жителей г. Волгограда и ветеранов войны еще недавно требовали вернуть этому городу прежнее его название — Сталинград. Они были крайне огорчены, когда их многочисленные требования и коллективные просьбы были все же отклонены. Почти в то же самое время десятки тысяч жителей г. Брежнева и ветеранов войны требовали вернуть этому городу его прежнее название — Набережные Челны. Они были очень рады, когда недавно их многочисленные требования и просьбы были удовлетворены. Радовались вместе с ними и жители Брежневского района Москвы, которому вернули его прежнее название — Черемушки.

О Сталине и его чудовищных преступлениях говорится сегодня гораздо больше, чем во времена Хрущева. Романы и повести, воспоминания и публицистика, художественные кинофильмы и кинохроника едва ли не каждый день дают нам повод к осуждению сталинизма. И тем не менее ряды поклонников этого умершего 35 лет назад тирана и деспота редуют не так уж быстро. Культ Сталина слишком глубоко вошел в сознание и в подсознание нескольких поколений советских людей, и одолеть его оказалось труднее, чем этого хотели бы активные противники сталинизма.

Критика Брежнева звучит сегодня еще очень глухо и не особенно конкретно. И тем не менее даже этой критики в адрес умершего менее 6 лет назад советского лидера оказалось достаточно, чтобы его культ исчез с поразительной быстротой из нашей жизни. Никто не ведет дискуссий о великой роли Брежнева в войне, в экономическом строительстве или в развитии культуры. Даже в его родном Днепродзержинске или Днепропетровске никто не торгует значками и календариками с портретами Брежнева. Нигде в стране не видно портретов Брежнева на ветровом стекле автомашин. Почти 15 лет вся наша пропаганда и агитация предпринимала чрезвычайные усилия для создания культа Брежнева — «великого борца за мир», «великого ленинца»,

«великого теоретика» и т. п. Однако вся эта дорогостоящая пропагандистская машина работала вхолостую. Культ Брежнева так и не вошел в сознание или в подсознание советских людей, относившихся к нему с равнодушием, перешедшим в последние годы жизни Брежнева в плохо скрываемое пренебрежение.

Хорошо помню, как в помещениях Ленинградского университета в июне 1951 г. разнеслась весть о чтении по радио статьи Сталина о языкознании. Безо всякого приказа все экзамены и занятия были прерваны, и сотни студентов и преподавателей столпились у репродукторов, чтобы слышать каждое слово «вождя», произносимое Левитаном. Но помню также, как летом 1970 года в огромном парке г. Кисловодска по всем репродукторам транслировалась многочасовая речь Брежнева перед избирателями. Десятки тысяч отдыхающих спокойно прогуливались по парку, не обращая ни малейшего внимания на косноязычную речь нашего нового «вождя». А в конце 70-х почти везде приходилось наблюдать — как люди в санаториях, больницах, частных квартирах выключали телевизор, едва на экранах появлялась фигура Брежнева. Создание культа Брежнева напоминало надувание воздушного шара. Пустой внутри он приобрел невиданные размеры, заслоняя другие фигуры на нашей политической сцене. Но он стал быстро тускнеть, сморщиваться и рушиться, как только его прокололи в нескольких местах даже не слишком острыми иглами критики.

О временах Сталина наша печать говорит сегодня как о временах «великого террора» и «великого перелома», «победы и трагедии». Для обозначения эпохи Хрущева давно уже подобрали эвфемизм «времена субъективизма и волюнтаризма». Историки и публицисты ищут название и для времени Брежнева: «эпоха подхалимажа», «времена вседозволенности и бюрократизма», «эпоха торможения и застоя», «геронтократия». Пожалуй, подходит любое из этих названий.

Но разве все было так плохо у нас во времена Брежнева? Разве не называли мы 70-е годы самым спокойным десятилетием в истории СССР? Да, но это было спокойствие застоя, когда проблемы не решались, а откладывались, и

тучи продолжались сгущаться. Разве не были 70-е годы временем «детанта»? Да, но это была слишком хрупкая «разрядка», результаты которой мало кто ощущал уже в 1980-м году, т. е. еще при жизни Брежнева. Разве советские люди в начале 80-х годов не жили лучше, чем в начале 60-х? Да, жизнь улучшалась, но слишком медленно, если иметь ввиду широкие массы рабочих и служащих. При этом рост разного рода денежных выплат намного превышал темпы роста производства товаров для населения, жилищного строительства и предоставления услуг. Разве Советский Союз не достиг при Брежневе паритета с Америкой в области стратегических вооружений? Да, эта цель была достигнута, но слишком большой ценой для нашей экономики и на слишком высоком уровне — далеко за пределами разумной достаточности. К тому же гонка вооружений продолжалась, истощая страну.

Советский Союз оправился от ужасов сталинского террора. Однако в меньших масштабах незаконные репрессии проводились и при Брежневе, сохраняя в обществе атмосферу «умеренного» страха, поддерживаемую к тому же постоянными попытками реабилитации Сталина. В стране не было не только торжества законности, но и элементарного порядка. Везде усиливалась бесхозяйственность, безответственность и атмосфера вседозволенности. Все более открытой и наглой становилась разлагавшая общество коррупция, злоупотребления властью и хищения в крупных и мелких масштабах становились нормой жизни. Во всех сферах общественной и государственной деятельности от партийного руководства в центре и на местах до редакций литературных журналов и руководства творческими союзами насаждалась атмосфера групповщины, круговой поруки, nepотизма и мафиозности.

Нежелание и неумение хорошо работать, политическая пассивность и апатия, равнодушие к морально-политическим ценностям социализма, нравственная деградация десятков миллионов людей, повсеместное господство посредственности, разрыв слова и дела и поощрение всеобщей лжи, — все это искалечило сознание целого поколения, которое мы называем, порой не без основания, «потерянным поколением». С этой точки зрения, общие последствия

«брежневизма» оказались не менее тяжелыми, чем последствия «сталинизма». Страна и общество зашли в тупик, и мириться с этим более было нельзя.

Конечно, «брежневизм» в его худших проявлениях сложился не сразу. Новое руководство ЦК КПСС, придя к власти в октябре 1964 года, не только прекратило волну плохо продуманных реорганизаций и перемещений, но и пыталось провести в промышленности и сельском хозяйстве ряд разумных реформ, которые могли бы ускорить развитие экономики. Правда, в идеологии и культуре консерватизм этого руководства проявился уже в 1965-1966 гг., что породило разные формы протеста и оппозиции, а также репрессий против инакомыслящих. Одновременно стал быстро расти и репрессивный аппарат, ужесточился его контроль за обществом.

С начала 70-х годов застойные явления начинают нарастать и параллельно растет культ Брежнева. Но эти годы были все же временем разрядки, а это вынуждало власти делать некоторые уступки и в области прав человека. Положение стало, однако, быстро меняться к худшему после 1975 года. На протяжении всей своей истории Советский Союз развивается рывками — от одного социально-политического кризиса к другому. Каждый режим продвигает страну вперед, но исчерпывает свои возможности гораздо раньше, чем его представители и лидеры сходят с политической сцены. С этой точки зрения режим Брежнева исчерпал себя к середине 70-х годов. По случайному совпадению, именно в 1975 году врачам удалось в первый раз вывести Брежнева из состояния клинической смерти, а также вернуть ему утраченную временно способность движения и речи.

Вспоминая Брежнева, мы редко видим перед собой здорового и относительно красивого мужчину, каким он был еще в начале 60-х годов. Перед нами встает обычно образ тучного, с трудом говорящего, больного человека, который тем не менее почти ежедневно появлялся на наших телеэкранах. И чем больше слабел этот человек физически, тем более крепко держался он за власть. Давно забыты были слова о стабильности кадров. Но на верхах государственной пирамиды появлялись не более молодые и энергичные

работники, а все новые и новые люди из числа друзей и родственников Брежнева. Возрастало всевластие бюрократии и личного окружения или команды Брежнева, которую все чаще и чаще называли в Москве «днепропетровской мафией», хотя входили в нее и многие люди из Молдавии, из Казах̄стана, из Азербайджана и из других районов страны. Из состава Политбюро 60-х годов уходят «по состоянию здоровья» на пенсию Шелест и Шелепин, Мазуров и Полянский, Воронов и Подгорный. Почти все они были и моложе и здоровее Брежнева. Неожиданно покончил с собой 60-летний Кулаков. Последним пришлось покинуть Политбюро Кириленко. Умерли Суслов, Косыгин — последние члены Политбюро из состава 1964 года.

Брежнев почти не занимался лично делами страны, и множество решений о развитии экономики и сельского хозяйства так и осталось на бумаге. Он перенес еще один инсульт и еще один инфаркт, и врачам дважды пришлось выводить его из состояния клинической смерти. Дежурная бригада реаниматоров следовала всюду за Брежневым. Он не гнал от себя врачей, как подозрительный Сталин. Физическая и умственная неполноценность «вождя» увеличивала роль и власть его все более растущего окружения, возглавляемого верным Черненко. Все эти люди торопились занять как можно больше влиятельных постов, получить престижные звания и ордена, войти в состав ЦК КПСС, подняться как можно выше в аппарате власти. Лидер слабел, но все сильнее становилась его мафия. Члены ее старались как можно больше урвать для себя привилегий, благ, получить подарков и взяток, нередко занимаясь и неприкрытыми хищениями из казны. Они накапливали дачи, золото, драгоценности на «черный день», опасаясь все же, что он наступит. Брежнев не мог, да и не хотел остановить этот разгул коррупции. Его самого осыпали дорогими подарками. Из Закавказья он получал бриллианты, золотых дел мастера в Дагестане расходовали килограммы золота на «сувениры» для Брежнева и его окружения. Из Средней Азии шли в Москву не только расшитые золотом халаты, которым могли бы позавидовать и бухарские эмиры, — шли в столицу и подлинные шедевры восточного искусства, для изготовления которых привлекались десятки лучших мастеров-

умельцев, тратились сотни тысяч, а то и миллионы рублей. В гаражах Брежнева стояло более 40 дорогих зарубежных лимузинов, десятки людей занимались охраной и обслуживанием охотничьих домов, дач, личных угодий. Грудь Брежнева украшали теперь четыре Звезды Героя, орден Победы и 220 других орденов и медалей, включая и золотой знак лауреата Ленинской премии по литературе. Не было лишь Нобелевской премии мира.

Деградировала не только экономика, но и культура.

«Полтора десятка лет мы кормили зрителя серостью, и он отказал нам в кредите доверия, — писал недавно популярный артист М. Ульянов. — Но почему серость завоевала столь прочные позиции? Да потому, что в течении тех самых полутора десятилетий даже на самых высоких уровнях не поднимались вопросы, остроту которых чувствовал на себе каждый... О каком творчестве, о какой инициативе в широком масштабе могла идти речь? Мы до такой степени оскопили искусство в те годы, что у многих появилось отвращение к нему, как к бессолевой каше. Десятилетиями народ сидел на духовной диете. Кому это было нужно? Чего добились? Подняли урожайность? Сделали наши товары конкурентоспособными на мировом рынке? Что, уменьшилось воровство? Да наоборот! Сейчас мы вскрываем гнойники, а дышать-то стало легче.» («Коммунист», 1987, № 5, с. 53).

«История повторяется дважды, — говорил Гегель, — один раз как трагедия, другой раз как фарс». К. Маркс любил повторять эти слова. «Сталинизм» был трагедией. «Брежневизм» был, конечно, фарсом, но была здесь и примесь трагедии. Было бы странным, если бы этот уродливый фарс не вызвал оппозиции. В то время как открытая оппозиция слабела от репрессий, становилась все более сильной оппозиция тайная, во главе которой оказались столь разные люди, как Андропов, Устинов и Горбачев.

История этой трудной борьбы, которая не вполне завершилась и сегодня, еще не написана и, возможно, не скоро будет написана. Не сказана еще даже малая часть правды о злоупотреблениях не только Брежнева, но даже Гришина и Романова, Кунаева и Черненко. Критика звучит очень резко, но она касается всей эпохи застоя, а не отдельных и наиболее видных ее представителей и создателей. Популярный в стране писатель Д. Гранин

отмечает характерные черты позднего «брежневизма»:

«Истовая работа спецов, подхалимов всех рангов ограждала от жизни народной, приносила плоды прежде всего им самим. Угодничество настаивало: великая страна должна иметь великого вождя. И стали изготавливать великого. Дутые заслуги, соответствовали дутым сводкам, цифрам. Это усваивали по ступенькам этаж за этажом. Благие намерения, с каких все началось в 1957-1966 годах, постепенно сменялись бесконечными речами. Механизмы печального этого процесса стоило бы подробнее разобрать историкам.» («Московские новости», 1987, № 45, стр. 13).

Историки работают долго, и я думаю, что политики их опередят. Режим Брежнева пугал всех своей иррациональностью. Брежнев много говорил о мире, но очень трудно доверять политической группе, которая управляет великой страной по принципу: «после нас хоть потоп». Основные вопросы, которые уже в конце 70-х годов мне задавали иностранные корреспонденты, звучали так: «Как здоровье Брежнева?» и «Кто будет править страной после смерти Брежнева?» Теперь мы знаем ответы на эти вопросы, и многое кажется неожиданным для тех, кто давно уже потерял надежду. Физическая смерть Брежнева проходила долго и мучительно на глазах всего мира. Теперь приходит время для его политической смерти, которая, по словам Тито, может оказаться для политика более страшной, чем физическая смерть. Но это не повод для того, чтобы молчать о Брежневе. Чтобы окончательно покончить с «брежневизмом» недостаточно только снять вывески с его именем с улиц городов, с площадей и районов. Поэтому я могу только присоединиться к призыву простого рабочего Н. К. Козырева: «Нужно открыть форточку не только в страшные 30-е, но и в удушливые 70-е годы.» («Огонек», 1988, № 10, стр. 4). Прекрасным поводом и трибуной для этого может стать предстоящая XIX Всесоюзная партийная конференция.

март, 1988 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ОБРАЩЕНИЕ КООРДИНАЦИОННОГО КОМИТЕТА ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ НАРОДОВ СССР

*Итоговое заявление Львовского совещания
представителей национально-демократических
движений народов СССР.*

Мы, участники совещания представителей национально-демократических движений народов СССР, состоявшегося во Львове по инициативе Межнационального Комитета защиты политзаключенных 11-12-го июня 88-го года, заслушав сообщение о положении в Грузии, Латвии, Литве, на Украине и в Эстонии, ознакомившись с документами о национальном движении в Армении, представители которого не смогли прибыть на совещание, но поддерживают его цели, — констатируем неспособность руководства КПСС и советского правительства решить самый сложный вопрос многонационального государства — национальную проблему.

Как зловещее предупреждение всем принудительно включенным в Советский Союз народам, связывавшим свои надежды с новым курсом советского руководства, воспринимаем мы попрание волеизъявления армянского населения Нагорного Карабаха и спровоцированную, по существу, властями средневековую резню в Сумгаите, а также отклонение так называемой «Комиссией Громыко» требования репрессированного крымско-татарского народа, добивающегося организованного возвращения на родину и восстановления своей государственности. Глубокие разочарования вызвали у нас и проведенные в наших республиках по сталинско-брежневскому антидемократическому шаблону так называемые «выборы» на партийную конференцию, в результате которых дальнейшие судьбы наших народов

призваны определять в основном люди вчерашнего дня, несущие прямую ответственность за сегодняшнее плачевное положение советского государства и наших республик в частности.

Участники совещания от Литвы, Латвии и Эстонии поддерживают требования к советскому правительству, выдвинутые в обращении от 12-го января 1988-го года правозащитниками Армении, Грузии и Украины, а именно требования: о предоставлении национальным языкам республик статуса государственных; об изучении их всем населением республики и санкционирование национальных языков во всех сферах государственной и общественной жизни республик; о культурно-национальной автономии для нацменьшинств, включая русских; о возврате на родину выселенных народов и уточнение границ национальных республик и областей; о праве воссоединения со всеми народами представителей наций, имеющих свою государственность вне СССР; о предотвращении экологического геноцида; о прекращении политики умышленного перемещения населения при помощи централизованного планирования экономики.

Вместе с тем, обменявшись мнениями о положении в наших шести республиках и опытом участия в национально-демократическом движении, мы пришли к выводу, что, кроме перечисленных, актуальными для наших народов стали также вопросы:

установления и четкого определения гражданства каждой республики;

ограничения для въезда в республики на постоянное место жительства инонационального населения, а в отдельных кризисных случаях (Эстония, Латвия и другие) полного прекращения такого въезда и даже реэмиграции части населения;

обеспечения полного суверенитета республик в религиозных вопросах (в том числе восстановление уничтоженных в некоторых республиках национальных церквей);

полного республиканского хозрасчета вместо ликвидированной централизованной экономики;

пересмотра исправительно-трудового законодательства и всей пенитенциарной системы с исключением возможности

использования подневольного труда узников за пределами своих республик;

создания в составе советской армии национальных воинских формирований с отбыванием воинской повинности в мирное время на территории своей республики.

Все эти требования неминуемо связаны с полной политической и экономической децентрализацией Союза ССР, который мы видим в будущем как конфедерацию отдельных суверенных государств.

Для обмена опытом национально-демократического движения и согласования общих действий между очередными совещаниями мы решили создать Координационный комитет патриотических движений народов СССР.

Одной из задач Координационного комитета является конкретная разработка на материалах всех наших республик каждого из перечисленных выше требований.

Особое внимание совещание уделило окончательно не решенному вопросу советских политзаключенных и попыткам реставрировать репрессивную политику прошлого, выразившуюся в аресте по политическим обвинениям известного армянского правозащитника Паруйра Айрикяна и молодого эстонского патриота Сиверса Жолдина. По этим вопросам приняты специальные обращения.

Следующее Совещание представителей национально-демократических движений народов СССР состоится в сентябре 1988-го года в Латвии.

12-го июня 1988 года, город Львов.

НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ ВОВЛЕКАТЬ СЕБЯ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНУЮ РОЗНЬ!

*Обращение Исполнительного Комитета
Украинского Хельсинкского Сообщества
к неукраинскому населению республики*

В последнее время в связи с усилением национально-патриотического движения на Украине партийная бюрократия, позиции которой пошатнулись, ухватилась за старый империалистический лозунг «разделяй и властвуй» — пользуясь монополией на средства массовой информации. Используя собственный пропагандистский аппарат и органы безопасности, она прилагает большие усилия, чтобы переложить вину с больной головы на здоровую, приписать нам свой собственный шовинизм, посеять рознь между украинцами и русскими, натравить и тех, и других на евреев или крымских татар.

Приведем несколько примеров этой коварной стратегии.

Осенью 1987 года Украинский Культурологический Клуб представляли в прессе как просионистскую организацию, а уже весной 1988 года в Киеве организованно распространялись слухи, что в УКК засели антисемиты и готовят еврейские погромы. Совет клуба был вынужден 24-го апреля обнародовать заявление, в котором напомнил требование устава УКК «давать решительный отпор проявлениям шовинизма и какой бы то ни было националистической нетерпимости».

С осени 1987 года началась незатихающая пропагандистская кампания и против редколлегии независимого журнала «Украинский вестник» — органа Украинского Хельсинкского Сообщества, массовой внепартийной правозащитной организации. Последние несколько недель, особенно после многочисленных июньско-июльских митингов во Львове, в этом потоке клеветы зазвучали новые мотивы.

Украинским правозащитникам начали приписывать «разжигание межнациональной розни», «прославление бан-

деревцев», которые якобы уничтожали лагерь советских военнопленных и еврейские гетто (до такого вздора дописался корреспондент «Комсомольской правды» В. Панов), желание породить «новый Нагорный Карабах». А львовская партийная газета с неуместным названием «Вільна Україна» (Свободная Украина) дошла до того, что в выступлениях на львовских митингах увидела «намек на львовский вариант событий в Сумгаите» (то есть призыв к резне!).

Если бы у нас действительно было правовое государство, редактор партийного органа за такую злостную клевету сидел бы на скамье подсудимых.

После попытки через охранительную прессу подогреть общественное мнение, выглянули наконец из-за кулис действительные вдохновители клеветнической кампании — КГБ и прокуратура. 27-го июля 1988 года в трех львовских газетах были помещены сообщения прокуратуры о том, что по-экстремистски настроенные «Черновол, братья Горыни, Макар, Путько и другие, злоупотребляя гласностью в условиях перестройки и демократизации общества, под видом критики допускали клеветнические и оскорбительные выпады в отношении отдельных партийных и советских руководителей, советской действительности в целом, высказывали идеи, направленные на разжигание национальной розни и националистических настроений, подстрекали к нарушениям общественного порядка». Провокационные выступления охранительной прессы намекали на «новый Сумгаит», распространение слухов о намерении «выселить русских с Украины», усиленные устными и письменными заявлениями КГБ и прокуратуры, посеяли тревогу среди неукраинского населения республики в западных ее регионах.

В связи с этим Исполнительный Комитет Украинского Хельсинкского Сообщества заявляет:

Мы категорически отвергаем измышления, которые распускает о нас бюрократический аппарат, боящийся гласности и демократизации. Ими он защищает узурпированные у трудящихся льготы и привилегии и пытается направить энергию пробудившегося народа в русло межнациональных усобиц, обвинив в этом Украинское Хельсинкское Сообщество. Поэтому напоминаем, что в «Декларации принципов» мы отстаиваем «обеспечение экономических,

социальных, культурных и политических прав как украинского народа, так и национальных меньшинств на Украине», «выступаем за самые широкие гарантии прав национальных меньшинств на Украине (русских, евреев, поляков, белорусов и других) на культурно-национальную автономию (на ассоциации, школы, театры, музеи, церковь и прочее), а в случае сплошного поселения (венгры, греки, гагаузы, румыны, болгары, русские и другие) еще и на создание национально-территориальных административных единиц в селах, поселках, районах. Мы стоим за легальное восстановление в составе Украинской ССР Крымской Автономной ССР с организованным возвращением репрессированного Сталиным населения автономной республики в места прежнего проживания.

Мы добиваемся восстановления фактически ликвидированной Сталиным Украинской советской державы с ее основными атрибутами — новой Конституцией на действительно федеральной основе, республиканским гражданством, государственным языком, достойным международным представительством, государственной экономикой с республиканским хозрасчетом и самофинансированием...»

Мы не верим, что честные представители национальных меньшинств Украины, прежде всего, самого многочисленного русского, против того, чтобы украинцы пользовались своим языком, развивали свою культуру, чтобы они вместе со всем другим населением Украины были хозяевами своих природных богатств и ресурсов, жили богато и свободно на своей щедрой земле, оберегая ее от посягательств бюрократического централизма. Ведь навязанные Москвой Чернобыли убивают независимо от национальности...

Украинское Хельсинкское Сообщество призывает все неукраинское население республики:

НЕ ПОДДАВАЙТЕСЬ НА ПРОВОКАЦИИ ПАРТИЙНО-БЮРОКРАТИЧЕСКОГО АППАРАТА, НЕ ВЕРЬТЕ ВЫМЫСЛАМ О «ВЫСЕЛЕНИИ» И «НОВЫХ СУМГАИТАХ», НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ ВОВЛЕКАТЬ СЕБЯ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНУЮ РОЗНЬ.

На родной для нас всех украинской земле мы как демократы и настоящие, а не фиктивные интернационалисты

сумеем достичь между собой взаимопонимания без коварного посредничества того нового бюрократического класса, который родился в кровавой рубашке сталинского террора и набрался сил в затхлом болоте брежневского застоя.

Киев — Львов, 28-го июля 1988 г.

(перевод с украинского)

Сильва Капутикян

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

*С.С. Аверинцеву, В. В. Иванову, В. А. Каверину,
М. А. Ульянову, всем честным деятелям науки,
культуры, печати.*

Дорогие друзья!

С огромным вниманием прочли мы опубликованное в «Известиях» за 25 марта ваше письмо. Почувствовали охватившую вас тревогу по поводу дошедших из далекого далека событий в Нагорном Карабахе, Армении и Азербайджане. Поистине, из далекого далека. Наши средства массовой информации, в особенности программа Центрального телевидения «Время», газета «Правда», некоторые тенденциозные публикации и материалы прочих органов печати, в таком искаженном виде представляли происходящее, что, несомненно, нужно было быть слишком проницательным, имеющим собственный взгляд на вещи человеком (что в полной мере относится и к вам), чтобы в плотной, мастерски сотканной завесе публикаций узреть более или менее реальное положение вещей и в какой-то степени приблизиться к истине. Нам понятны ваши гуманные помыслы в равной степени успокоить два народа, будто бы поднявшихся друг против друга. Мы благодарны вам за ваши чисто человеческие побуждения. Однако, позвольте мне заметить, что именно это «в равной степени», в котором повинны не вы, а все та же хитроумная дымовая завеса, ослабило силу воздействия на нас вашего обращения, и что даже вы, весьма уважаемые, обладающие высокими добродетелями люди, оказались не в силах исцелить наши раны. Слишком глубоко нанесенное нам оскорбление, беспредельны наши разочарования и подавленность, и я даже не знаю, как скоро и каким образом сможем мы обрести свой душевный покой и возвратиться к самим себе?

Дорогие друзья!

Вот уже два месяца длятся бурные страсти вокруг Карабаха, и я помимо своей воли попала в Бермудский треугольник этих событий. И вот, на исходе всех физических и душевных сил, я покинула на несколько дней Ереван и, уединившись в одном из пансионатов близ Бюраканской обсерватории, пытаюсь сосредоточиться, перебрать в памяти и, по возможности, осмыслить события прошедших недель, пытаюсь найти форму, чтобы придать бумаге все прочувствованное и пережитое, и тем самым, может быть, освободить душу от накопившейся горечи и смятения.

Однако кому писать? Как найти точного адресата? Писать ли Михаилу Сергеевичу Горбачеву, которого и без того завалили поступающими от разных людей, научных и творческих коллективов, заводов и колхозов Армении тысячами писем и телеграмм с выражением обиды, недоумевания и надежд? (Я вместе с публицистом Зорием Балаяном была у него в самый разгар ереванских митингов, почувствовала его уважение к нашему народу, поверила его доброжелательности, искренности его Обращения к двум народам. Однако, к сожалению, развитие последующих событий лишает меня возможности до конца понять и правильно оценить эту доброжелательность.) Президиуму ли Верховного Совета СССР, его членам, избираемым по бюллетеню, на котором указано «одного оставить, прочих зачеркнуть», по выборной системе, так напоминающей возможность Адама в выборе жены? «Правде», программе «Время», стоящим за их спиной диктующим им верхам? Нет, слово мое слишком полно боли и слишком свято, чтобы адресовать к этим окаменевшим в «каменном веке» брежневщины функционерам-тугодумам.

И вот я решила написать вам, дорогие друзья, и через вас обратиться ко всем честным людям, деятелям науки и культуры, в надежде, что вы поймете, и кто знает, может быть, поможете нам выйти из этого духовного лабиринта. И если письмо мое получится несколько длинным, острым в выражениях, не свободным от эмоции, объявленной в эти дни чуть ли не диссидентом (тем не менее я не боюсь употребить это слово), прошу простить меня. Может быть,

со временем пройдет это настроение, а пока крик души трудно втиснуть в рамки благоразумия...

На театральной площади в Ереване, во время одного из митингов, когда я в конце своего выступления сама пыталась призвать взволнованных людей к благоразумию и терпеливо ждать справедливого решения вопроса, стоящий в первых рядах молодой человек со сведенным от напряжения лицом крикнул мне: «С четвертого века набираемся терпения, сколько же нам еще терпеть?»...

Видит Бог, терпение армянского народа длится столетия. Мы пришли к Октябрьской революции через геноцид 1915 года, потеряв половину своего народа, большую часть своих исконных земель, раскинутыми по всему свету, раздавленными физически и духовно. Но будто мало было всего этого: после установления Советской власти в Армении от оставшегося нам сиротского удела также были отрезаны Нахичевань и Нагорный Карабах. И вот сохранившаяся более или менее единая часть раздробленного народа тоже была поделена надвое.

Действие это, выходящее за пределы всякой логики, справедливости, начисто лишённое исторических, географических и демографических аргументов, которое долгие годы оставалось необъяснимым, становится понятным лишь сейчас, когда открылась дьявольская многоликость Сталина. Ведь еще 30 декабря 1920 г. председателем Ревкома Азербайджана Н. Наримановым была оглашена декларация Ревкома о передаче спорных территорий Зангезура, Нахичевани и Карабаха Армянской республике. И именно по приезде Сталина в Закавказье, 5 июля 1921 г., пересматривается это решение, и по настоянию отказавшегося уже от своих слов Нариманова Карабах с Нахичеванью вводятся в состав Азербайджана. Азербайджанские ученые утверждают, что это было сделано с согласия Ленина, приводя в доказательство слова вождя: «...считаться с мнением Нариманова». Однако вспомним ориентацию Советской России в те годы в отношении к кемалистской Турции, когда Ленин, поверив «революционным устремлениям» Кемалья Ататюрка, оказывал моральную и материальную помощь Кемалю в надежде, что в скором времени в Турции установится социалистический строй. Именно этой надеждой продиктован совет Ленина

считаться с мнением Нариманова, что означало, считаться с интересами «революционной Турции». Прибавим сюда еще и вероломные науськивания Сталина на армянский народ, вводящие Ленина в заблуждение умозаключения, и станет понятным сожаление вождя, отраженное в записях от 30 декабря 1922 г., когда он был уже смертельно болен: «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации... вопрос миновал меня почти совершенно... Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление... Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль» (В. И. Ленин, Сочинения, 4 изд., т. 36, стр. 553-554).

На фоне обнажающихся, скрытых в прошлом ошибок и намечающейся сегодня тенденции их исправления, воодушевленное идеями перестройки, демократизации и гласности, армянское население Карабаха, составляющее большинство в 1920 г. — 93%, а сегодня — 75%, вновь выразило неоднократно изъявляемое и в истоке своем задушенное в прошлом желание воссоединиться с Арменией, уверенное в том, что на этот раз оно будет исполнено.

Длещаеся вот уже 60 лет брожение в Карабахе азербайджанцы приписали, да и сейчас приписывают интеллигенции Армении, в особенности писателям. Но мы должны с угрызением совести и сожалением констатировать, что долгие годы оставались в стороне от тревог Карабаха. Во-первых, чтобы сохранить хотя бы «внешнюю оболочку» раззваниваемой под барабанный бой застойных лет дружбы двух народов, а во-вторых, малодушно опасаясь, как бы нам вдруг не приписали вышеуказанных обвинений.

Необходимо, чтобы все раз и навсегда поняли, что недовольство карабахцев разжигают не люди со стороны, не разные «радиоголоса» и иностранная агентура, а они вызваны несправедливостью 1921 года, постоянным присутствием ее последствий в душе каждого карабахца. Несправедливость, которая, как постоянный источник инфекции, непрерывно отравляет организм, дает нежелаемые явления. А именно: с одной стороны — это обида и горечь за насильственное отторжение от родного народа и необрати-

мое стремление быть воссоединенным с ним, смятение, отчаянные порывы; с другой стороны — упорные, нелепые попытки любым способом разрубить, всячески разорвать духовную связь карабахцев с Арменией, вплоть до последовательных препятствий в установлении линии телевизионных передач из Еревана. Столь же упорны и нелепы попытки отрицать историческую правду о принадлежности армянам древнего исконно армянского края Арцах, лишь после нашествия татаро-монгольских племен в 1388 г. переименованного в Карабах, всеми допустимыми и недопустимыми способами доказать аборигенность азербайджанцев в Карабахе, и что самое гротескное, настаивать, убеждать карабахских армян, что они не кто иные, как принявшие христианство албанцы-азербайджанцы и крайне глупо с их стороны так яростно отказываться от счастья принадлежать к могущественной турецкой расе... Ко всему этому присовокупляется постоянное экономическое, административное и нравственное давление на армянское население, репрессии, азербайджанизация области, преследующие ту же цель — заставить депортировать армян с их исконных земель, эмигрировать в Среднюю Азию, Россию, Армению, как это было сделано в Нахичевани, армянское население которой, составляющее в 1920 г. 40%, сегодня достигает едва лишь 1-2%.

Именно это состояние вновь подняло на ноги армян Карабаха, которые после официального обращения к всесоюзному руководству направили нам, народу Армении, многочисленные письма и призывы поддержать их. И на этот раз с нашей стороны было бы полным предательством и постыдной трусостью не отозваться на зов о помощи.

Вот, дорогие друзья, краткая история Карабахского конфликта, которая упрямо скрывается от советского народа, а наша пропаганда, вводя в заблуждение неосведомленных советских людей, политической недалекостью сводит дело к традиционным столкновениям между двумя соседними народами, будто представление событий в таком свете более приемлемо для нашей страны, гордящейся содружеством народов, чем тот факт, что находящаяся в одной из советских республик армянская национальная область изъявила желание войти в состав находящейся

рядом Армянской, также советской, республики.

Кто мог предположить, что очень естественное и понятное требование, поднятое карабахцами, по поводу которого предыдущие месяцы направлялось в Москву множество писем и обращений (под одним из них стоит и моя подпись), встретит со стороны руководства нашей партии столь последовательное непонимание. Может быть, карабахцы поспешили в своих действиях, может быть, нужно было повременить, пока в стране укрепится перестройка и руководящие органы научатся слышать голоса, идущие снизу, как говорится, «научатся демократии»? В таком случае, если центральное руководство считало, что в настоящий момент невозможно решить карабахский вопрос, то оно могло бы спокойно, не затрагивая национального достоинства народа, по-человечески, как это было сделано в обращении М.С. Горбачева от 26 февраля, объяснить карабахцам несвоевременность предъявленного ими требования, пообещать им, что вопрос этот будет рассмотрен, и они, как и все предыдущие 68 лет, стали бы терпеливо ждать высшего решения. Однако совершилась ведущая за собой горькие последствия ошибка: было принято слишком поспешное решение ЦК КПСС от 21 февраля, в котором всенародное праведное движение в Карабахе и Армении было квалифицировано как спровоцированное группой экстремистов-националистов нарушение общественного порядка, и именно по этой причине, из-за крайне несправедливой, не считающейся с внутренним миром народа, явно односторонней оценки, в Карабахе и Ереване начались всеобщие недовольства и волнения, митинги и забастовки. Вследствие этой же односторонней оценки в Азербайджане были санкционированы и пущены в ход все антикарабахские, антиармянские силы, начиная с радио и телевидения, газет и журналов, до кровавого Сумгаита, который явился таким же тяжелым Чернобылем в национальных отношениях, черной былью в истории советского общества. Это по всем признакам тщательно организованная резня, длящаяся более трех дней, странным образом не встретившая никаких преград со стороны местных правоохранительных органов, является позором не только Азербайджана, но и всего Советского Союза, позором стоящего на пороге XXI века человека,

создающего космические корабли и тончайшие кибернетические устройства.

Особо хочу подчеркнуть, что в растущих изо дня в день волнениях Карабаха и Армении, насчитывающих в первые дни 2-3 тысячи, а к концу — 700 тыс. человек в ереванских митингах, есть и значительный «вклад» всесоюзной телевизионной программы «Время», которая своей, становящейся изо дня в день все более бесцеремонной и односторонней информацией, будто задалась целью вывести наш народ из равновесия, толкнуть его на нежелательные действия. Но если этого не удалось достичь в Ереване, то эта односторонность, покровительствуемая какими-то неведомыми закулисными силами, предоставила Азербайджану полное право действовать свободно и безнаказанно и тем самым толкнула к Сумгаиту. Эта же односторонность избаловала и распустила азербайджанцев, проживающих не только в самом Азербайджане, но и их соотечественников в Армении, которые сейчас (я уверена, и в будущем) идут на всякого рода провокации, шантажируют руководство тем, что в случае, если их желания не будут исполнены, они также последуют примеру своих соотечественников... И наши районные власти, в страхе, как бы не вызвать гнев «вековых братьев», готовы покорно выполнять все их прихоти, вплоть до того, что посылают машины в Грузию, чтобы доставить на праздничные столы по поводу «байрама» яблоки и цитрусовые. Неужели не ясно, что подобными уничижительными, раздражающими достоинство местных армян уступками, тем более, если они станут постоянными, не добьешься истинной дружбы народов.

Скажу также, что, не умея объяснить причины этой многосферной предвзятости центральных органов, у нас многие склонны думать, что и здесь была применена всемогущая модель — приобрести заинтересованность нужных людей, — наивысшим выражением которой был печально известный церемониал в Баку, когда прилюдно, на виду у многомиллионных телезрителей, на дрожащий — не знаешь, от старости ли, от предвкушения ли радости нового приобретения — палец Брежнева надели бриллиантовый перстень астрономической цены...

Однако все формы предвзятости, проявленные до 21 марта (будь то программа «Время», дезинформирующие публикации центральной печати) являлись лишь детскими забавами, тоненькими ручейками, по сравнению с лавиной лжи и брани, обрушенной на нас 21 марта газетой «Правда», статьей «Эмоции и разум». Наверное, будущие времена выяснят, кем и в каких целях была организована эта статья. Но независимо от всего, мы решительно заявляем — эта статья учинила нашему народу душевный Сумгаит, который изрубил не тело наше, а душу, искромсал, растоптал нас морально. Нужно было быть начисто лишенным способности, а точнее, желания вникнуть в глубину происходящего, чтобы вылить столько грязи и осквернить наши семидневные митинги-демонстрации, во время которых наш народ будто бы пробудился, возродился вновь, очистил с себя тину и плесень застойных лет, приобретенные временно свойства — эгоизм, стяжательство, национальное безразличие — и стал перед своей судьбой, перед своей великой историей с высоко поднятой головой, встал гордо, слитно, величаво, встал, как подобает древнему народу, восстановившему утраченное свидетельство о библейском своем начале.

Как было понять заказчикам статьи «Эмоции и разум», что этот многотысячный народ — интеллигенцию, рабочих, тружеников села — подняла с мест и привела в столицу не только проблема Нагорного Карабаха: гены исторической памяти забродили в душе каждого из них. В них была и трагедия 1915 года, боль и гнев потомков тех, чьи отцы и деды были истреблены и растерзаны 70 лет назад, тоска по оставленным за Араксом родным местам, как свет далекой, давно погасшей звезды, зовущий их к единению, чтобы, уповая друг на друга, друг в друге обрести утерянное. В них была неудовлетворенность тем, что Советское правительство в должной мере не стоит за армянский народ в защите его прав в Организации Объединенных Наций, где вот уже 20 лет обсуждается и не находит своего окончательного решения вопрос — считать ли Турцию виновной в учиненном над армянами первом геноциде XX века? Было и недовольство тем, что в республике продолжается состояние запущенности, коррупция, взяточничество, бюрократия и произвол, что Армения и ее столица

задыхаются от хлоропрена и других токсичных газов, в десятки раз превышающих допустимые нормы, что продолжает свое угрожающее существование расположенная близ Еревана, в сейсмическом поясе, над бассейном питьевой воды, атомная электростанция.

Все это, взятое вместе, и было в душах участников многодневных митингов в Ереване, тем, что выплеснулось по поводу Карабаха и чему идущие наперекор перестройке авторы статьи «Эмоции и разум» своим заскорузлым мышлением не могли дать иного определения, как «антисоциалистический душок». И это в том случае, когда М. С. Горбачев во время своего пребывания в Югославии заявил, что волнения вокруг Нагорного Карабаха не имеют ни антисоциалистического, ни антисоветского характера и что «речь шла» в этих регионах «о том, что есть вопросы культурного, этнического характера».

Нужно быть лишенным элементарного такта, толики культуры, уважения к другому народу, чтобы инстинктивную самоорганизованность 700 тысяч собравшихся на улицах и площадях Еревана людей, их сдержанность, самообладание, готовность обеспечить стоящих на ногах часами людей водой и хлебом, оказать обессиленным пожилым скорую помощь, это беспримерное проявление солидарности людей земли подвергнуть осмеянию, издевательствам, обвиняя нас в заранее «организованной организованности», подготовленной месяцы и даже годы назад комитетами и, бог весть, какими еще заокеанскими агентами. И чтобы все это вместе взятое, это высокое выражение народного духа цинично посчитать «уличной демократией». В таком случае, как называть ежедневно показываемые по телевидению, одобряемые нами демонстрации палестинцев и ирландцев? Так же «уличной демократией»? А что касается комитетов «Карабах», то они были вызваны к жизни, организованы народной стихией и они же, в свою очередь, организовали эту стихию. Это была взаимная связь, питающая друг друга, и, благодаря этой связи, во время многотысячных шествий и митингов не было сломано ни одного деревца, не было произнесено ни одного грубого слова, не произошло ни одного факта общественного беспорядка. Эти комитеты «Карабах» были выражением так

часто склоняемого в дни перестройки нового мышления и социальной активности масс, и хотя противостоящие перестройке силы опорочили и официально распустили их, но они, эти комитеты, останутся как первые образцы народоуправления, они оставят след в обществе и продолжат свое, преобразующее психологию людей, воздействие.

Только преследующие определенные цели чиновные мужи и их приспешники могли поставить на равные чаши весов погромщиков, решающих вопросы Сумгаита, и нас, мирно вышедших на демонстрации в Карабахе и Ереване, при этом с особой предосторожностью щадить первых и подвергать постоянному унижению в печати и по телевидению тех, которые ответили на бойню и кровопролитие своим способом, как подобает народу, имеющему свои критерии жизнестойкости и противостояния злу; тех, которые 8 марта шли в Цицернакаберд, к памятникам жертвам геноцида, мудрым, народным инстинктом почувствовав, что Сумгаит — это продолжение 24 апреля 1915 года. Шли тысячи женщин, детей, затем и мужчин, чтобы склонить головы перед памятью новых жертв; скромных рабочих семей, погибших в своих квартирах за столом, перед телевизором, опозоренных женщин и девушек, перед памятью вставших на их защиту убитых светлолицых солдат, перед памятью тех азербайджанцев, которые остались верны высокому назначению быть человеком и ценой жизни пытались спасти своих соседей-армян. Еще долго будут отдаваться в нашей памяти шаги тех, кто, молча, погрузившись в себя, поднимался по ведущей в гору извилистой дороге. Всенародная скорбь и протест были в отзвуках этих шагов, проверенная веками великая мудрость обратить бессилие в мужество, найти в отчаянии силы, суметь прорваться из кольца несправедливостей к высокой Справедливости.

Всесоюзная пресса, телевидение и их шефы остались глухи и немы к отголоскам этих шагов. И слава Богу. Мы благодарны за эту глухоту, ибо не имеющее себе подобия проявление горя и траура нашего народа они могли также осквернить, как было осквернено все, что в честном обществе с истинной демократией и гласностью воспринималось бы как подвиг духа и души. Этим чиновным соглядатаям было доступней и, скажем прямо, сподручней услышать, как на

собрании 19 марта в доме кино двое-трое разгоряченных молодых людей, потерявших от бесконечных оскорблений и издевок контроль над собой, призывали передать дело о сумгаитской резне в международный суд, поскольку советское правительство скрывает ее истинные масштабы, объявить Армении, в случае нерешения Карабахской проблемы, «беспартийной республикой», призывали и к некоторым другим отчаянным шагам.

Я могу бесплатно предоставить столь приверженным делу государственной безопасности редакциям еще более увесистые, подходящие для особого досье сведения такого же характера. 23 марта 1988 года все мы, в Армении и в Нагорном Карабахе, не по отдельности, каждый в своем доме, а собравшись группой у кого-нибудь на квартире (у нас вот уже два месяца никто не может оставаться один в своем доме), затаив дыхание, ждали решения Президиума Верховного Совета в надежде услышать радостную весть. Я тоже была в доме одних моих знакомых. Когда диктор программы «Время» суровым голосом объявил решение президиума оставить все как есть и, более того, когда верховные правители республик прокурорским тоном начали грозить пальцем и без того забившейся в угол и вдруг осмелившейся не покориться сиротке-Армении, нас будто всех облили холодной водой. После нескольких секунд оцепенения взорвались негодующие голоса. Более всех возмущалась молодежь. Дочь хозяйки дома, искусствовед по профессии, хрупкая девушка, крикнула почти дрожащим от возмущения голосом: «Если так, то я тоже найду оружие, я тоже научусь резать детей, видимо с убийцами считаются больше, чем с нами». Ее перебил молодой человек: «Давайте обратимся к Турции, скажем, что мы каемся в своей приверженности к России, что мы впредь...», но кто-то не дал ему договорить: «Тогда как мы посмотрим в лицо Арарату?» Все будто сразу отрезвели, опомнились, у некоторых на глазах появились слезы, слезы отчаяния и безысходности: «Нет, этому не бывать, обратимся лучше к Канаде, Австралии, попросим выделить нам землю и всем народом переедем туда. Мы видим, что здесь нас хотят растоптать, как нацию, до конца». И еще один стенающий голос

прозвучал: «Да, переедем, но кому мы оставим наши храмы, наши хачкары, наш Ереван?..»

Вы можете представить себе, уважаемые Сергей Сергеевич, Вячеслав Всеволодович, Вениамин Александрович, Михаил Александрович, что слова эти «Да, переедем...» были мои, именно мои!.. Вот какие слова может заставить произнести минута безысходности, заставить восстать против себя самой, против своей сущности, против веков...

Описала я нашу реакцию на решение Верховного Совета и подумала, вдруг эти выражения попадут в руки разных «овчаренко». Нет, я не боюсь, что эти слова будут приписаны проверенному по словарю Ожегова «подстрекательству» со стороны «западных голосов» или станут «жареными» сведениями для заготовок еще одной разгромной статьи. Я боюсь того, с какой усмешкой воспримут они и посчитают старомодной сентиментальностью слова «Кому мы оставим наши храмы, наши хачкары, наш Ереван», «Тогда как мы посмотрим в лицо Арарату». Однако почему, по какому предписанию, я все-таки должна думать, как отзовутся эти слова в них? Кто дал им право, этим новоявленным молодчикам-газетчикам и прочим размахивать клинком своего пера над дошедшим из античных времен до нынешних дней народом, который привык свою совесть и дела выносить только на суд своей священной горы, и кто позволил им делать все это от имени социализма, перестройки и демократии, от имени Ленина, который в последних записях наказывал, что нужно быть осторожным и тактичным в отношении национальных чувств малочисленных народов?

Дорогие друзья.

В эти дни мы получаем много писем со словами поддержки и причастности от друзей, разных по национальности: Михаила Дудина, Валентина Распутина, Андрея Битова, Михаила Матусовского, Фазиля Искандера, Станислава Рассадина, Михаила Лотмана, И. Крупника и от многих других известных и неизвестных людей. «Верха» Армении, озабоченные то ли тем, чтобы удержать скрипящие на всю страну свои кресла, то ли тем, чтобы «не раздувать страстей», не разрешают публикацию этих писем. Я нахожу,

что неумная осторожность наших руководителей наносит ущерб истинной дружбе народов. Ведь публикация писем и телеграмм помогла бы ощущающему себя столь одиноко сегодня нашему народу легче дышать.

Я хочу полностью привести телеграмму, полученную из Новосибирска: 26 марта в нашем педагогическом институте состоялась встреча с выпускниками-филологами. Это учителя сельских и городских школ Новосибирской области. Они поручили мне передать вам восхищение вашим мужеством. С болью в сердце узнали о событиях в Нагорном Карабахе. Отчетливо сознаем свою личную ответственность за все, что происходит в нашей стране. Представить себе не можем Советский Союз без братского армянского народа, чья многовековая культура есть неотъемлемая часть советской многонациональной культуры, часть нашего личного богатства. Желаем всему армянскому народу терпения, мужества, стойкости, выдержки. Веруем в лучшее. В здравый смысл. Веруем в культуру, чей утверждающий голос должен быть услышан. Мы с вами на вечные времена. По поручению студентов, учителей, преподавателей — Эльвира Горюхина».

Нельзя без волнения читать эти строки и при этом не заметить следующую, неизвестно с какой очередной дезинформацией связанную, трогательную фразу: «Представить себе не можем Советский Союз без братского армянского народа».

Не беспокойтесь, дорогие новосибирцы, мы не выйдем из состава Советского Союза, тем более, что нам некуда идти, за нашей спиной Турция, не скрывающая скрежета своих зубов Турция. Мы три века подряд обращали свой взор на север, на Россию, смотрели с надеждой на спасение, с любовью и преданностью. Однако, видимо, политика с любовью менее считается, чем с ненавистью. Не случайно, турецкая газета «Хурриет» за 11 марта, комментируя события в Карабахе в статье «Советский человек и национализм» пишет: «...советские армяне, по сравнению с советскими азербайджанцами, с гораздо большей готовностью жертвовали собой во имя коммунизма. Однако Кремль, изучая события, происшедшие между армянами и азербайджанцами, учитывал не только вес турок-азеров, но и вес всех турок. Действительно, в СССР число турок

достигает 50 млн. Перед лицом этой огромной турецкой массы, какова бы ни была ценность армян в глазах КПСС, они в расчетах Кремля не будут равны ценности турок». Нам, армянам, остается вспомнить давнее армянское высказывание: «Турок сам проклят, но слова его правдивы».

Если действительно самодовольные выводы газеты «Хурриет» правдивы, то все же хотелось бы понять, насколько выгодно фактору, именуемому политикой, забывать, что царское правительство всегда стремилось заселять свои южные границы армянами, зная об их безоговорочной преданности России, и сейчас с удивительной недалечностью не только не беспокоиться, что армянское население на южных границах столь поредело, но и способствовать охлаждению и отчуждению армян по отношению к России? Неужели после событий в Венгрии, Чехословакии, Польше и после ряда других неразумных шагов брежневщины, на фоне растущей недоброжелательности к русским, нисколько не существенно и в преданных глазах армян также породить тень недоверия?..

Здесь мне бы хотелось привести несколько строк из другого, придающего нам силы, письма, которое прислала нам из Москвы этнопсихолог, кандидат исторических наук Галина Васильевна Старовойтова: «Не каждому доводится стать свидетелем того, как народ встает лицом к лицу со своей историей. Какой бы исход ни получили события дальше, они уже состоялись и народ выйдет из них не таким, каким был прежде».

Поистине, после двухмесячных борений, испытывающих силы человеческой души, мы вышли «уже не такими, какими были прежде», мы вышли где-то другими, более зрелыми.

Горько досталась нам эта зрелость, ценой крушения великой веры, крушения, которое в какой-то мере напоминает 9 января 1905 года. Мы, сначала народ Карабаха, а затем и Армении, пошли к Зимнему Дворцу — на площадь Ленина в Степанакерте и на театральную площадь в Ереване, уверовав в то, что центральная власть поймет нас и пойдет нам навстречу. Мы шли с лозунгами доверия к стране социализма, русскому народу, к перестройке, с портретами Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Но по

нам открыли огонь. Открыли огонь вышеупомянутыми несправедливыми решениями Политбюро и Президиума Верховного Совета, развернутой средствами массовой информации лживой, очернительной пропагандой, с нескрываемым благоволением к азербайджанской стороне. Открыли огонь Сумгаитом. Кто они, открывшие огонь, мы не можем понять, точнее, нам слишком тяжело понимать. Неужели, действительно, считающиеся с соотношением 3-х и 50-и миллионов, начисто чуждые идеям социальной и национальной справедливости «глобальные» политики? Или те, унаследовавшие самодержавные устремления царской империи, современные, говоря словами Ленина, «российские держиморды», которых вначале удивила, потом обозлила, а затем напугала дерзость малочисленного народа, осмелившегося так единоверно выразить свои чаяния? И, наконец, может быть, враги перестройки, которые поспешили политическим, моральным и административным давлением задушить едва взошедшие ростки демократии и гласности, а именно — решение сессии облисполкома и партийного пленума Карабаха, являющееся официальным подтверждением волеизъявления народа, а затем вставшие в защиту Карабаха ереванские митинги? И, тем самым, антиперестроечные силы пожелали дать прежде всего урок всем народам Советского Союза, а заодно и показать, к чему могут привести провозглашенные перестройкой свободы...

Так или иначе, по нам, мирно вышедшим на улицы, был открыт расстрелявший нас морально огонь. И мы уже не народ 8-го, а народ 10-го января, созревший за один день народ.

Я бы не сказала, что нашему народу пойдет во благо такая зрелость. Нет, скорее, наоборот. Но она, эта горькая зрелость, заставит нас более трезво смотреть на действительность, опираться только на свои внутренние силы, на свою стойкость, не предаваться иллюзиям, не строить на песке дом своего будущего, заставит не верить слепо и не ослепнуть от веры, заставит зарубежных армян не служить после этого советским посольствам с такой отдачей и приверженностью, создавая вокруг них и вокруг Советского Союза постоянную атмосферу доброжелательности и симпатии, заставит не очень-то связывать свои надежды с

Советским Союзом, с советской Арменией, особенно с окончательным решением армянского вопроса в связи с признанием геноцида и земельных претензий к Турции, заставит их действовать самостоятельно, напрячь свою мысль на поиски новых, более надежных путей сохранения нации.

Эта горькая зрелость, вызванная бесцеремонным жестким ответом на нашу открытость и доверчивость, многих из нас толкнет не только к душевному подполью, внутреннему отчаянию и отчуждению, внутренней эмиграции, но и катастрофически ускорит реальную эмиграцию за рубеж, в Америку. А те из нас, кто самым суровым образом осуждал оставляющих Родину, никакими словами ныне не смогут остановить их. Зачем принуждать людей и впредь быть раздавленными под колесами не внушающей ни малейшей надежды перестроиться бюрократической машины? Ведь не каждый согласится во имя идеала сохранить Родину, стать сторожем отечественных памятников, Звартноца и Эчмиадзина, согласится растить детей под отравленным хлоропреном небом, подвергнуть их смертоносному излучению грозящей взорваться в любую минуту атомной станции.

Увы, этой внутренней и внешней эмиграции не воспрепятствуешь ни роспуском комитетов «Карабах», ни гонениями райкомов и горкомов, ни грохотом проносящихся над Ереваном грозных военных вертолетов, которых народ с горькой иронией назвал «первые ласточки перестройки», ни заполнением ереванских площадей и улиц русскими миловидными солдатами, которых, кстати, мы ждали 300 лет и которым наши девушки по инерции дарили цветы...

Однако оставим театральную площадь Еревана и перенесемся в Карабах, который является настоящими театральными подмостками разыгравшейся драмы и где, полагаю, переходит из рук в руки решение ЦК КПСС и Совета Министров о социально-экономических и культурных преобразованиях области.

Наверное, поставившие свои подписи под постановлением уважаемые товарищи М. С. Горбачев и Н. И. Рыжков удивлены, что людей Нагорного Карабаха не радуют весьма

щедрые обещания этого постановления и они продолжают стоять на своем требовании об отделении от Азербайджана.

Мне бы очень хотелось, чтобы вы, уважаемые авторы статьи, напечатанной в «Известиях», увидели видеокadres, запечатлевшие события в Карабахе. В этих кадрах потрясение вызывают не автомашины и ларьки, вдребезги разнесенные азербайджанцами из сопредельного с Карабахом Агдамского района, и даже не душераздирающий вид избитых, покалеченных, забинтованных и загипсованных армян в больницах, а состояние собравшихся на квадратной площади Степанакерта. Человек, если в груди у него сердце, а не аппарат, свойственный «аппаратчику», не может без содрогания смотреть на этих людей, которые, точно попав в квадратную клетку, с разрывающимся сердцем бьются о решетки, непрерывно скандируя: «Ар-ме-ни-я!», «Ар-ме-ни-я!» Они гордые, веками не покоренные, прославленные своей храбростью карабахцы, давшие стране четырех маршалов, 20 Героев Советского Союза, 44 тысячи бойцов Великой Отечественной войны, в наш век были доведены до этого состояния...

И вот им вместо Армении подают «социально-экономические преобразования», да и то поручив их внедрение разным министерствам и учреждениям Азербайджана. Карабахцам хорошо известна цена таких преобразований. Ведь уже который раз столь красивые на бумаге, сулящие райскую жизнь решения хитрыми руками таких «внедрителей» давали обратный результат: служили средством для еще более интенсивной азербайджанизации области.

Спасибо партии и правительству за расширение жилплощади, открытие новых школ, проведение новых дорог, но в Карабахе и без того не нуждаются в новых квартирах, потому что, во-первых, нет естественного прироста населения и, самое главное, многие карабахцы, не вынеся национального и морального гнета, покинули свои дома и подались в другие края. Больше, чем просторные квартиры, карабахцам нужен простор для свободного дыхания, пристойное для человека существование. Они не хотят пусть даже обильную и сытую пищу принимать сквозь решетки

клетки. Им не нужны деньги, пусть даже 400 миллионов, из той руки, которая, выпустив когти, готова вонзиться в них, если Москва хоть на время отведет свой усмиряющий и бдительный взгляд. Они знают, что скоро, очень скоро, задействовав пункт Решения Верховного Совета СССР, призывающий к ответственности нарушителей порядка, реализуя угрозы газеты «Бакинский рабочий» о строжайшем наказании виновников «карабахских беспорядков», сидящие в Баку главные и не главные прокуроры и иже с ними, прикрывшись лозунгами о братской дружбе, с рвением, упиваясь, начнут расправу с членами комитета «Крунк», со всем армянством Карабаха, этими непокорными спартак-ковцами, которые дерзнули восстать против современных «крассов»: алиевых и багировых... И на фоне позорного замалчивания сумгаитских событий, громогласно воспетая рифмованными и нерифмованными панегириками, превращенная в легенду Хураман Аббасова, которая, следуя своему родовому обычаю, бросила головной платок, чтобы остановить погромщиков-агдамцев, набросившихся на армян, вряд ли сумеет во время этой расправы образумить государственных мужей, алчущих мести...

Вот почему бьются о решетку клетки карабахцы, почему так настойчиво стремятся воссоединиться со своим родным народом. И нужно быть не только душевно, но и политически глухими, чтобы простертые к матери руки ребенка и материнское стремление к своему ребенку обозвать «территориальными притязаниями» или, как выразились 250 ученых Азербайджана в телеграмме, отправленной академику Виктору Амбарцумяну, желанием «оторвать лакомый кусок от пирога Азербайджана».

Ради Бога, нам не нужен этот «лакомый кусок». Мы привыкли жить на менее чем 30-и тысячах квадратных километров каменистой земли, однако жить честно и благородно, и, воссоединив 4,5 тысячи квадратных карабахских километров, мы все равно Китаем не станем.

Мы так устали, и сейчас все вокруг нам кажется таким бессмысленным, к тому же считаем ниже своего достоинства ввязываться в спор для доказательства подтвержденных мировой наукой исторических истин, что, поверьте, уважаемые адресаты, мы были бы бесконечно признательны всем

тем, кто не шантажом, репрессиями, нахрапом, а спокойно, научно обоснованными фактами докажет нам с достоверностью, что Карабах никогда не был исконно армянской землей; что создатель армянской письменности Месроп Маштоц еще в V веке в Карабахе, называвшемся Арцах, не открыл первых армянских школ; что шедевр армянской архитектуры XIII века храм Гандзасара и сотни других памятников и хачкаров Карабаха, вошедшие в самые разные мировые научные исследования, альбомы и энциклопедии, создали не армяне, а албанцы-азербайджанцы; что оставившие нам в наследство свои знаменитые труды на армянском историографы Киракос Гандзакечи, Мовсес Каланкатвази, Мхитар Гош и даже сотворивший акростих по буквам армянского алфавита Давтак Кертол — также албанцы-азербайджанцы и что-де ворвавшиеся с огнем и мечом в Карабах и уничтожившие албанские культурные ценности варвары-армяне сожгли оригиналы трудов вышеназванных историков, предварительно переведя их на армянский язык...

Я не хочу перечислять подобные абсурды, лишь повторю, что мы будем бесконечно признательны всем тем, кто докажут нам это, к нашей беде, вовек недоказуемое, и мы успокоившись и присмирив, будем жить себе без этих унижительных споров и душевных терзаний. И пусть вас не удивит, уважаемые друзья, если мы выскажем еще одно, на первый взгляд странное желание, которое возникло в нас только в эти дни: хоть бы Карабах оказался по ту сторону границы, в Турции, рядом с полоненными нашими краями: Васпураканом, Мушем, Битлисом, Эрзерумом и остальными. Ведь в этом случае не было бы так дорого нам стоящего нашего заблуждения, что посредством обращений и подписей, взывая к Конституции страны, возможно воссоединение Нагорного Карабаха с Советской Арменией... Не было бы этой взаимной холодности и отчуждения между нами и азербайджанцами-коллегам, с которыми мы были друзьями, пожимали друг другу руки в дни съездов и юбилеев, произносили слова о братстве и дружбе...

Ведь Назым Хикмет и я были давнишними друзьями, хотя и оставшиеся по ту сторону границы наши захваченные земли и осиротевшие памятники всегда пребывали во мне. При каждой встрече у нас уже вошло в привычку дружески

обниматься, как брат с сестрой, и каждый раз я на мгновение отстранялась и полусерьезно-полушутя повторяла: «Земли! Сначала верните наши земли, потом обнимемся». Всегда улыбчивый, яснолицый Хикмет отвечал: «Будет революция, вернем непременно»...

Откуда было знать большому гуманисту и коммунисту, что в коммунистической стране, воспетой им и нами, спустя 70 лет после победы желанной революции, должно произойти новое применение 15-го года — ценой лжи и насилия будут полонены не только чужие земли и памятники, но и человек, живой человек — и что его, Хикмета, соплеменники — писатели и деятели культуры — с достойной сожаления легкостью предадут забвению слова Энгельса: «Не может быть свободным тот народ, который угнетает другие народы»...

Дорогие товарищи!

Все мы знаем и без устали повторяем в наших книгах, стихах, со сцены, что самое дорогое для человека — свобода, человеческое достоинство, чувство самоуважения. Все мы возмущаемся и кричим о Сумгаите. Сумгаит — это физическое уничтожение человека, примитив, классическая форма существования и «национальный идеал» того племени, о котором строка из стихотворения «Греческий мальчик», написанного Виктором Гюго еще 150 лет тому назад: «Здесь турок прошел — повсюду смерть и руины» — стала крылатой во всем мире, и после слов «Здесь турок прошел» не требуется никаких объяснений.

Для нашего общества — общества, ищущего новые, более гуманные пути для человеческого бытия, не менее позорны изощренные, искусно замаскированные лозунгами о дружбе формы неволи, когда человек не хочет, а его принуждают жить под ненавистной властью жестоких наместников-инородцев, в вечной зависимости от их произвола. Это антигуманно, античеловечно. Это постыдное истязание прав не только нации, но и человека. Об этом все мы, будь то армяне, русские, украинцы или другие, должны кричать, протестовать во весь голос, если мы действительно приверженцы высоких идеалов. А если унижительное положение, в котором находятся люди Карабаха, предусма-

тривается конституцией — будь то сталинская или брежневская, — то следует изменить эту конституцию. Конституция для человека, не человек для конституции!

Именно поэтому, увидев, что все призывы и просьбы Карабаха и Армении о воссоединении автономной области с Армянской республикой остаются без последствий, мы обращаемся к вам, друзья, братья, служители искусства, науки и культуры, люди, в которых неусыпен голос совести великой России, — помогите Нагорному Карабаху, поднимите свой голос в защиту этих многострадальных трудовых людей, достойных всяческого уважения свободолюбцев. Если воссоединение Нагорно-Карабахской области с Арменией так невозможно, пусть введут ее в состав России, пусть особым статусом прикрепят ее к Верховному Совету СССР, пусть предоставят ей возможность называться автономной республикой и тем самым хотя бы частично создадут для нее право жить и трудиться самостоятельно.

А что касается нас, народа Армении, всего армянского народа, то мы привыкли легко верить и тяжело обманываться. У нас на этот счет есть вековой иммунитет, и мы медленно, с надрывом, с трудом и на этот раз возьмем себя в руки, соберемся с силами.

Поверим ли мы вновь в перестройку — это еще неизвестно. Это покажет дальнейшая жизнь. Известно лишь одно. Мы призываем наш тысячелетний неиссякаемый духовный потенциал и продолжаем жить.

Мы в своей истории имеем трагически светлую дату — 451 год. Это год битвы на Аварайрском поле, где в сражении с численно намного превосходящим персидским войском армяне потерпели тяжелое поражение. Пал полководец Вардан Мамиконян, пали все его воины. Но эта битва за родную землю и веру вошла в нашу летопись под названием, пусть это вас не удивляет, *Праздник Варданцев*. Вот уже на протяжении 1500 лет ежегодно, в пятницу второй недели февраля под куполами армянских церквей торжественными литургиями отмечается эта дата, как праздник духа и веры, как память о сложивших голову в Аварайрской битве бессмертном Вардане и его соратниках.

И вот это наше великое поражение помогало нам побеждать. Как бы ни ославляли и принижали нас большие и

малые, местные и неместные верховоды, тем не менее мы, преисполненные величия, семидневные порывы наших тревог и волнений, 700-тысячную демонстрацию ереванцев и пришедших пешком со всех концов Армении колонны, всенациональный отклик армян, живущих во всех частях света, этот незабываемый день 27 февраля 1988 года считаем одним из звездных часов нашей многовековой истории, считаем победой народного духа, победой единства этого духа. Эта победа поможет нам жить, надеяться, созидать!

Нам помогут люди с чистой совестью всего мира и Страны Советов, к какой бы нации они ни принадлежали, их понимание и сердечность, поможет дело и имя истинного русского интеллигента Валерия Брюсова, который в 1916 году, желая духовно поддержать переживший геноцид народ, собрал его поэтическое наследие, являющееся «свидетельством о благородстве», и, издав антологию «Поэзия Армении», завершил предисловие к ней и сегодня так актуально звучащими словами: «Сквозь черные тучи, столько раз заволакивавшие горизонт армянской истории, сквозь грозную и душную мглу, столько раз застилавшую жизнь армянского народа, победно пробивались и сияют поныне — огненные лучи его поэзии. Это сияние кажется нам лучшим обетом и для исторических судеб Армении в будущем»...

Да, тот народ, который умеет обращать поражение в победу, который устами своего гениального Нарекаци со всепрощением, достойным богов, умеет отпускать грехи всему человечеству, умеет, прорубив скалы Гегарда, в подземной тьме пробить дорогу к небу, к свету — этот народ будет жить.

Он сам отвоевал себе право на жизнь...

05. 04. 1988 г.

АЛЬТЕРНАТИВЫ

Вадим Белоцерковский

СТРОЙ САМОУПРАВЛЯЮЩИХСЯ КОЛЛЕКТИВОВ

До Горбачева советская пресса тщательно избегала что-либо говорить о трудовом самоуправлении, теперь же оно объявляется, как некая облагораживающая «присадка» и стимулирующее производительность средство. Но по-прежнему скрывается, что, во-первых, подлинное и эффективное самоуправление существует пока что только в капиталистических странах, а, главное, скрываются идеи, теория самоуправления как основы нового строя, синтезного по отношению к капитализму и государственному социализму, — строя, призванного открыть эпоху экстровертированного, взрослого человечества, которое будет тратить большую часть своих сил не на какую-нибудь междоусобную борьбу, а на борьбу за развитие и выживание «гомо сапиенс», иначе говоря, строя, приходящего на смену представлениям о коммунизме.

В частности, строй самоуправления может иметь большие возможности для решения назревших сейчас грозных общечеловеческих экологических и гуманитарных проблем, включая проблемы развития «третьего мира».

Цель этой статьи — в сжатой форме описать такой строй, его основные элементы и механизмы и, одновременно, возможности. Описать, исходя из существующих теоретических работ и практики самоуправляющихся предприятий на Западе.*

Основные элементы строя

1. Прежде всего, это *само по себе самоуправление*, которое представляет собой не что иное, как демократию, вошедшую внутрь предприятий и учреждений. Рабочий совет — законодательная власть, дирекция — исполнительная.

*Подробнее все это излагается мною в книге «Самоуправление» (Мюнхен, 1985г.) Однако в данной работе изложен и ряд новых разработок.

Самоуправление по смыслу может быть только полным, без какого-либо (государственного или партийного) вмешательства извне. И существовать оно может (и уже на Западе существует) на предприятиях и учреждениях самого различного профиля — промышленных и сельскохозяйственных, научных и медицинских, в школах, страховых обществах, журналах и т. д.

2. Самоуправление неотделимо от *групповой, трудовой собственности на средства и продукты производства*. Т. е. коллективы предприятий и учреждений должны быть полными их собственниками. Причем совладельцами являются все работники предприятия (учреждения). Право на совладение дает труд на предприятии и участие в затратах на покупку, ремонт и модернизацию оборудования. Наемный труд применяется только в порядке исключения в течение коротких договорных сроков (например, наем экспертов для консультации или проведения какого-либо обследования).

При вступлении в коллектив нового работника (на постоянную работу) он должен делать взнос, равный приходящейся на него доле стоимости предприятия (единой суммой или в рассрочку и с учетом его дохода на вступительной позиции. Инженер должен платить больше рабочего). При уходе с предприятия, работник получает назад свои вклады на приобретение, ремонт и модернизацию средств производства (учитывается во всех случаях амортизация) и теряет право собственника — право получать соответствующую часть прибыли и участвовать в управлении. То есть групповая трудовая форма собственности, в отличие от капиталистической (и кооперативной) не является наследственной и не может быть предметом купли и продажи. Как видим, это новая форма собственности. В прошлом она могла лишь эпизодически возникать на периферии жизни. В обществе самоуправления она будет господствующей.

Особое положение среди средств производства должна занимать земля. Она не создается трудом людей и принадлежит всем, живущим на ней. Отсюда следует, что *возделываемая* земля должна находиться в *двойном владении* — государства, как представителя общества, и работающих на этой земле людей. Государство в качестве

«титulyного» владельца имеет право на взыскание ренты за землю (размер которой зависит от качества и расположения земли), на изъятие земли (по суду) в случае ее порчи «вторичным» владельцем и на принудительный выкуп (или обмен на другой надел) для каких-то общественных нужд.

«Вторичные» владельцы имеют все остальные права хозяев, включая право на продажу и прикупку земельных наделов. В случае выхода работника из «коллективного хозяйства», он должен получать свой надел земли или по желанию брать за него деньги (плюс получать стоимость его доли в наземных средствах производства) То есть право владения землей должно быть *наследственным*. (Сохранять за собой большой надел, не возделывая его, будет невыгодно, т. к. придется продолжать платить за него ренту).

Возникновение групповой трудовой собственности в промышленности и в сельском хозяйстве будет происходить, как мы дальше покажем, совершенно произвольно в результате влияния государственного расширенного воспроизводства самоуправляющихся предприятий. Но принцип групповой трудовой собственности существует уже и сегодня во многих самоуправляющихся предприятиях Запада и в кибуцах. Принят он был и в проекте самоуправления польской «Солидарности».

Строй самоуправления, не мыслимый иначе, как свободный от какого-либо насилия, предполагает и свободу создания кооперативных и частных предприятий с наемным трудом. Но при введении самоуправления принадлежащие государству предприятия, включая сельскохозяйственные (совхозы и колхозы), должны передаваться (продаваться) в собственность их коллективам, а не частным лицам.

3. Самоуправление неотделимо от рыночной экономики. Но «рыночная», как мы увидим дальше, не означает в данном случае — «капиталистическая». Эта экономика не будет совершенно стихийной, неуправляемой. Государство может и должно будет влиять на рынок с помощью целенаправленного и планового расширенного воспроизводства самоуправляющегося сектора, а также с помощью традиционных экономических рычагов: налоговой и кредитной политики, госзаказов (разумеется, не принудительных!), земельной ренты, субсидирования некоторых цен.

4. Важнейшим элементом строя самоуправляющихся коллективов является, на мой взгляд, *государственное расширенное воспроизводство* — создание государством новых самоуправляющихся предприятий. Оно обеспечивает сохранение самоуправления и трудовой собственности на средства производства, предотвращая капиталистическую трансформацию самоуправляющихся предприятий.

При самостоятельном экстенсивном расширении производства (создании новых рабочих мест) коллективам будет выгодно принимать новых работников на новые места не в качестве равноправных совладельцев, а как наемных служащих, на зарплату, в качестве пролетариев, забирая себе вырабатываемую ими прибыль (прибавочный продукт). В противном случае члены расширяющегося предприятия не только не увеличат своих доходов, но за счет своих средств и сил создадут себе конкурентов, кому-то «с улицы» подарят средства производства. Таким образом, самостоятельное расширение самоуправляющихся предприятий связано с их капиталистической трансформацией, оно приостанавливает развитие самоуправления. Самоуправляться (и богатеть!) будет в этом случае только первое поколение трудящихся, получившее средства производства от государства при установлении самоуправления. Все же последующие поколения вновь станут наемными работниками (опоздали родиться!). И капитализм в этом случае будет складываться допотопный, мелкий и анархический, плохо совместимый с современным уровнем развития производительных сил.

Единственное ненасильственное средство пресечения самостоятельного расширения самоуправляющихся, а также частных и кооперативных предприятий я вижу в том, чтобы созданием новых самоуправляющихся предприятий занималось государство (или финансировало это дело). Если государство будет создавать новые предприятия (с помощью самоуправляющихся строительных и проектных фирм) и продавать их (бесприбыльно!) новым трудовым коллективам, формируемым с помощью того же государства или самостоятельно, то свободные трудовые ресурсы будут стягиваться преимущественно на эти новые предприятия. Люди будут предпочитать идти работать «хозяевами» на создаваемые государством новые самоуправляющиеся пред-

приятия, нежели пролетариями в эксплуатацию к успевшим ранее родиться согражданам. Таким образом самостоятельное расширение уже действующих самоуправляющихся (и частных) предприятий сделается невозможным. Самоуправляющимся предприятиям, как и частным и кооперативным, останется в основном лишь один путь развития производства — интенсивный, т. е. за счет усовершенствования оборудования, технологии и организации труда. А целью производства станет улучшение собственного благосостояния и условий труда. Исчезнет возможность и необходимость накопления капитала (экстенсивное расширение с наймом пролетариев), не будет возникать конкуренции в накоплении капитала. Конкуренции, которую я называю *агрессивной* (или, точнее, агрессивной компонентой капиталистической конкуренции), так как она направлена к достижению господства на рынке за счет вытеснения, разорения или поглощения конкурентов. Именно агрессивная конкуренция является важнейшей причиной большинства негативных следствий капитализма: эксплуатации, кризисов, инфляции, разрушения окружающей среды, неравномерного развития мира, безработицы, принижения культуры и искусства.

В обществе самоуправления с исчезновением агрессивной конкуренции останется лишь вторая компонента капиталистической конкуренции — *рыночная*. Конкуренция на рынке за покупателя, за увеличение продажи товаров или услуг благодаря улучшению их качества, ассортимента и снижения цен. И такая конкуренция уже не будет капиталистической. В экономике возобладает, наконец, социалистический цикл: Товар-Деньги-Товар. Производители будут производить и продавать товары (услуги), чтобы на вырученные деньги приобретать для себя другие товары или услуги (в том числе и такие, с помощью которых можно улучшить условия труда). То есть деньги станут средством, а не целью, как в капиталистическом цикле: Деньги-Товар-Деньги, где товаром является и труд, и где человек (природа, ресурсы) являются средствами накопления.*

*Нет смысла, думается, доказывать советскому читателю, что при государственном, тоталитарном социализме также господствует капиталистический цикл: Д-Т-Д. Производство идет ради производства, ради его расширения, и человек и природа являются средством этого процесса.

Отметим далее, что государственное расширенное воспроизводство самоуправляющегося сектора является и фактором сохранения и расширения трудовой, групповой формы собственности на средства производства. Наследственная форма собственности не сможет существовать, трудовые коллективы не смогут выплачивать проценты с прибыли уходящим работникам, так как не будут иметь возможности заменить их наемными работниками. (Свободные трудовые ресурсы будут стягиваться на создаваемые государством новые предприятия с групповой трудовой собственностью) Заменять же уходящих новыми работниками-совладельцами, значит дробить прибыль до бесконечно малой величины.

По этой же причине (отсутствие желающих идти внаём, отсутствие рынка труда) частные и кооперативные предприятия вынуждены будут либо уходить со сцены, либо трансформироваться в предприятия с трудовой собственностью. Наследственная собственность на коллективные средства производства, вероятно, отойдет в прошлое так же, как отошла и наследственная собственность на людей — на крепостных или рабов.*

В развитом обществе самоуправления будут существовать, видимо, только три вида собственности на средства производства: групповая трудовая, индивидуальная (семейная) трудовая и государственная. В государственной собст-

Разница лишь в том, что при частном капитализме накопление капитала стимулируется конкуренцией, а при государственном социализме — необходимостью затыкать бреши потерь в экономике, возникающие из-за отсутствия всякой экономической конкуренции. И так как людей можно уговорить или заставить жить в условиях дефицита, а машины — нельзя, то в первую очередь приходится удовлетворять потребности машин, заводов, и для этого расширять беспрерывно промышленность средств производства за счет промышленности средств потребления, жилищного строительства и социальной сферы. А людей заставлять с этим мириться, что можно делать лишь при отсутствии демократии и правопорядка.

*Наследственная собственность на средства производства менее жестока, но тоже нелогична и несправедлива. Люди уходят с работы, купленные с их участием средства производства изнашиваются, другие люди, продолжающие работать, вырабатывают доход, за счет которого эти средства производства поддерживаются и обновляются, а ушедшие продолжают оставаться владельцами? Ни логики, повторим, ни справедливости тут нет.

венности должны будут оставаться те отрасли, где невозможна конкуренция по качеству продукции и важна централизация (например, энергетика, связь, железнодорожный транспорт, возможно, горная промышленность). Или отрасли, где неограниченная экономическая конкуренция вредна: образование, медицина, адвокатура, искусство. В этих отраслях, вероятно, полезна будет двойная оплата труда: государственный минимум и доплата клиентов (страховых касс) и потребителей по твердым тарифам. Чтобы была и некоторая экономическая заинтересованность и некоторая свобода от рынка. Государство должно, разумеется, финансировать и фундаментальную науку, предоставляя в тоже время ученым право на самоуправление.

Отметим, что среди сторонников самоуправления существует (или существовало, по крайней мере) мнение, согласно которому расширенным воспроизводством должны заниматься сами самоуправляющиеся предприятия, а не государство, так как оно не сможет, по их мнению, делать это эффективно. Чтобы сдержать гонку в накоплении капиталов, предлагается в этом случае законодательное нормирование при распределении прибыли предприятий на фонд потребления и накопления.

Авторы проекта самоуправления польской «Солидарности» стояли за государственное расширенное воспроизводство и соответственно отвергали введение акционерной системы — важного инструмента капиталистического расширенного воспроизводства и агрессивной конкуренции.

Выступая за государственное расширенное воспроизводство, я исхожу из того, что в условиях свободного рынка и высоко развитой (представительной) политической демократии государство сможет вести расширенное воспроизводство достаточно эффективно и безошибочно, так как будет получать для этого объективные исходные данные от свободного рынка. Повышение цен, например, на продукцию определенной отрасли производства будет сигнализировать о том, что в этой отрасли можно создавать новые предприятия. В то же время расширенное воспроизводство в руках государства будет служить средством направленного, планового развития народного хозяйства в интересах всего общества, в целях решения гуманитарных и экологических за-

дач, а также пресечения безработицы и регулирования цен.

Хочу заметить, что при всей важности формы собственности на средства производства для определения основы социально-экономического строя, более важной, на мой взгляд, тут является форма конкуренции. Для капитализма — это агрессивная конкуренция в накоплении капиталов. Для государственного социализма — административная конкуренция (между администраторами) в накоплении цифр для отчетов (главным образом, дутых!). А самоуправление характеризует конкуренция рыночная. До капитализма она существовала лишь на периферии хозяйственной жизни, при капитализме поглощается агрессивной компонентой.

Описанный выше механизм расширенного воспроизводства не является утопией, не существует только в умах теоретиков. Его моделью, «прообразом нового общества в недрах старого» являются, например, большие интернациональные капиталистические концерны. Их филиалы действуют самостоятельно, на «хозрасчете», и ведут между собой *рыночную* конкуренцию, не агрессивную: расширенным воспроизводством не занимаются. Его ведет центральное правление концерна, изымая для этого соответствующую часть прибылей у филиалов.

Еще ближе к нашей модели структура федерации самоуправляющихся предприятий в Басконии (Испания), носящей название «Мандрагона».*

Самоуправляющиеся предприятия существуют почти во всех западных странах, и, как правило, по всем показателям (прибыльность, производительность труда и т. д.) значительно опережают сравнимые с ними капиталистические

*Эта федерация фактически представляет собой миниатюрное общество самоуправления, в котором функции государства выполняет банк, средства которого составляют из взносов (налогов!) самоуправляющихся предприятий федерации. (Их около 100, занято на них более 20 тысяч человек). Наблюдательный совет банка (исполнительная власть!) состоит из представителей предприятий федерации. Банк дает ссуды — без процентов — на создание в регионе новых самоуправляющихся предприятий (расширенное воспроизводство!) для молодого поколения работников федерации и на модернизацию действующих предприятий, финансирует научно-исследовательские работы и производственно-технические училища федерации. (Подробнее о «Мандрагоне» я писал в «Форуме» № 15 и в «Самоуправлении»).

предприятия. Наибольшее распространение самоуправляющиеся предприятия получили в США, их там уже около 8 тысяч, занято на них около 8% работающего населения, и число их продолжает увеличиваться.

5. *Политическая структура.* Государственная власть в обществе самоуправления, выполняющая ко всему еще важную функцию организатора расширенного воспроизводства, должна находиться под особенно эффективным контролем общества, и поэтому строю самоуправления должна соответствовать демократия более высокого уровня, нежели существующая где-либо до сих пор.

История показывает, что первым требованием самоуправляющихся коллективов является требование прямого представительства в органах законодательной власти, превращения ее в Совет представителей самоуправляющихся коллективов (не только производственных, но и творческих и всех других). Разумеется, не все коллективы сразу смогут выдвигать своих представителей в парламент: мест не хватит. Выдвигать (избирать) депутатов смогут по очереди коллективы нескольких предприятий одной отрасли, и эти депутаты будут представлять интересы всей отрасли. Избираться депутаты будут на *один срок* (важнейший принцип представительной демократии!), а на следующий срок будут выдвигать депутатов другие предприятия отрасли. Для передачи «парламентского» опыта переизбирается в таких случаях каждый раз половина депутатов. Кроме того, опыт представительства люди будут приобретать уже на своих предприятиях, в учреждениях, регионах — в практике их самоуправления.

Самоуправляющиеся и самофинансирующиеся коллективы никогда не допустят, чтобы их представители в законодательных органах власти защищали какие-либо еще интересы, помимо интересов избравших их коллективов (и отрасли). Депутаты смогут состоять в каких-то партиях или общественных ассоциациях, но их интересы проводить в парламенте не будут. И в результате законодательная власть будет носить *беспартийный* характер.

За прямое представительство трудовых коллективов в законодательных органах власти и, следовательно, беспартийный характер этой власти выступало большинство

сторонников самоуправления в «Солидарности».*

Исполнительная же власть (правительство) в этой модели должна быть *партийной*, и избираться она будет на отдельных выборах по территориальному принципу. Поясним: исполнительная власть должна формироваться, во-первых, из профессиональных политиков и, во-вторых, из известных всем избирателям людей (голосовать только за известных людей — также важнейший принцип демократии самоуправления). И оба эти принципа могут быть реализованы при выборах возглавителей исполнительной власти из лидеров различных партий. Они известны всем гражданам страны и обладают политическим опытом.

В случае эволюционного развития от однопартийной системы в качестве кандидатов на роль руководителей исполнительной власти могут выступать лидеры *фракций* единственной партии. Таким образом, «*многофракционность*» (свобода фракционной деятельности) является минимально необходимым условием для становления самоуправления. Между прочим, свобода фракций неотделима от гласности в работе партийного руководства, ибо фракции, существующие в партии без гласности носят характер мафий. Введение гласности делает видимыми все группировки в партийном руководстве. А открытая политическая конкуренция также необходима для демократии, как и рыночная для экономики. Политические конкуренты (партии, фракции) мешают друг другу нарушать законы,

*Между прочим, беспартийный парламент (Совет представителей) будет, кроме всего прочего, и более работоспособным по сравнению с классическим многопартийным парламентом. Не будет в нем борьбы партийных фракций за министерские портфели, борьбы часто весьма беспринципной, с резким изменением позиций. За депутатами-представителями трудовых коллективов будут стоять стабильные интересы их предприятий и отраслей труда и прямой контроль избирателей.

Работа сможет идти и достаточно оперативно. Решение конкретных вопросов будет подготавливаться в соответствующих депутатских комиссиях (с участием экспертов), которые будут выносить возможные варианты решений на обсуждение всего парламента.

Рабочие органы исполнительной власти — министерства, число которых при самоуправлении будет сведено к минимуму, должны будут, конечно, формироваться из профессионалов, но в их работе будет, наверняка, применяться отдельные элементы внутренней «самоуправленческой демократии».

злоупотреблять властью, и, заинтересованные в поддержке избирателей, они вынуждены считаться с их интересами. И хотя исполнительная власть по идее должна находиться под контролем законодательной, одного этого контроля недостаточно. Поэтому я не разделяю мнения некоторых сторонников самоуправления, выступающих за полностью беспартийную систему, при которой, кроме всего прочего, трудно будет формировать исполнительную власть из профессиональных и известных политиков.

Решение гуманитарных и экологических проблем

Чрезвычайно важным качеством описанной модели строя самоуправляющихся трудовых коллективов представляется наличие богатого правительства и богатых и автономных региональных властей.

При капитализме правительство бедно потому, что большая часть хозяйства страны ему не принадлежит, а следовательно, не принадлежит и большая часть капитала. Он находится в частных руках, и использовать его для общенациональных гуманитарных или экологических целей очень трудно.

При государственном социализме правительство бедно по той причине, что ему принадлежит все хозяйство страны! Нет конкуренции экономической, есть колоссальные перманентные потери, и львиная доля бюджета уходит на их компенсацию, на неизбежное форсированное развитие группы «А» и т. д.

При самоуправлении же государство будет владеть совокупным капиталом для расширенного воспроизводства. Первоначально оно получит его за счет продажи госпредприятий трудовым коллективам и затем будет пополнять за счет продажи вновь создаваемых предприятий, а также за счет обычных поступлений, включающих доходы от госсектора промышленности. С помощью этих весьма значительных средств государство сможет решать экологические и гуманитарные проблемы — как с помощью целенаправленного, планового расширенного воспроизводства, так и прямым вложением капиталов в соответствующие проекты. (Не забудем, что решению этих задач будет способствовать и отсутствие агрессивной конкуренции.)

Конечно, если упомянутые проекты будут дорогостоящими, то государству придется увеличивать (с согласия парламента) и налоги, но это не будет ввергать экономику в депрессию, как то происходит в капиталистическом обществе. Там хозяева предприятий ведут *расширенное* воспроизводство, и увеличение налогов замедляет его, вызывая известные негативные последствия: рост безработицы, разорение маленьких фирм и т. д.

В обществе самоуправления при увеличении налогов люди будут несколько меньше зарабатывать, замедлится *интенсивное* развитие производства, но все это с лихвой будет окупаться улучшением окружающей среды, здоровья людей, исчезновением трущоб и других социальных язв современного мира.

Большие возможности государства самоуправления в решении экологических и гуманитарных проблем представляются одним из решающих преимуществ самоуправления в наше время. Ведь проблемы эти угрожают существованию всего человечества.

Проблема безработицы

С исчезновением агрессивной конкуренции исчезнет и одна из главных причин, порождающих безработицу. Развитие экономики пойдет более равномерно, будут редкими случаи разорения предприятий, и капиталы перестанут утекать из страны в поисках дешевого труда.

Но останутся проблемы, связанные с развитием техники и технологии. Однако, во-первых, самоуправляющиеся предприятия, не находясь в тисках агрессивной конкуренции, реже будут прибегать к сокращению своих работников в связи с усовершенствованием оборудования и сокращением рабочих мест. Чаще будет применяться либо освоение новых производств, либо сокращение рабочего дня всех работников, либо то и другое вместе.

И все же, несмотря на все смягчающие факторы, проблема занятости время от времени будет, видимо, вставать перед обществом и властями. Но при самоуправлении с государственным расширенным воспроизводством у государственных властей будет эффективный механизм борьбы с безработицей — налоговая политика. В случае

появления заметной безработицы правительство (с согласия парламента), поднимая налоги, сможет быстро сводить безработицу к минимуму. С одной стороны, за счет увеличения налогов государство сможет наращивать темпы создания новых рабочих мест. С другой — будет замедлять темпы развития техники на самоуправляющихся и всех иных предприятиях (кроме государственного сектора): у них будет оставаться меньше средств на модернизацию производства. Повышение налогов будет оказывать, таким образом, двойное воздействие на безработицу в сторону ее уменьшения. И на рычаг не нужно будет нажимать сильно!

С ликвидацией безработицы и появлением дефицита рабочих рук налоги соответственно будут уменьшаться. Государство будет несколько меньше строить, а самоуправляющиеся предприятия будут, соответственно, быстрее развивать производительность труда, высвобождая рабочие руки. Наконец, не забудем и того обстоятельства, что сокращаемые (разумеется, по определенным правилам — с учетом размера семьи, возраста, стажа и т. д.) работники будут получать большое выходное пособие (вклад в приобретение, ремонт и усовершенствование средств производства) и будут поэтому иметь больше возможностей для поиска новой хорошей работы, переквалификации или открытия своего дела.

Отметим в заключение, что в условиях самоуправления на основе групповой трудовой собственности на средства и продукты производства снимается (или очень ослабляется) отчуждение человека от своего труда. Снимается и извечное противоречие между собственническими и альтруистическими устремлениями, между принципами нравственности и борьбой за преуспевание, между стремлением к самоутверждению и единению. Самоуправление и трудовая собственность дают человеку возможность влиять на ход своей и общей жизни, творить добро. Иными словами, самоуправление и трудовая собственность дают людям и обществу возможность начать движение к своим идеалам, к условиям существования, соответствующим природе человека.

К 20-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОГО ВТОРЖЕНИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИЮ

В ночь с 20 на 21 августа 1968 г. советские войска и войска еще четырех стран так называемого «социалистического содружества» вторглись в Чехословакию и этим вторжением положили конец чешскому эксперименту построения «социализма с человеческим лицом».

Сегодня, двадцать лет спустя, очевидны параллели между событиями весны-лета 1968 года в Чехословакии и тем, что происходит сейчас в самом Советском Союзе.

В канун двадцатилетия вторжения в Чехословакию журналист «Радио Свобода» Ефим Фиштейн сделал серию интервью с видными деятелями «Пражской весны» и теми бывшими или настоящими советскими гражданами, которые протестовали против вторжения войск Варшавского договора.

Ота Шик

Я ИСКАЛ ТРЕТИЙ ПУТЬ

Беседа Е. Фиштейна с заместителем Председателя правительства Чехословакии во времена «Пражской весны», ныне профессором экономики в университете г. Санкт-Гален (Швейцария), Ота Шиком.

Фиштейн: Чем для Вас, г-н профессор, был 1968 год: реваншем за 1948 год или его продолжением и развитием?

Шик: Вопрос непростой. Должен подчеркнуть, что я был большим энтузиастом на первом этапе поисков специфического чехословацкого пути к социализму. Но я терял свой энтузиазм по мере того, как проявлялся нажим Сталина, добивавшегося скорейшего перехода Чехословакии к диктатуре пролетариата и к захвату коммунистической партией абсолютной власти в государстве. Я тогда был молод и, конечно же, был не в силах разобраться в сложной ситуации. Во всяком случае, для меня процесс реформ в 68 году в каком-то смысле был развитием опыта двух послевоенных лет,

когда в демократических условиях, в условиях существования и деятельности нескольких политических партий, проявились возможности демократического планирования в органическом сочетании с существовавшими тогда рыночными отношениями. Для меня лично, таким образом, 1968 год был в значительной мере развитием опыта первых двух послевоенных лет. Но это не значит, что существует лишь одна альтернатива, один выбор — между капиталистическим и социалистическим путем развития. Такая дилемма стоит только перед догматиками, которые не знают ничего другого, кроме двух систем, существующих как бы в неизменном виде. В действительности я искал путь, который отличался бы и от сталинского коммунизма, и от капиталистической системы.

Фиштейн: Но почему события произошли именно в Чехословакии и именно в 1968 году?

Шик: Потому что Чехословакия стала испытывать затруднения со старым, сталинским методом планирования гораздо раньше, чем Советский Союз. Чехословакия небогата полезными ископаемыми, зависит только от качества труда своих рабочих и техников, и только высокое качество нашей продукции обеспечивало нам возможности экспорта, необходимого для получения валюты на ввоз товаров. До пределов экстенсивного развития производства Чехословакия дошла гораздо раньше, чем Советский Союз. Мы чувствовали необходимость найти путь, который позволил бы предприятиям перейти к качественным показателям производства, обеспечил бы технический прогресс, большую рентабельность, модернизацию промышленности. Старый способ планирования добиться этого не позволял.

Фиштейн: Сейчас аналогичное развитие проделывает Советский Союз. В чем Вам видятся аналогии, а в чем различия между перестройкой и Пражской весной?

Шик: Аналогия уже в том, что теперь и Советский Союз осознал, что старый путь не дает ему возможности для эффективного развития, что ресурсы экстенсивного роста исчерпаны и что поставленные цели недостижимы без перехода на путь интенсивного развития — на основе технического прогресса, на основе использования самой

современной техники и самой рациональной производственной технологии. Иначе говоря, Советский Союз без перехода на интенсивный путь развития не сможет не только повышать благосостояние своих граждан, но и поддерживать на должном уровне свою обороноспособность. Старый способ хозяйствования не дает уже нужных средств для производства оружия и для обеспечения других оборонных потребностей страны. Невозможно бесконечно решать эти вопросы путем снижения жизненного уровня населения. Значит, и перед ними встала проблема поиска нового пути развития.

Фиштейн: В Советском Союзе перестройка проводится по инициативе сверху? А как было в Чехословакии?

Шик: В этом мне видится принципиальное отличие от ситуации в ЧССР. В Чехословакии первыми реформистские идеалы стали высказывать представители интеллектуальных кругов, которые затем стали наращивать свое давление на руководство страны. Уже в конце 50-х — начале 60-х годов наши экономисты стали анализировать сложившуюся ситуацию и выдвигать смелые предложения. В 1962 году в нашей стране разразился первый серьезный кризис, когда национальный доход резко упал, были снижены реальные зарплаты рабочих, начались забастовки. Тогда экономисты, уже разработавшие в общих чертах модель нового экономического механизма, получили возможность перевести свои требования на язык политики. А Новотный тогда был в полном отчаянии и страхе за свою судьбу, он опасался смещения и лихорадочно искал выхода из положения. Ради своего спасения он был готов принять наши предложения о проведении экономической реформы. Нам удалось убедить его в том, что реформа даст стране новый импульс экономического развития. Но надо сказать, что Новотный поддерживал идею реформы только до тех пор, пока в Советском Союзе у власти оставался Никита Хрущев. Как только осенью 1964 года Хрущев был отстранен от власти и его место занял Брежнев, Новотный сам испугался своей реформистской храбрости и стал делать все для того, чтобы затормозить или вообще свернуть реформу. Поэтому и началась политическая борьба против Новотного, которую мы довели до победного конца при полной поддержке

населения Чехословакии. И все препятствия на пути реформы были бы в конечном счете устранены, если бы не военное вмешательство извне.

Фиштейн: После падения Антонина Новотного к власти пришло реформистское крыло в ЦК КПЧ. Но ведь в руководстве оставались и консерваторы. Каким было соотношение сил в ЦК КПЧ?

Шик: Нас, реформистов, была совсем небольшая группа. Из ста членов ЦК КПЧ к собственно реформистам я бы отнес человек пять-шесть, добивавшихся коренных перемен в экономической и политической системе ЧССР. Но этих пять-шесть человек были в политическом отношении исключительно влиятельными, потому что они чувствовали за своей спиной поддержку не только со стороны интеллигенции, но и со стороны самых широких слоев населения. Предприятия оказывали нам огромную поддержку, требовали от руководства реформ. Поэтому нам удавалось многое пробить через ЦК КПЧ. Но в то же время наших сил было недостаточно для того, чтобы поставить во главе партии своего представителя, поэтому оказался неизбежным компромисс. Дубчек и был таким компромиссом между старой гвардией сторонников Новотного, которых было подавляющее большинство в ЦК, и реформистами. Каждая из этих сторон надеялась, что ей удастся перетянуть Дубчека на свою сторону.

Фиштейн: Тем не менее в апреле 1968 вам удалось провести через ЦК новую Программу действий КПЧ. Как Вы сегодня, через 20 лет, смотрите на этот документ?

Шик: Считаю, что в своих основных принципах Программа действий КПЧ выдержала испытание временем, имела правильную ориентацию. Разумеется, те или иные пассажи сегодня можно было бы сформулировать по-иному, но в принципе это была хорошая программа, заложившая основу для подлинного оздоровления чехословацкого общества.

Фиштейн: А как Вы сегодня смотрите на свою экономическую программу 1968 года?

Шик: Опять же — по существу, она была верна. Конечно, в ходе своей последующей теоретической работы, путем

углубленного анализа западной экономической модели, югославского пути и т. д., я пришел к некоторым иным частным выводам, к иным возможным формам планирования, чем те, которые я пропагандировал тогда, но повторяю: основа программы, три кита, на которых она держалась, остаются в силе. Эти три кита: рыночный механизм (еще более совершенный, чем при капитализме, благодаря наличию мощных антимонополистических рычагов), самоуправление на предприятиях, участие трудящихся в управлении производством, и, в-третьих, нечто вроде макроэкономического планирования, глобально направляющее экономическое развитие. Вот это лежало в основе моих предложений. На этом я стою и поныне.

Фиштейн: В августе, однако, в страну вторглись чужие армии. Как Вам думается: сохранялась ли после интервенции какая-то возможность продолжать политику реформ или же она была обречена?

Шик: Думаю, что сверхзадачей интервенции как раз и было — предотвратить любые серьезные изменения системы. Интервенция должна была положить конец любым попыткам демократизации и плюрализации в политической сфере, восстановить отмененную цензуру и осуществлять контроль над общественным мнением, восстановить всевластие партии и ликвидировать введенное нами самоуправление на предприятиях. По существу, целью интервенции было восстановление политических позиций старой гвардии Новотного, консервативных и реакционных политиков и отстранение от любой политической деятельности политиков-реформистов. Негласно военное вторжение сопровождалось и требованием изгнания из политической жизни вполне конкретных лиц. Как мне стало известно, в этом списке неугодных я фигурировал на первом месте.

Фиштейн: Михаил Горбачев сейчас нередко повторяет, что отношение Чехословакии к перестройке в СССР, ее готовность или неготовность вступить на путь реформ — это сугубо внутреннее дело чехословацких товарищей. Разделяете ли Вы эту точку зрения?

Шик: Такая позиция меня возмущает. Умозрительно я способен понять, что в обстановке внутривнутриполитической

борьбы, которую ведет Горбачев в Кремле, он не имеет возможности однозначно осудить тогдашнюю военную интервенцию. Но он вполне мог избежать таких нелепых формулировок, вроде того, что это, мол, внутреннее дело чехословацких товарищей. Ведь фактически вся основная масса «товарищей», которая хотела и могла что-то изменить, была политически ликвидирована. Горбачев мог обойтись без слов благодарности Густаву Гусаку за «нормализацию», прекрасно понимая, что «нормализация» не означает ничего другого, как ликвидацию всех реформистских идей и восстановление сталинистской системы. Думаю, что он пошел здесь по самому легкому пути. Повторяю, я понимаю всю сложность его положения, понимаю, что нельзя всего добиться сразу, что существуют определенные этапы развития, но уверен, что он мог бы с большей осторожностью формулировать свое отношение к реформистскому движению в Чехословакии. Ибо я убежден: неизбежно настанет день, когда ему придется подвергнуть критике военное вторжение в Чехословакию — если он, конечно, хочет сохранить всеобщее доверие к собственным целям и идеям.

Антонин Лим

КТО ЖЕ ПЕРВЫМ СКАЖЕТ ПРАВДУ?

На вопросы Е. Фиштейна отвечает один из активных деятелей «Пражской весны», писатель и публицист, ныне редактор журнала «Lettre Internationale» (Париж) Антонин Лим.

Фиштейн: Глава партийно-правительственного руководства Венгрии Карой Гросс недавно побывал с визитом в Соединенных Штатах. Там на пресс-конференции Гроссу были заданы вопросы о его отношении к Пражской весне, о перспективах реабилитации чехословацкого эксперимента. К. Гросс высказал мнение, что ввод войск стран Варшавского договора в ЧССР в августе 1968 года был продиктован необходимостью, так как Чехословакии угрожала в тот момент гражданская война. Следовательно, нет нужды пересматривать принятое тогда решение. Что Вы, г-н

профессор, можете сказать в ответ на такой аргумент?

Лим: Об этом высказывании Гросса я узнал из газет, и должен сказать, что давно не слышал ничего более возмутительного, чем это заявление. В последний раз я был так шокирован, когда прочитал весной этого года — уже не помню, то ли в «Тайм», то ли в «Ньюсуик» — интервью с первым секретарем ЦК КПЧ Милошем Якешем, который заявил, что вторжение было необходимостью, так как в Чехословакии в то время царил террор и нужно было положить конец разгулу террористов.

Итак, мы имеем две версии событий. Версия о разгуле террора настолько беспочвенна, что не заслуживает возражений. Я, конечно, понимаю, что имел в виду Якеш, говоря о терроре. Разумеется, существовала вероятность того, что множество чиновников из партийного, полицейского и государственного аппарата потеряют свои руководящие места. Но если такое самоочищение общества признать формой террора, то тогда становится ясно, что террор, разворачивающийся ныне в Советском Союзе, идет несравнимо глубже, чем это было в Чехословакии в 1968 году. Что же касается версии об угрозе гражданской войны, то она звучит по меньшей мере странно в устах Гросса, пользующегося репутацией разумно мыслящего человека. Менее всего угрожала Чехословакии именно гражданская война, и это всем известно. В августе 1968 года Чехословакия была страной на удивление спокойной, законность и порядок соблюдались тогда, как никогда раньше. Беспokoйство, которое чехи и словаки испытывали после переговоров в Чиерне над Тиссой и в Братиславе, уже спало, люди разъехались из столицы на отдых, ушли в отпуск или на каникулы. Ведь мы — те, кто тогда находился в центре событий, прекрасно помним это время. Еще 20 августа, в вечерние часы, ко мне в редакцию пришли репортеры американского телевидения с одним-единственным вопросом: «Не опасаемся ли мы советского вторжения?» Я отмахнулся от них со словами: «Ну, что за глупости. Ради Бога, не задерживайте меня такой ерундой, сегодня пятница, и я как всегда уезжаю за город». Я привел американцам семь причин, по которым советское вторжение немыслимо. Одна из причин была — редкостное спокойствие в стране. Своим

чередом шла подготовка к чрезвычайному съезду партии, опять же в обстановке полного политического штиля. Версия об угрозе гражданской войны высосана из пальца, так как те документы, которыми «нормализаторы» пользовались раньше для осуждения Пражской весны, сегодня уже непригодны для использования — они оказались в противоречии с событиями в Советском Союзе. Поэтому и родилась новая версия о гражданской войне. Слабость этой версии мне видится в следующем: к несчастью для сторонников этой версии, в том числе и для Гросса, со времени Пражской весны прошло всего лишь 20 лет. Это значит, что многие еще прекрасно помнят события тех месяцев. Если бы с той поры прошло лет этак пятьдесят, тогда другое дело, тогда можно было бы все переиначить по-своему, перекроить историю. Но мы-то все прекрасно помним, и поэтому версия о гражданской войне может вызвать у нас только горестную усмешку или недоумение — как вообще можно было нечто подобное выдумать?

Фиштейн: У меня лично террор вызывает вполне определенные ассоциации: волна арестов, массовые преследования, судебные фарсы или бессудная расправа с инакомыслящими, произвол. Было ли нечто подобное в Чехословакии 1968 года?

Лим: Послушайте, ведь всем известно, что Дубчек отличался гипертрофированным либерализмом. Он часто повторял: «Я не буду пользоваться теми же методами, какими пользовались режим Новотного или Готвальда в борьбе с инакомыслящими». Ведь по большому счету Дубчек даже почти никого не отстранил от работы, что, по-моему, было большой ошибкой. Он не только не ликвидировал политически своих противников, но даже не покусился на их функции. Конечно, можно предположить, что после партийного съезда, на котором должен был быть избран новый Центральный Комитет, часть аппарата потеряла бы свои посты — но ведь это совершенно естественный процесс! При Горбачеве уже вылетело со своих насиженных мест порядка трехсот тысяч человек. И это теперь называется террором! Для консерваторов была угрозой террора уже сама мысль о том, что они могут потерять свои хлебные должности, свою неподконтрольную власть, не говоря уже о необходимости

подчиняться закону. Вот что такое для них террор. А то, что сделал потом Милош Якеш, выбросив на улицу и лишив куска хлеба 500 тысяч членов партии, — это не террор? Но тогда, что же это?

Фиштейн: Гражданская война, как известно, требует наличия по крайней мере двух противоборствующих сторон. Была ли в Чехословакии в 1968 году такая вторая сила, противостоящая реформам?

Лим: В том то и дело, что не было! Если бы в Чехословакии, к примеру, была возможность разыграть вариант, примененный в 1981 году в Польше, где Ярузельский ввел военное положение, иначе говоря, если бы можно было использовать чехословацкую армию для подавления чехословацкого народа, то не понадобилось бы советского вторжения. Но чехословацкая армия никогда не пошла бы на такое. Подавляющее большинство военных, в том числе офицерства, поддерживало идеи Пражской весны, поддерживало партийное и государственное руководство. Разумеется, можно было воспользоваться услугами полиции, но силы полиции ограничены. Возьмите, к примеру, народную милицию. Это заводское ополчение, которое в ЧССР всегда было опорой режима со времен сталинизма. В 1968 году эти формирования практически распались, в них остались считанные единицы. Так называемое «здоровое ядро», которое якобы пригласило советские войска в ЧССР (а мы знаем, что на самом деле никакого приглашения никогда не было) фактически никого не представляло. Мы помним, как развивались события. Когда во главе партии в январе 1968 года стали реформаторы, их была жалкая кучка на фоне консервативной массы партийного аппарата. Но уже через восемь месяцев в стране не осталось никакой реальной оппозиции — за реформаторами шло подавляющее большинство населения. Иначе выглядят дела в горбачевской России: там за Горбачевым стоит интеллигенция и тонкий слой сторонников, но большая часть населения пребывает по-прежнему в состоянии полной апатии. В Чехословакии достаточно было восьми месяцев, чтобы *вся страна* поддержала программу реформ. В таких условиях говорить об угрозе гражданской войны — полная бессмыслица.

Помните, как в Советском Союзе раструбили, будто в Чехословакии обнаружили тайники с оружием? Впоследствии некоторые сотрудники органов безопасности ЧССР и ГДР бежали на Запад, где подробно рассказали, как вся акция была спланирована и осуществлена, как оружие было доставлено и укрыто так, чтобы его можно было потом «обнаружить». Это была чистая провокация. К несчастью для авторов этой смехотворной теории прошло всего лишь 20 лет, и очевидцы событий еще живы. И если 21 августа в Праге правители будут разглагольствовать об ужасах гражданской войны 1968 года — ну, что ж, мир, Европа, люди дома посмеются над этим. Но мне трудно представить себе, с каким лицом Гросс будет толковать о гражданской войне у себя дома, в Венгрии, где все знают, как было на самом деле. Или — как сможет проталкивать эту версию Горбачев в Москве, где все, кто реально поддерживает его (о противниках я сейчас не говорю), прекрасно знают, как выглядело положение в действительности.

Фиштейн: Тогда зачем же вообще понадобилась эта теория об угрозе гражданской войны в Чехословакии в 1968 году?

Лим: На мой взгляд, они лихорадочно ищут теперь аргументы, оправдывающие интервенцию. Горбачев, видимо, решил, что сейчас еще рано говорить людям правду.

Фиштейн: Но разве он сможет сказать им правду через пять лет, если сейчас после трехлетнего правления, он предпочитает связать ложь со своим именем?

Лим: Это уже его, а не мое дело. Видите ли, Горбачев, вероятно, считает, что правда о чехословацких событиях привела бы к существенным переменам в Чехословакии. А какие-либо беспорядки в Чехословакии ослабили бы его позиции в Москве. Эту его озабоченность можно понять. Но как демократизировать империю без того, чтобы на окраинах империи не возникли проблемы? Я однако уверен в том, что в Чехословакии полная правда не произвела бы никакого разрушительного действия. Чехословакия и сегодня — достаточно дисциплинированная страна, не привыкшая к эксцессам. Но в Москве вряд ли понимают это. Кроме того, думаю, что телефонные линии между Прагой и Кремлем

раскалены добела от постоянных звонков. Нынешние чехословацкие руководители, наверняка, обращаются к Горбачеву с мольбой: «Ради всего святого, не выбивайте из-под нас кресла». Когда Горбачев взялся ликвидировать стагнацию и брежневизм, ему первым делом пришлось поменять почти все партийное руководство, а заодно и двести-триста тысяч более мелких функционеров. И можно предположить, что он будет продолжать начатое. В этом деле он использовал аппарат КГБ и другие рычаги — все мы знаем, как это в СССР выглядит. Но в Чехословакии ничего подобного не произошло, там те же люди, которые в свое время ликвидировали «Пражскую весну», сегодня выдают себя за поборников перестройки. Это очень опасная игра, так как эти хамелеоны только дискредитируют все начинания. В Чехословакии никто не принимает их всерьез, над ними открыто смеются. Когда в Москве проходила XIX всесоюзная партконференция, я спросил у знакомых земляков, как комментируют ее чехословацкие средства массовой информации. Мне сказали в ответ, что в эти дни вся страна сидела перед телевизором и надрывала животики от смеха. Поймите меня правильно, чехи и словаки не хотят, чтобы Горбачев вмешивался в их внутренние дела, как это сделал Брежнев, — они сами наведут порядок в собственном доме, но они ждут от него (и по-моему, они вправе требовать этого), что он у себя дома, в Москве, скажет наконец правду, признает, что экономическая реформа, проходящая ныне в СССР, черпает свое вдохновение не в венгерском образце, а в чехословацкой реформе 1968 года. Именно в Чехословакии впервые было постулировано, что экономическая реформа неотделима от политической. Чехи ждут от Горбачева правды о советской интервенции, которая была лишь одним из проявлений брежневизма. Москва должна взять на себя издание книг, которые запрещены в Чехословакии. Короче, Москва должна вести себя столь же независимо от нынешнего чехословацкого руководства, как оно ведет себя независимо от Москвы...

Это нужно снова и снова подчеркивать и повторять. И когда меня спрашивают, что я думаю о «Пражской весне», как понимаю эти события, я обычно отвечаю: за последние 20

лет мы сказали об этом все, что знали и все, что могли. Нам больше нечего добавить — спрашивайте теперь в Москве. Мяч теперь на московской половине поля, ответ на этот раз за ними, и их следует бомбардировать вопросами о Чехословакии.

Но есть еще один аспект проблемы. Что меня лично поражает, так это молчание просвещенной публики в Москве. Тех, кто не только поддерживает Горбачева, но и качественно, от души и по совести, восстанавливает правду о советском прошлом, решает большие вопросы своего общества. Как понять, что ни один из них — а ведь большинство из них прекрасно знает, как выглядела ситуация в 68-м — ни один из них не нашел в себе смелости в голос высказать то, что я сейчас вам говорю. Это удивляет и вызывает чувство горечи. Писатели, журналисты, культурологи, ученые, политологи... Когда вы встречаете их на Западе, они обнимают вас и клянутся, что, конечно же, правда будет того и гляди восстановлена. Но ни один из них у себя дома в Москве не сказал ни одного слова. Вот почему мне иногда кажется, что гражданская смелость моих московских друзей заходит всегда так далеко, как это разрешено властями. Если же по звонку наверху они узнают, что что-то не дозволено, они обходят запретную тему молчанием. Это наглядно проявляется в отношении к чехословацкому вопросу. И я с нетерпением жду, кто же первым скажет правду.

Лариса Богораз

Я ХОТЕЛА САМА РАСПОРЯЖАТЬСЯ СВОИМ ИМЕНЕМ

25 августа 1968 г. на Красную площадь в Москве вышли семь человек — Лариса Богораз, Павел Литвинов, Наталья Горбаневская, Константин Бабицкий, Виктор Файнберг, Владимир Дремлюга и Вадим Делоне, — протестуя против советского вторжения в Чехословакию. Все участники демонстрации были арестованы и приговорены к различным срокам заключения.

Ефим Фиштейн связался по телефону с Москвой и попросил Ларису Богораз ответить на несколько вопросов:

Фиштейн: Лариса Иосифовна, чем были для Вас события в Чехословакии и все то, что предвосхищало ночь с 20-го на 21-е августа? Что побудило Вас тогда выйти на Красную площадь, рискуя своей свободой, своим благополучием?

Богораз: Я думаю, что события Пражской весны были, с самого начала, очень сильным эмоциональным переживанием, наверное, подобным тому, что испытывает узник лагеря, когда его товарищ выходит на свободу досрочно. Это не воспринималось мною, как надежда для меня, для нас. Я не думала, что в Советском Союзе возможно то же самое, что у нас повторится подобное. Но все-таки это была надежда на то, что такое возможно в союзе восточных стран. Очень важным было и тогда и сейчас то соображение, что это освобождение пришло в социалистический лагерь без революции, без бунта, не так, скажем, как венгерские события. И что в Пражской весне участвовало (так нам во всяком случае тогда казалось — я думаю, что это так и есть) все общество Чехословакии, все слои общества — и интеллигенция, и государственное и партийное руководство, и рабочие, и крестьяне, и старшее поколение, и, в особенности, молодежь. Вот то, что это было общее движение, что была там консолидация сил, — это тоже очень важно. Вы спросили, какие были у меня мотивы. О мотивах я сказала на суде и могу повторить сейчас то же самое, ну, может быть, другими словами. Побудительных импульсов было два. Во-первых, чувство стыда за себя и свою страну, а во-вторых, чувство ответственности. Чувство стыда остается до сих пор и сохранится, думаю, вплоть до тех пор, пока наши войска не уйдут из Чехословакии. Но я надеюсь все-таки, что они будут выведены. Это, будет иметь, в первую очередь, символическое значение (как и наша демонстрация), но и практическое, думаю, тоже.

Фиштейн: Как Вы думаете, есть ли какие-то уроки Пражской весны, которые были бы необходимы для сегодняшней перестройки в Советском Союзе?

Богораз: Вы знаете, я думаю, что нам стоило бы усвоить больше, чем было усвоено. Но дело в том, что это уже история, и поэтому извлечь уроки из нее будет, наверное, трудно новому поколению. Только как образец консолидации общества.

Фиштейн: А как Вы сами оцениваете свой поступок сейчас, спустя 20 лет?

Богораз: Что для меня сегодня этот поступок? Для меня самой это очень светлое воспоминание — и сама демонстрация, и суд, и даже тюрьма и ссылка. Но можно говорить и о том, что я думаю об общем значении этой демонстрации? Вы знаете, я думаю, что она имела небольшое общественное значение в нашей стране. Потому что люди, которые сочувствовали нам, воспринимали это, скорее всего, только как героическое событие. А наверное, эта демонстрация, если бы попытаться найти ее более глубокий смысл, имела значение не только как выражение сочувствия или солидарности, или ответственности, или стыда, но еще и как действие сугубо индивидуальное. Для меня это ощущение ответственности значило только, что я хочу сама распоряжаться своим именем, я не хочу, чтобы им распоряжался кто-то. Понимаете? И хотя я знаю, что подобное отношение к Пражской весне, к оккупации разделяли очень многие люди, но воспринимала я свой поступок, как сугубо индивидуальный. Так же, думаю, воспринимали это и мои друзья, которые вышли на площадь.

Фиштейн: Лариса Иосифовна, чем, по-Вашему, объясняется то обстоятельство, что, несмотря на довольно-таки широкую гласность в Советском Союзе, эта тема все же остается слишком «горячей» для советских газет?

Богораз: Когда Горбачев поехал в Чехословакию, многие ожидали, что он там займет более определенную позицию в отношении Пражской весны. Он мог говорить не о введении войск в Чехословакию, но хотя бы об отношении к самой весне. Но я думаю, что Горбачев встретил большое противодействие этому перед поездкой. Так говорят у нас. Я думаю, что у него было такое намерение (многие говорят, что было у него намерение выразить положительное отношение к Пражской весне, но что оно не встретило одобрения). Ну, а почему сегодня, спустя уже какое-то время, все остается по-прежнему, я не знаю. Мне трудно сказать, почему. Я надеюсь, что это будет пересмотрено.

Фиштейн: И последний вопрос в связи с этим. Каковы перспективы перестройки в свете чехословацких событий? Вы оптимист?

Богораз: Да, все-таки да. Я думаю, что этот процесс медленный — медленный по необходимости. Хотя во многих сферах он мог бы проходить активнее и более последовательно, и более полно, но в общем этот процесс должен быть медленным. И этот процесс, наверное, не во все моменты будет однозначным — будет и движение вперед, будут и остановки, может быть, даже будет некоторый регресс. Может быть. Хотя это очень нежелательно. Но все-таки я надеюсь, что движение вспять не повернет.

Павел Литвинов

ТО, ЧТО МЫ СДЕЛАЛИ, БЫЛО ВПОЛНЕ ЕСТЕСТВЕННО

Фиштейн: Павел Михайлович, расскажите, чем для Вас были весна и лето 1968 года — время Чехословацких событий?

Литвинов: Чехословацкая весна, чехословацкие события — все эти события в моей памяти свежи, как будто они только что случились. Это были, конечно, незабываемые дни. Мне тогда было 28 лет. Хорошо, конечно, быть моложе, но самое главное — это были дни, когда мы жили полной жизнью и была какая-то надежда на перемены. Мы, конечно, не были наивными людьми, но мы надеялись, что что-то может измениться в нашей стране и, соответственно, во всем мире.

Почему? Я даже не знаю почему именно тогда, но Чехословакия была, в общем-то, важным примером, потому что в Чехословакии вдруг начали происходить вещи, которые, как мы хотели, должны были бы произойти в нашей стране. Там появился намек на свободную дискуссию — правительство было готово слушать мнение других людей, появилась и какая-то надежда на экономические реформы. И мы надеялись, что вдруг что-нибудь подобное случится в Советском Союзе. Конечно, мы не были наивны, мы знали, что в Чехословакию еще только могут ввести советские войска, а в Советском Союзе эти войска уже стоят, — так что разница была большая. И все же была надежда.

И это было время начала того, что потом стало называться «Движением за права человека» или «диссидентс-

ким движением». Мы собирали информацию о том, что происходило в Советском Союзе в лагерях, как преследовали людей в разных городах, людей разных национальностей — крымских татар, евреев. Собирали всю эту информацию, писали письма протеста. Мы были почти первыми людьми, которые систематически стали встречаться с иностранными корреспондентами и давать им информацию о том, что происходило в Советском Союзе. Не потому только, что мы хотели, чтобы это было известно на Западе, а потому, что мы знали, что с помощью радио «Свобода», «Голоса Америки» и Би-Би-Си это все вернется в Союз, и люди в СССР узнают, что происходит в их стране. В общем это было время очень волнующее. Хотя лично я знал, что очень скоро это все кончится, — я уже тогда потерял свою работу. Я уже написал книгу, составил сборник документов о суде над Буковским, затем о суде над Хаустовым, Гинзбургом и другие подобные книжки. Меня выгнали с работы, выгнали из аспирантуры, и уже милиция приходила и угрожала мне арестом за тунеядство. Постоянно за мной ездила машина из КГБ — было ясно, что мои дни на свободе сочтены. Но в то же время было какое-то возбуждение, какое-то ощущение, что все равно что-то останется от того, что мы делаем, и, может быть, что-нибудь переменится.

Фиштейн: И все же, Павел Михайлович, наверное не безразлично, по какому поводу терять свободу, идти в заключение. Для вас поводом оказался Ваш выход на площадь 25 августа. Расскажите, что Вы думали тогда, идя на эту площадь и рискуя своим благополучием?

Литвинов: Ну, в этот момент я уже благополучием не рисковал. Благополучие для меня давно уже кончилось, и чехословацкий повод был так же близок, как и аресты моих друзей. За 4 дня до выхода на площадь, в тот самый день, когда советские войска оккупировали Чехословакию, мой близкий и сейчас уже покойный друг Анатолий Марченко был в очередной раз приговорен к нескольким годам лагеря, а для меня Толя Марченко (который, кстати, сам протестовал против угроз Чехословакии) — и Чехословакия были неразделимы. То есть наше чувство было вот таким: то, что происходило в Чехословакии, — это было наше, родное. У нас было ощущение, что наша большая страна подавляет

своего маленького соседа и в то же время подавляет нас — потому что это все было вместе. Поэтому выход на Красную площадь для меня и для всех моих друзей — Наташи Горбаневской, Ларисы Богораз, Вити Файнберга и других — это был, в общем, совершенно естественный шаг. Мы просто знали, что мы это должны сделать.

Конечно, было и сочувствие чехам и ощущение, что моя страна — Россия, Советский Союз, как хотите, так и называйте, — подавляет своего соседа. Это было ощущение стыда. Я не случайно принес с собой лозунг «За нашу и вашу свободу!» — это был лозунг, который Герцен в XIX веке поднял вместе с польскими эмигрантами: не может быть свободы для поляков без свободы для России, и не может быть (у меня было такое ощущение) свободы для чехов без свободы для России. То есть это все неразделимо. Мы знали: если чехи будут свободны, то русские и все другие народы Советского Союза тоже будут свободны. Это было очень сильное, очень острое чувство. Я как сейчас его помню.

Фиштейн: Павел Михайлович, Вы, конечно, знали, что Вас будет на площади всего семь человек и это очень мало. Воспринимали ли Вы сами свою акцию как символическую?

Литвинов: Да, конечно. У нас не было иллюзий, что пойдут толпы за нами. Надо сказать, что мы, когда готовились к этой демонстрации, знали, что можно было бы организовать, если постараться, демонстрацию в 20, 50 и даже больше человек. Но у меня не было ощущения, что я готов употребить свой авторитет, свое имя среди друзей и сказать: «Мы все должны идти». Поэтому мы почти никому не говорили об этой демонстрации, кроме людей, о которых знали, что они чувствуют точно так же, как и мы. Поэтому почти не было никакой организации. А в этом смысле количество не играло роли. Важно было показать (когда все советские газеты и все официальные подхалимы кричали, что мы, де, оказываем братскую поддержку Чехословакии), что есть все-таки голоса, которые хоть как-то будут услышаны и которые скажут: «Нет, мы не одобряем. Мы против этого!» И в этом случае количество было не существенным.

Фиштейн: Вы после 25 августа находились в заключении и, конечно же, не могли знать о том, что буквально на

следующий день после вашей демонстрации в газете чехословацких писателей «Литерарны листы» появилась заметка с такими словами: «Семь человек на Красной площади — это по крайней мере семь причин, по которым мы уже никогда не сможем ненавидеть русских». Как Вы сейчас думаете, был ли этот элемент, элемент взаимоотношений между двумя народами, ощутим Вами в тот день?

Литвинов: О, да. Да, мы очень четко чувствовали какую-то родственность с чехами и глубокую какую-то любовь и сострадание к ним. Хотя мы, разумеется, об этой заметке ничего не знали. У нас была надежда, что они узнают о том, что не все русские, не все граждане Советского Союза готовы посылать танки, чтобы подавить их свободу. Поэтому это было чрезвычайно для нас важно. И, между прочим, среди нас были люди, специалисты по славянским языкам — Лариса Богораз и Костя Бабицкий, и Наташа Горбаневская, которые умели читать по-чешски, и мы каждый день узнавали, что происходит в Чехословакии. У нас было четкое понимание того, что там происходит. И конечно, то, что они, как Вы сейчас напомнили, после нас не могли так сильно ненавидеть русских — это замечательно. Дай Бог, чтобы это было правдой.

Фиштейн: Павел Михайлович, поэт Александр Галич рассказывал о том, как буквально за день до вашей демонстрации он, в Вашем присутствии, пел песню о декабристах, об их выходе на площадь: «Сможешь ли выйти на площадь?»...Помните ли Вы этот эпизод?

Литвинов: Да, это незабываемый эпизод. К сожалению, Александра Аркадьевича больше с нами нет, но я хорошо помню: это было в доме у Льва Зиновьевича Копелева. Они только что вернулись — Копелев и Галич — из Дубно. В Дубне, собственно, Галич завершил новый цикл песен. В нем была и эта песня. Когда он спел ее нам, мы не сказали никому, что выйдем на демонстрацию, но многие от нас ожидали чего-то такого. Галич тогда на меня посмотрел, и мы — моя жена и я — просто чувствовали: хотелось бы им сказать, но... нельзя. Мы боялись, что, если мы скажем, то кто-то из этих людей — людей более старшего поколения, поколения Галича и Копелева, которым было тогда уже

около 60 лет — кто-то из них пойдет с нами, а мы не хотели на них оказывать морального давления. Поэтому мы им и не сказали, но когда Галич спел песню «Сможешь ли выйти на площадь», это было настолько близко, что я этого никогда не забуду.

Фиштейн: Павел Михайлович, сейчас, спустя 20 лет, в Советском Союзе проходит процесс, который очень напоминает процесс «Пражской весны». Как Вы смотрите на эту аналогию? Ведь в Советский Союз танки не придут из другой страны.

Литвинов: Да, танки там стоят только свои, и если будет раздавлена та ограниченная свобода, которую сейчас имеют в Советском Союзе, то это будет, своя собственная вина. Да, это огромная разница.

Я смотрю с огромной надеждой на то, что происходит сейчас в СССР, и я желаю всяческого добра людям и наверху советского политического истеблишмента, и более близким мне людям среди диссидентов, которые организуют независимые группы и пытаются что-то делать на всех уровнях общества. Я смотрю с огромной надеждой. Я знаю, что трудности невероятные, но масса вещей, которые там происходят, — я даже не мог ожидать, что они произойдут, — идут, в большинстве, именно в том направлении, о котором мы мечтали, в том направлении, которого хотели лидеры чехословацкой весны. В общем, мое сочувствие колоссальное, и есть у меня слабая надежда, что, может быть, наши маленькие попытки, наши демонстрации внесли свой вклад в то, что происходит сегодня в Советском Союзе. Я не знаю, что произойдет завтра, но уже так много произошло, столько книг уже опубликовано, столько людей уже освобождено из лагерей... Конечно, не все еще освобождены, и масса еще происходит вещей крайне неприятных: и подавление Армении, и высылка Айрикяна, и многие другие вещи меня никак не устраивают, но общее направление движения... Я очень, очень надеюсь.

Фиштейн: Значит, Вы остаетесь историческим оптимистом?

Литвинов: Я, по крайней мере, надеюсь. Это не оптимизм — это надежда. Но без надежды почти

невозможно ничего делать. Мы всегда надеялись на что-то, хотя у нас, когда мы собирались в нашей компании среди диссидентов, любимый тост был: «Выпьем за успех нашего безнадежного дела!» Тем не менее какая-то надежда была всегда. Я помню, что кто-то сказал: «Ну, вот, кто мог ожидать, что придет Хрущев? (При всех грехах Хрущева — ведь он пришел из глубины сталинского кошмара — он что-то, немного, но все-таки и колоссально много, сделал.) Почему же не может появиться «новый Хрущев»? В конце концов, такая вероятность существует». Все, что произошло в течение трех последних лет совершенно невероятно. Но все же это произошло, и все еще не потеряно, хотя какое-то, в чем-то движение назад все же есть. Но есть и свободная дискуссия. Конечно, это все должно стать законом. Один из главных принципов нашего движения за права человека — чтобы изменились советские законы, советская конституция, чтобы невозможно было человека посадить за то, что он говорит, за то, что он думает, и все это было бы зафиксировано абсолютно точно, как в западных конституциях, в советском законе. Этого пока не произошло. Поэтому все, что сегодня происходит, может быть взято обратно при каких-то переменах наверху. Но все же эти шаги — они играют свою роль. И я бы хотел сказать всем моим друзьям в Советском Союзе, которые продолжают что-то делать для улучшения ситуации там, словами русского поэта: «Бог помочь вам, друзья мои!» Я всегда с ними, я всегда о них думаю. Хотя жизнь на Западе совершенно иная, с иными проблемами — все равно мое сердце и моя голова во всем этом соучаствуют. Я жадно читаю все, что приходит из Советского Союза, и я надеюсь. И еще очень хотелось бы, чтобы Горбачев и советское правительство извинились перед чехами. Я не знаю, сумеют ли они сделать это в нынешнем году (я понимаю политические трудности), но Советский Союз должен извиниться перед поляками за Катынские расстрелы, Советский Союз должен извиниться перед чехами и словаками за вторжение в их страну. Без этого нормального международного развития и нормальных взаимоотношений между Советским Союзом и Восточной Европой быть не может. Это кто-то должен сделать.

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

Илья Зильберберг

ЧТО ЖЕ ПРОИСХОДИТ СЕГОДНЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ?

На этот вопрос можно услышать много ответов, разных и даже противоположных. Но поскольку все они исходят из рассмотрения одних и тех же событий, в каждом возможно найти ту крупицу истины, которую смог выявить тот или иной индивидуум с помощью собственных знаний и жизненного опыта. Лишь совокупность их может дать нам если не истину в последней инстанции, то во всяком случае более или менее полную картину происходящего. Поэтому ещё одна попытка оценки событий, которые приковывают к себе внимание мировой общественности и которые так важны для судеб как самой страны, так и всего мира, — попытка понять истинный смысл этих событий — не должна считаться излишней.

Предлагаемая здесь с этой целью статья состоит из двух частей. В первой, написанной 17-18 лет назад в Советском Союзе, рассматриваются состояние советского общества и возможные пути его улучшения. Вторая, написанная сейчас, на Западе, является продолжением этого рассмотрения в свете происходящих в стране событий.

Публикация в качестве анализа советского общества материалов почти двадцатилетней давности не является в данном случае просто экскурсом в прошлое. Перечитывая их сейчас, со всей очевидностью убеждаешься, что увиденное и написанное тогда и там не могло бы в той же мере быть увидено отсюда и написано здесь. Когда воспринимаешь и постигаешь явление изнутри, каждой частицей своего существа, когда каждая мысль и слово выстраданы и пережиты, что называется, кровью сердца, то результат получается совсем иным, чем когда рассматриваешь явление, даже пристально и добросовестно, извне.

Конечно, живое свидетельство подвергается большей опасности оказаться субъективным, — опасности, которой не избежало и написанное мною, почему и получило название «Субъективных заметок». Но хотя они носят на себе отпечаток авторской индивидуальности несколько больший, чем автору хотелось бы

того сейчас, всё же их пафос и эмоциональный накал могут быть отнесены не только к его личности, но и к атмосфере того времени. В этом смысле «Заметки» видятся мне свидетельством того времени.

Но если бы они были свидетельством только прошлого, то есть прошедшего, то вряд ли имело бы смысл привлекать их для разговора о сегодняшних событиях. Мне же «Заметки» представляются сегодня не менее, а даже более актуальными, чем в своё время, — в силу тех явлений, которые лежат в фокусе их рассмотрения.

Когда не только замечаешь и ощущаешь, но и глубоко переживаешь язвы своего общества, то не можешь не попытаться добраться до их истоков, понять их, понять само общество, в котором живёшь. Чем пристальнее приглядывался я к окружающему меня советскому обществу, чем глубже пытался заглянуть в него, тем более очевидной становилась для меня условность различных социальных и общественных структур, тем бледнее и расплывчатее становились границы, разделяющие его на сословия, ведомства, организации и пр., тем менее значительными становились факторы, определяющие жизнь его членов извне, но тем отчетливее признаки, назначающие им главенствующее значение их морально-духовные признаки, назначающие им ту или иную роль в обществе и группирующие их в нём совершенно особым образом.

Так я пришёл к выводу, что, по большому счёту, не бытие (внешнее) определяет сознание (внутреннее), а как раз наоборот: именно то, что живёт в душе человека как его сознание и мораль, является в конце концов определяющим для жизни общества. Поэтому именно морально-духовное состояние советского общества я и подверг рассмотрению в «Субъективных заметках». Явления, которые я рассматривал, лежат не на поверхности, а в глубине человеческого бытия и не так легко и быстро подвергаются воздействию поверхностных процессов в жизни общества — политических, экономических, социальных, культурных. Отсюда актуальность «Заметок» и для сегодняшнего дня.

Первоначально они предназначались для самиздата. Но поскольку мне пришлось заканчивать их уже с выездной визой в кармане, в самиздат я их решил не пускать — мне казалось неправильным, уехав, оставлять их за собой неким кометным хвостом.

В «Заметках» я обращался к своим соотечественникам — как к конкретным, известным мне лицам, так и к неведомым мне, но озабоченным, как и я, судьбами страны согражданам, существование которых я угадывал или предполагал. Выпуская их в свет теперь, на Западе, мне труднее прочувствовать потенциальных читателей, да и жизнь российская не бьётся с прежней силой в

каждой клетке моего существа. Но зато минувшие годы, расстояние, новый жизненный опыт ещё больше укрепили меня в тех позициях, с которых я рассматривал советское общество почти два десятилетия назад. Более того, я убедился в их универсальном, общечеловеческом характере — и с этих же позиций я попытаюсь взглянуть и на происходящее в Советском Союзе сегодня.

СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ

Посвящаю Владимиру Гершуни — человеку необыкновенных душевных качеств, органически неприемлющему ложь и несправедливость и сделавшему борьбу с ними смыслом своей жизни. В настоящее время приговорён советской властью к бессрочному заключению в сумасшедший дом.*

Не остротой текущих событий продиктованы эти заметки, скорее наоборот — она мешала спокойному их написанию. Но вместе с тем эти события и подгоняли меня, ибо тесно связаны с предметом самих заметок.

Я пишу о том, что близко и дорого мне, — о России и о евреях,** а также — но лишь в связи с этим — о западном мире.**

Сознавая невозможность всестороннего исследования этих серьёзнейших и неисчерпаемых тем, а также чисто субъективный подход к ним, я не ставлю себе целью решение затрагиваемых здесь проблем, но посчитаю свою задачу выполненной, если мне удастся привлечь внимание к ним.

I

Прогресс — не только один из самых ходовых терминов современной лексики, но и один из самых удачливых — за ним стоит конкретное содержание. Более того, он идол, бог современного общества, владеющий умами людей и собирающий внушительную дань с их творческих усилий.

Но божество это — двулико.

Во всём, что является делом рук и рассудка человека, как, например, в науке и технике, прогресс не только осязаем и очевиден, но и как бы предопределён на будущее, о чём с уверенностью может говорить любой школьник.

*В этом посвящении устарела, слава Богу, его заключительная часть — надеюсь, навсегда.

**Этим темам посвящены соответственно II и III части «Заметок», не публикуемые здесь.

Там же, где это касается самого человека, его внутреннего мира, как, например, в вопросах нравственности и морали, человеческих взаимоотношений и т. п., являющихся в конечном счёте определяющими для судеб человечества, никто не возьмётся определить, в каком направлении мы движемся, предсказать, что нас ожидает.

Но если верна схема, по которой для достижения лучшего будущего необходимо последовательно пройти три этапа: осознание, что настоящее плохо; желание его исправить; умение сделать это, — то мне хотелось бы проследить, каковы шансы советского общества на это будущее.

Когда руководители страны говорят, что опираются на моральное единство и поддержку советского народа, это не пустые слова. Можно говорить о глубине одного и искренности другого, о методах, которыми они были достигнуты, но отрицать их наличие было бы абсурдом.

Главный признак этого единства — своеобразное равенство, которое дала советская власть своим гражданам — без различия пола, национальности, общественного положения и пр. Это равенство советских людей — в полном отсутствии самостоятельности мышления и внутренней свободы, в безликости и потере индивидуальности, в идентичности чувств и эмоций, короче — в превращении человека в общественное животное.

Отсюда — невозможность внутренней духовной жизни, безразличие к общечеловеческим вопросам справедливости, добра и морали, неприятие того, что лежит за пределами узкокорыстных интересов сегодняшнего дня.

А для надёжного ограждения от всего «чужеродного», «лишнего» и удовлетворения при этом «духовных запросов» — оглушение себя чудовищными дозами общедоступных наркотиков: служебным энтузиазмом и карьеризмом, массовыми зрелищами и телевизором, детективами и газетами, спортом и даже искусством.

При этом — отсутствие идеалов, в которые верили бы, и моральных критериев, которым бы следовали, — и всё это в страшной атмосфере лжи и лицемерия. Причём ужасна не только привычность, обыденность лжи, а и невозможность говорить правду не только в силу запрета (кого этим удивишь!), но и потому, что это считается дешёвым позёрством, делом невыгодным, неумным и даже неприличным.

Если вопрос о путях и причинах, приведших нас к такому состоянию, мы можем адресовать в прошлое, то за сегодняшний и даже завтрашний день отвечать нам самим.

Абстрагировавшись от привычности нашей жизни и взглянув на себя со стороны, невольно задаёшься вопросом: как вообще возможно жить в затхлой атмосфере лжи, духовного паралича и насилия?! Оказывается — можно, и не только потому, что душа и тело давно приучены терпеть всё, на что изощряется ум. Дело тут в особых качествах нашего общества, которые делают его, в отличие от так называемого «больного общества», вполне «здоровым».

Известно, что непременным условием духовного здоровья личности (неважно, высокоорганизованной или примитивной) является некая внутренняя гармония, когда ум, чувство и воля живут в полном согласии. И если в этом вопросе человеческое общество позволительно сравнить с индивидуумом, то в наличии вышеназванной гармонии я вижу одну из причин существования нашего общества.

Ибо его «ум» — это те, кто, видя пороки и язвы нашей жизни, вполне к ним приспособились.

Его «чувство» — большинство, ведущее растительное существование, не подозревающее о наличии каких-то проблем и удовлетворяющееся самыми примитивными запросами.

Его «воля» — те страшные не числом, но нутром «нелюди», которые не только ведают о существующих зле и лжи, но и творят их, ибо это единственная питательная среда, где возможно их существование.

Итак, три эти «ипостаси» составляют некое целое, название которому советское общество, и ни одна из них не несёт в себе зерна, способного дать новый всход.

Не ждть же его от тех («воля»), чьи чёрные посевы выкорчёвывать ещё не одному поколению!

И не от духовных кастратов с атрофированными мозгами («чувство»), которых с одинаковой лёгкостью можно организовать как на требование свободы для далёких аборигенов, так и на массовую рубку голов, в том числе и собственных.

Не дадут его и приспособленцы («ум»), которые образуют более сложное и менее однородное «сословие», однако разложение его на составляющие лишь наглядней демонстрирует их бесплодие:

Прежде всего — это «нигилисты», которые раз обманувшись, решили никогда и никому уже больше не верить, даже себе; на этом и успокоились, что не мешает им, однако, поставлять нашему обществу циничных карьеристов.

Затем идут «рационалисты», объединённые лозунгом «такова жизнь». Эти в принципе не против правды и справедливости, более того — при них им было бы даже лучше, но ни шага в этом направлении они не сделают, ибо инертны, трусливы и держатся за своё положение. Здесь всё станет на место, если исправляя

смысловую неточность, французское «такова жизнь» перевести на русский «так жить удобнее».

Но самыми отвратительными являются те приспособленцы, которые, выбивая себе максимум благ, не желают знать, на чём они основаны и из чьих рук получены. Им, видите ли, к успешной карьере надо пристегнуть приличный вид и душевный покой, что они и стараются делать, надевая маску высокомерия или идиотского непонимания.

Так что долго бы существовать этому обществу, сбалансированному внутри и мало подверженному внешним влияниям, если бы самое сердце его не тронула вдруг еле заметным налётом коррозия, уже грозящая ему и гибелью и неизбежным обновлением. Опасность эта исходит от ничтожного по сравнению с целым числа людей, несовместимых с советским обществом, чуждых ему, т. к. не могут и не хотят жить в его рамках. Не могут, ибо прежде моральных уколов почувствовали физическую усталость от лжи и лицемерия, ощутили симптомы удушья от его ядовитых паров. Не хотят, ибо стыдно и унижительно — за себя, за близких, за страну — жить так дальше.

И сила этих людей не внешняя — в числе, организованности или умении, а внутренняя — в моральной правоте, в правде мышления, наконец, в самом факте их существования — зелёной ветки в пустыне.

Но она, эта сила, такова, что заставляет трепетать другую, которая в свою очередь держит в страхе весь мир. Другая сила — это режим советской власти со всей его колоссальной мощью.

Невольно возникает вопрос: не надумано ли сопоставление, а тем более противопоставление этих сил, да ещё с таким результатом?

Ответ на него не надо искать в области парадоксов.

Советский режим, какое бы он ни вызывал к себе отношение, обладает одним качеством, без которого ничто живое существовать не может, а именно — безошибочным чутьём смертельной опасности. Пример тому — чехословацкие события.

Ибо угрозу своему существованию советское руководство увидело не со стороны «американских империалистов», «западно-германских реваншистов» или «китайских шовинистов» — оно увидело её в чехословацких коммунистах, попытавшихся строить «социализм с человеческим лицом», и совершенно справедливо! Поэтому вторжение в Чехословакию — вполне последовательный и смелый шаг советского руководства, более того — единственно для него возможный в такой сложнейшей исторической ситуации. Этот шаг потребовал большого мужества, т. к. не имея ни внешнего, ни внутреннего оправдания, кроме животного инстинкта само-

сохранения, он явился вызовом всему миру, поставил на карту всё и — оправдал себя в тот момент, чем бы в дальнейшем ни обернулась эта пиррова победа. Поэтому я бы крикнул режиму «Браво!», если бы не было такого слова — «Позор!»

Во всяком случае, подобная борьба за жизнь любыми средствами не может исходить от безнадежного дистрофика, но в то же время она является и актом величайшего отчаяния, свидетельствующим о ещё жизнеспособном, но уже начинающем агонизировать организме.

Тем же чутьём, каким в решающий момент был подсказан самый опасный внешний враг, точно определён и внутренний. Поэтому всеми принципами и атмосферой своей жизни, её укладом и содержанием режим направлен против правды и живой мысли, а своими акциями — против их активных носителей, ибо правдомыслие в наших условиях неизбежно оборачивается свободо- и инакомыслием.

И вот что мы видим на деле: могущественная держава, занимающая одну шестую территории земного шара, обладающая колоссальным военным и экономическим потенциалом, владеющая в условиях тоталитаризма мощнейшим пропагандистским аппаратом, опирающаяся на десятки миллионов партийных функционеров и активистов, — эта держава испытывает такой страх перед несколькими сотнями (если не сказать: десятками!) инакомыслящих, что не только не допускает открытый обмен мнениями, при котором можно было бы наголову разбить «отщепенцев», но зажав рот одним, а уши остальным, власти содержат аппарат подавления, пригодный для управления целыми континентами, а в обход существующих законов принимают специальные указы и постановления — и всё это против максимум одной стотысячной населения страны! Вот как велик этот страх, толкающий власти то на откровеннейшее беззаконие, то на озадачивающее порой бездействию.

Очевидно, что здесь вопрос не решается оккупацией, и России, возможно, предстоит стать ареной исторической битвы двух сил, представляющих крайние тенденции нашей противоречивой эпохи: стремлением авторитарной системы к подавлению миллионов на основе духовного конформизма — и смелым, отчаянным порывом одиночек к духовной свободе.

А внешняя несоизмеримость противников никак не решает исход этой битвы — он предопределён иным. И хотя он явится не столько результатом силы и опыта одного, сколько — слабости и обречённости другого, праздновать победу будет не «всесильный» колосс, гипнотизирующий сегодня мир своими габаритами.

Если же такой финал не только мыслим, но и желаем, то основная трудность заключается в том, как из сегодняшнего дня перекинуть к нему мост, из какого материала возвести его, чтобы он стал основой нашего возрождения.

Мы подходим к коренному и самому сложному для нас вопросу, ибо как бы ни было мало число людей, видящих зло, — а желающих его исправить и того меньше — не уверен, найдётся ли хоть один, знающий, *как* это сделать.

Но это — *наша работа сегодняшнего дня*, её не отложишь и не передашь, и как бы трудна и невыполнима она ни казалась, чем раньше приступить к ней, тем лучше.

Боюсь, что нашего жизненного опыта и знаний может хватить лишь на негативные суждения, что, вероятно, и необходимо в качестве первого шага. Я, во всяком случае, остановлюсь на тех из них, которые, с моей точки зрения, не могут быть основой возрождения.

Прежде всего, это путь насильственного свержения режима — извне или изнутри (я говорю режима, а не правительства, ибо вряд ли найдётся в России серьёзно мыслящий человек, полагающий, что всё дело в руководителях, хотя сами по себе наши руководители очень уж неважные).

Что касается «изнутри», то даже синтез самой пылкой фантазии и сверхдерзкого авантюризма не может придать реальность подобной идее, поэтому нет смысла останавливаться на возможных последствиях её осуществления.

Что же касается «извне», то трудно предположить силу в современном мире, которая хотела бы, решилась и смогла, не вызвав мировой катастрофы, решить эту проблему. Но если бы и сложилась такая ситуация, при которой эта чисто гипотетическая возможность могла бы осуществиться, и при этом в стране был бы установлен самый что ни на есть прогрессивный режим, то это, с моей точки зрения, было бы очередной катастрофой для русского народа. И не только потому, что за эту «прогрессивность» было бы заплачено новыми потоками крови (не хватит ли её на этой земле?!), но и потому, что ничто, принесённое извне, а не выношенное, не выстраданное внутри, не может быть прочным.

Второй путь — экономический, имеющий два возможных направления. Некоторые считают, что экономические реформы, которые неизбежны и которые связаны с экономической свободой, неизбежно приведут к свободе политической; другие полагают, что крах нашей экономической системы неизбежен, а с ней — и политической.

Но все эти «неизбежности» кажутся весьма и весьма проблематичными.

Прежде всего, невозможно назвать какую-либо общественную группу, которая по-настоящему, жизненно была бы заинтересована в экономических преобразованиях. Более того, подавляющее большинство населения является их противником. Я имею в виду не только номенклатуру, присосавшуюся к телу страны и высасывающую лучшие соки, но и работающую массу, которую режим, отлучив от настоящего труда, приучил к безделью и халтуре, чем развратил её и поработил одновременно. И хотя эта масса ослабляет и подрывает режим экономически и морально, в политическом отношении она является его опорой, ибо чувствует свою неспособность, невозможность жить и работать иначе.

Жизненный же уровень советских людей, несмотря на подорожание и нехватку многих товаров, за последние четверть века несомненно поднялся, а нетребовательность и многотерпение русского народа являются в руках руководителей немалым резервом для его снижения. А если говорить об экономическом кризисе в целом, то в эту пропасть можно падать очень долго, но он один ещё никогда не преобразовывал общества.

Во всяком случае, трудно представить, да и, по правде говоря, как-то унижительно полагать, что путь к решению наших проблем лежит через голодный желудок.

Третий путь — политический — кажется более приемлемым из-за возможности следовать им, а также ввиду конкретности и реальности его целей. При этом имеется в виду соблюдение законности, большие конституционные свободы, возможность политической активности и т. д.

Требование, а тем более достижение этих замечательных предпосылок свободы делает честь борцу за них, но способны ли они одни помочь нашему обществу?

Трудно отделаться от впечатления, что, выдвинув требование о соблюдении законности, мы стали жертвой стереотипности политических лозунгов. Мы как-то вдруг забыли, что наша конституция — не результат победы демократических сил, а камуфляж диктатора и палача, что записанные в ней законы, прикрывавшие ужасающее беззаконие, явились данью XX веку в период, когда внутрисоюзное время уже полным ходом летело вспять. Теперь же, когда духовные наследники прошлого пытаются идти со временем в ногу, неизбежно обнаружилась оплошность того, кто «всё предвидел». Поэтому неудивительно, что некоторые законы представляют большое неудобство для современных руководителей, и совершенно естественно их желание найти в них лазейки, обойти или просто нарушить. Но нам ли, стремящимся к внутренней правде, ловить их на слове? Сознвая, что лицемерием

было принятие законов, а не их нарушение, и принуждая при этом органы советской власти к их соблюдению, т. е. к непоследовательности и лицемерию, мы ведём себя недостойно. Да и вообще упование на предписанные к исполнению законы напоминают мне надежды посредственного ученика на строгого учителя. Надо ли напоминать, что мы живём в эпоху, когда не хорошие законы делают людей хорошими, а наоборот, и уж во всяком случае преобразование человеческого общества надо начинать не с надевания узды на его членов.

Требование широкого «народного» участия в управлении страной уже с успехом осуществляется советской властью: когда к управленческой бюрократической машине «прикрепили» общественность, то оказалось, что ею и руководить не надо, так синхронно она работает в общем ритме (а как же иначе — общественность-то из того же общества!). А будет ли, к примеру, вести судебное разбирательство «тройка», народный суд, суд присяжных или заменяющий их простенький компьютер, — разница скажется лишь в потреблении электроэнергии.

Или важнейший фактор общественной жизни — гласность, которую считают чуть ли ни панацеей от всех наших зол. Но если взять даже западный мир, то разве наличие гласности там само устраняет зло и пороки, разве оно спасло мир от прихода фашизма, евреев — от катастрофы, а Чехословакию — от предательства? А у нас, когда факт оккупации Чехословакии стал общеизвестным (а ведь суть его сначала по привычке хотели скрыть), — что же наша общественность? Молчала? Ни-ни! «Надо было раньше!» — заявила она, и это по принципиальному мировоззренческому вопросу! Так что гласность сама по себе ещё не всё, неплохо бы при этом иметь и уши, которые могли бы не только слушать, но и слышать.

А по поводу сетований на отсутствие у нас многопартийной системы можно с уверенностью сказать, что, если бы и пришла в голову руководителям КПСС блажь побаловаться чем-то вроде «народного фронта», то это мероприятие вряд ли отличалось бы по существу от разукрупнения колхозов или от преобразования министерств в совнархозы.

Вообще же о партиях, как об общественных институтах, хотелось бы поговорить подробнее. Призванные — по замыслу — объединять единомышленников, они фактически ведут к разобщению людей. Ибо что такое единомыслие, как не искусственное принижение, примитивизация человеческого духа и подчинение его скоротечной конъюнктуре текущего момента! Особенно в наше время, когда классовые, расовые и др. битвы принесли человечеству столько горя, когда пробуждается стремление людей преодолеть узкие рамки региональных кланов и подняться до высот

общечеловеческих задач, а расслоение человечества становится всё более явным по высшей мерке — на гуманистов и антигуманистов, — партии вырывают людей из рядов человечества, группируя своих членов не на основе общности интересов всех людей, а на их различии.

Поднявшись на определённую ступень духовного развития, человеческая личность становится таким сложным феноменом, который не втиснуть ни в один идеологический корсет. Партиям всё труднее отвечать и своим утилитарным целям — решению практических задач. Это происходит потому, что развитие индивидуальной свободы привело к столь большому различию во взглядах и по чисто практическим вопросам даже в пределах первичной ячейки одной партии, что если быть последовательным на пути политической свободы, мы придём к тому, что каждый человек вынужден будет образовывать партию, состоящую из него одного. Но партийные лидеры не последовательны, вот почему во всём мире слышны призывы к единству. Эти призывы — к внутрипартийному конформизму — абсурдны, а их осуществление принесло бы не только моральное зло, но и реальный вред, потому что единое следование традиции, уставу, программе почти всегда является тормозом в практической деятельности.

И если система партий так прочно утвердилась в общественной жизни, то не потому, что является потребностью человеческого духа. Партии для одних — дань стадному чувству, страху оказаться вне общей массы, идеологически свободными («неохваченными» в переводе на советский); для других — это вид деятельности, необходимая, увлекательная, порой рискованная игра для взрослых (надо ли приводить примеры катастрофических последствий этой «игры?»).

Таким образом, ни один из перечисленных путей — насильственный, экономический или политический — не ведёт к нашему возрождению, хотя, вероятно, каждому отведена своя роль в грядущих событиях.

Так где же выход?

Как бы ни было велико желание получить полный и однозначный ответ, его невозможно дать и в более скромном виде, не попытавшись прежде понять, в чём причина зла и мерзостей, окружающих нас, откуда они...

Но где тот гений, проникающий своим духом в судьбы человечества от истоков бытия до грядущего, который способен ответить на эти вопросы?

Мы же, чтобы как-то состыковать день сегодняшний со вчерашним, собираем обломки фактов, валяющиеся у нас под ногами, пытаясь составить нечто, что было бы не стыдно назвать историей.

Но и это оказывается достаточным, чтобы при беспристрастном подходе к событиям дать им оценку, соответствующую их номинальному значению. Порой не специальные знания и углублённые исследования, а лишь внутренняя честность и добросовестность нужны для преодоления преград, поставленных нам нашим врождённым мировоззрением.

Примером такой преграды служит вопрос: случайны ли те последствия, к которым привела нас борьба за бесклассовое общество? Для многих советских людей, пытающихся как-то осмыслить действительность, он является камнем преткновения, наткнувшись на который, их мыслительный аппарат начинает работать вхолостую.

Даже не прибегая к всестороннему исследованию этого вопроса — одним лишь здравым смыслом невозможно принять такую случайность, которая бы вдруг (!) превратила строительство «самого справедливого в мире общества» в кровавую баню, а страну и народ привела бы к состоянию, в котором мы сейчас находимся. И если я затронул вопрос о «случайности» подобных катаклизмов, то лишь с целью предостеречь от элементарных ошибок, остановить тех, кто из добрых побуждений готов пустить историю по кругу. Мне хочется раздвинуть мыслительные горизонты людей, ещё не знающих, что лучшие побуждения и искренние намерения далеко не всегда приводят к правде и добру, по которым мы так соскучились. Поэтому так важно не только понять происходящее, но и найти причины происшедшего.

Но какие бы объяснения ни давать ему, я далёк от мысли сваливать наши беды только на какие-либо теории, на отдельных личностей или на другие внешние факторы, хотя каждому из них должно быть отведено надлежащее место в истории. Как бы ни было справедливо и отрадно найти конкретных виновников, *для нас* самый главный виновник всех зол — *мы сами*, ибо всё происходившее делалось над нами, с нашим участием, делается нами сегодня.

Но вот этого-то многие не могут и не хотят понять. Уже готовы допустить ответственность каждого человека за судьбы страны и мира — абстрактно, но почувствовать себя *лично* ответственным — невозможно. А ведь речь идёт не о физической ответственности за какие-то конкретные деяния, никому в голову не придёт мысль о необходимости разделить её с преступниками (хотя сколь же немногие решаются громогласно отмежеваться от них!). Я имею в виду моральную ответственность, когда в стране создаётся атмосфера, при которой подобные деяния возможны, ибо каждый человек является носителем нравственного потенциала, сумма которых образует моральный климат общества. Но честно, непредвзято заглянуть в себя самое оказывается невыносимо

трудным, потому что, сделав это, человек увидит в своей душе отражение окружающих его мерзостей, а в них — себя. Но подумайте, откуда нам быть другими? Не эта ли среда взрастила нас, не её ли соками мы питаемся от рождения, не ею ли одной ограничен наш духовный мир?

Или невероятным напряжением душевных сил и воли мы вырвались из её оков, нравственно очистились и поднялись на вершину человеческого духа? Нет, самое большое, на что хватило лучших из нас, это, увидев язвы вокруг, найти их и у себя. А ведь обнаружить болезнь — не значит выздороветь... Лечиться надо, иначе исход может быть печальным не только для нас лично. Чешские события в этом отношении являются печальным, но ярким примером, когда руководители страны, люди безусловно честные и смелые, оказались не только тормозом на пути своего народа, но в самый решительный час его истории фактически стали, как это ни горько писать, предателями, предавшими свой народ и дело, которое сами начали и за которое были готовы пожертвовать жизнью. Эта трагедия произошла потому, что чешские руководители были замешаны на тех дрожжах, которые не позволили им в ответственный момент подняться до уровня выпавшей на их долю ответственности — урок слишком серьёзный, чтобы о нём забыть.

Так и нам суждено падать на каждом историческом повороте, если мы не найдём для себя точку опоры там, где обрели её лучшие из людей — в себе самих. Нельзя более оставаться глухими к их призывам, а самим лишь стенать над последствиями мировых катастроф, порождённых и нами — нашей душевной ленью, невежеством, малодушием... Пойти же путём преобразования собственной личности мешают предубеждения, вызванные его кажущейся несвоевременностью и бесполезностью. А преодолев их, мы останавливаемся уже в самом начале, не умея сделать и первых шагов.

Но не будем взывать о помощи к великим учителям рода человеческого — их дыханию здесь нет простора, а мысли — опоры. Нам, советским людям, начать бы со скромных бабушкиных поучений, с книжек для дошкольников: не лгать, не делать гадостей, быть добрыми, смелыми, принципиальными и т. п. — снова с того, с чего иные народы начинали тысячелетия назад (раннее начало, увы, было не векселем на будущее, а бременем ответственности, которое не всем оказалось по силам). Но по плечу ли нам и это? Уже заранее слышны стоны усталости и вопли недовольства — и не зря: здесь требуются собственные усилия, а ведь не привыкли — привыкли по течению, приучены в упряжке.

И какой бы эта работа ни казалась трудной, обретение

положительных душевных качеств — лишь первый шаг на пути становления личности.

Затем необходимо освободить дух, раскрепостить мышление, обрести внутреннюю свободу. Этот процесс настолько сложный, интимный и индивидуальный для каждого человека, что я решаю лишь указать на отдельные препятствия, стоящие здесь перед нами. Прежде всего — это шаблонность и инертность мышления, неспособность, даже в случае краха собственных идей, выйти за пределы привычных представлений. А этому в свою очередь, в значительной степени мешает страх, причём страх двух видов. Первый вид — это примитивный физический страх наказания за разрыв с официозом. Он так понятен, этот страх, но как он опасен, в какую ловушку загоняет он человечество! В наше время, когда современные технические средства позволяют немногим управлять всеми, контролировать поступки и — завтра — мысли людей, физический страх не только опасен последствиями полной деградации человека, но он создаёт контуры того страшного общества, о котором мы пока ещё только читаем в фантастических романах. И каждый человек должен ощутить, что отношение к коренным вопросам правды, добра, морали — не только его личное дело. Отказываясь из-за страха мыслить и действовать правдиво, он от имени человечества капитулирует перед ложью и злом, содействуя их победе, и наоборот, силой своей свободной мысли поднимает человечество над царством страха и зла.

Но если физический страх многие преодолели, то страх перед новым, неизвестным, непривычным оказывается более трудным препятствием. настолько трудным, что человек предпочитает порой заниматься какой угодно другой деятельностью, причём куда более опасной, грозящей ему лишениями, тюрьмой, сумасшедшим домом — только бы не оказаться перед необходимостью самому, лично искать путь к правде.

Но нам ли бояться потерять точку опоры, которой уже давно нет, нам ли бояться сделать шаг в неизвестность, когда известность так мерзка?

А решившись на поиск нового, невольно цепляемся за самое близкое и доступное, т. е. за то самое вокруг себя, что так надёжно замуровало нас в герметичный духовный склеп. И нам суждено задохнуться в нём, если у нас не хватит смелости и силы пробить его стены и обрести духовную свободу.

Мешают этому не только страх и не критичность мышления. Современный человек, избалованный автоматизацией и высокими скоростями, лишь тогда берётся за дело, когда уверен, что устраивающий его результат может быть получен быстро и наверняка. Отсутствие же такой уверенности, как и положительной

веры вообще, приводит к некоему духовному нигилизму, когда существование чего-либо позитивно-нового считается невозможным, а поиск его — бессмысленным. Хотя подобный нигилизм и объясним как своеобразная реакция на последствия мировых кризисов, он является несомненным признаком ущербности личности и ведёт лишь к дальнейшей её деградации.

К тому же приводит и духовный инфантилизм, вследствие которого человек впадает в состояние беспомощности и отчаяния, обнаружив вдруг, что ничто не служит уже ему опорой и никто не поддерживает больше его под локти. Мечущийся в поисках нового знамени, под которое можно стать, нацелив его вместо старого на то же древко, он безысходность своего существования скрашивает лишь надеждой на помощь, которую готов принять хоть от дьявола, но только не от самого себя, да мечтой о вожде — сильном, умном, честном, чтобы поверить и полюбить его, не себе — *ему* — отдать лучшие человеческие качества, а заодно и себя самого, а уж *он* научит, поведёт, укажет...

«А что я могу сделать один?» — раздаётся со всех сторон, и сливаясь в общий хор, этот вопрос громом сотрясает небеса. Им бы услышать друг друга, но где там — глухи... Поэтому хочется крикнуть в каждое ухо: «А что вы, собственно, понимаете под «сделать»? Немедленные оздоровительные мероприятия? Так не только вы, да ещё в наших условиях — люди куда более целеустремлённые, хорошо организованные, в условиях легальности, свободы и прочных демократических традиций и то бьются десятилетиями, добиваясь общественных реформ. Но я-то, кроме подобных, безусловно необходимых преобразований, имею в виду другое, более важное, что каждый может и должен делать сам: преобразование собственной личности и при этом нельзя сказать, кому оно удастся лучше — академику или крестьянину!

Вот работа сегодняшнего дня, работа на будущее, и эту задачу надо постоянно иметь перед собой, какое бы занятие ни послала тебе судьба — пахать землю или стрелять. Без этой осознанной цели и плуг может стать орудием смерти, а с нею — стреляющий никогда не станет убийцей.

Нет занятия более бессмысленного, чем построение какого-то будущего человеческого общества, нарисованного нашей убогой фантазией. Будущее общество будет строить будущий человек, которого мы создаём сегодня, и ещё неизвестно, как он удастся нам. Так что наша задача — работать в направлении будущего, а не предсказывать его.

А затраченный труд и результаты будут стоять друг друга. Сам процесс по созданию высоконравственной, свободомыслящей личности — есть ли работа на земле более возвышенная! — сам

процесс даёт такое удовлетворение, что является лучшей наградой.

Раскрепостив свой дух, человек обретает внутреннюю свободу. Он больше не зависит от беспорядочности внешних событий, которые дёргали его, как театральную куклу, в разные стороны. Он сам теперь хозяин им, он хозяин жизни, он знает её закономерности и задачи, и его деятельность гармонично вписывается в работу рода человеческого. Но он — не только для себя. Его личность поднимает моральный уровень его народа, нравственно очищает атмосферу вокруг него. Он протягивает руку помощи тем, кто ещё в пути или не начал его, всем, чей труд в той или иной мере помог ему подняться. Он освобождает народы, порабощённые от его имени, и вместе с ними как бы вновь обретает свободу. Он духовно един с себе подобными. И силу свою ощущает изнутри, как моральную власть имущий, а не догадывается о ней по числу тюрем, которые теперь не страшны ему.

Вот задача, достойная человека и ему лишь посильная!

И если я ещё и ещё раз говорю об этом, то только потому, что меня беспрестанно мучит вопрос, сможем ли мы стать теми новыми мехами, в которые должно влиться новое вино — а оно уже бродит!

А если не мы, то кто же? Не могли же мы пройти Дантов путь только затем, чтобы унавозить эту землю! Это было бы слишком большей победой над нами того, для чего сегодня у меня даже нет имени, — грядущие поколения найдут ему, подходящее определение, сделав его нарицательным, но не дай им Бог аналогов.

Но если сегодня никуда не деться от реальности его бытия, то и печать его обречённости — тоже не моя выдумка: она в алогичности и аморальности его деяний; в его игрушечной экономике; в общественной жизни, поддерживаемой инъекциями кампаний и лозунгов; в несоизмеримости военной мощи и внутренней безжизненности; в лжи и безверии его граждан; в бездарности его руководства; в его идеологах, всегда знающих, что должны делать другие, но только не они сами; наконец, — она в необратимости исторического развития.

Всё сказанное здесь вовсе не означает, что я предлагаю кому бы то ни было ограничиться ролью стороннего наблюдателя на проводах режима в последний путь. Я лишь хочу, чтобы подталкивая его в спину, никто не канул вместе с ним в небытие, а удержавшись, был настолько очищен от скверны, чтобы ни частицы её не передалось потомкам.

Сентябрь-октябрь 1970 г.

Вот таким виделось мне советское общество в начале семидесятых годов — безжизненно-бесплодным внутренне и карикатурно-уродливым внешне, не способным ни к каким серьёзным изменениям и улучшениям и даже не помышлявшим о них. Источником любых изменений, улучшений, преобразований, да и самой жизни общества является человек, его свободные творческие импульсы, находящие выражение и в общественном устройстве жизни. Этот источник в Советском Союзе был начисто подавлен, а вместо него на страну был надет жёсткий административно-идеологический каркас, регламентирующий каждый аспект жизни как отдельного индивидуума, так и общества в целом. Это и привело к их теперешнему состоянию, которое многим казалось и кажется безнадежным.

Но в этом мёртвом царстве мне увиделось нечто живое, которое сумело уцелеть или возродиться и с которым я связал свои надежды на будущее. Это живое — внутреннее неприятие лжи, зла и насилия и нравственный порыв к правде, добру и справедливости. Только эти импульсы, пусть пока ещё немногочисленные и слабые, способны дать толчок к индивидуальному и общественному возрождению, ибо они несут в себе здоровые, эволюционные силы жизни.

Именно из этих импульсов в середине шестидесятых годов в Советском Союзе родилось единственное независимое общественное движение, которое выдвинуло и попыталось осуществить ряд общественных требований. Безусловно разделяя и поддерживая требование общественных преобразований, так необходимых для советского общества, я вместе с тем ясно видел, что эти внешние преобразования мало что изменят в жизни большинства людей без преобразований внутренних, без преобразования самих людей.

Конечно, такие преобразования невозможно осуществить с помощью общественных реформ или каких-либо массовых мероприятий. И достигаются они не так быстро и не принимают таких чётких форм, как преобразования общественные. Но индивидуальное и общественное осознание необходимости таких внутренних преобразований и создание предпосылок и благоприятной морально-общественной атмосферы для их осуществления должны если не предвосхищать, то по крайней мере сопровождать любые общественные преобразования — только тогда они могут быть по-настоящему успешными.

Вот эта мысль, то есть примат внутреннего над внешним в жизни и развитии общества, и составила главный пафос российской части «Субъективных заметок». Но в то время это был воистину глас вопиющего в пустыне — в пустыне общественной жизни страны. Теперь же ситуация изменилась. Если за последние

двадцать лет о необходимости общественных преобразований говорили — и по мере сил, несмотря на суровые преследования, боролись за них — лишь те, кого называли диссидентами, то теперь в этой роли выступает никто иной, как сам верховный руководитель страны. В этом смысле можно сказать, перефразируя известное изречение, что «диссиденты разбудили Горбачёва». А заодно и общественную жизнь в стране. Сегодня общественные преобразования — не далёкая мечта, а реальность, они на повестке дня жизни страны, они проводятся её руководством. Поэтому вопрос о их соотношении с преобразованиями становится сегодня особенно актуальным. Что же в этом смысле происходит в стране? Как нам расценивать то, что делает сегодня Горбачёв? И что он может и что должен делать, если целью его является возрождение страны и народа?

Над вопросом о возможностях руководителя страны изменить существующее положение мне впервые пришлось задуматься много лет назад, что было вызвано не совсем ординарными обстоятельствами. Однажды, при очередном допросе в КГБ, раздосадованный настойчиво повторяющимися упрёками следователя в подрывной деятельности «нашего круга», я воскликнул: «Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, что бы мы сделали, если бы пришли к власти?» В ответ на этот чисто риторический вопрос следователь сослался на бодливую корову из поговорки. Я же после этого вдруг сам решил попробовать ответить на вопрос о том, что бы я действительно делал в качестве главы нашего государства. Такая мысленная постановка себя на место другого всегда очень полезна, какой бы нереальной она в действительности ни была. Но в данном случае я очень быстро пришёл к другому вопросу: а что я мог бы *реально* сделать? И чем больше я размышлял над этим вопросом, тем яснее осознавал, сначала даже с некоторым изумлением, что *реально* я (глава советского государства) мог бы сделать очень мало.

Это может показаться неправдоподобным: в стране накопилось такое количество зла, абсурда, несправедливости, что куда ни ткни, где ни копни — везде попадёшь в большое место, которое надо излечить, исправить или удалить — и чем скорее, тем лучше. Всё это так, но когда приглядишься поближе к больному телу страны, тогда обнаруживаешь, что каждая такая болезненная точка не локализована, не изолирована от других таких же и от всего целого, что невозможно успешно исправить что-то одно, что нужны кардинальные перемены. А они зависят не только от тебя самого и твоих единомышленников, а от всех тех, кого эти перемены касаются, т. е. от всего населения страны. Точнее — от его сознания, от его понимания истинного положения вещей, от его осознания

необходимости перемен и от готовности и способности провести их. И тут я оказывался в тупике, ибо передо мной, вокруг меня было то советское общество, которое я описал выше.

Конечно, силой своей власти я бы попытался провести те или иные безотлагательные мероприятия, сознавая при этом свою изолированность от общества и то, что сути вещей эти мероприятия не изменят и что скорее всего сделанное мной вернётся в конце концов к своему исходному состоянию. Короче, окажись я со своими взглядами и намерениями в роли главы государства, я бы тем самым оказался в отчаянном положении.

Разумеется, проделанное мною мыслительное упражнение является большой натяжкой, ибо никакие реальные силы не могли бы вдруг посадить в кресло генсека КПСС человека моих воззрений — в реальности связь занимающего такой пост с выдвинувшими его силами и со всей структурой общества гораздо более органична. И если время для реформ не созрело, ни один реформатор не окажется у власти — или же не удержится надолго на своём посту (я уверен, что судьба Горбачёва явится подтверждением правильности этого утверждения). Да и мне самому теперешняя ситуация не кажется полностью безнадёжной, о чём речь будет ниже. Но в данном случае всё это сути дела не меняет: серьёзный реформатор — глава государства оказывается лицом к лицу с описанным выше комплексом проблем, которые независимо от него и его намерений объективно присутствуют в советском обществе и которые суть: государственно-общественное устройство, находящееся в резком противоречии с реальностью и требованиями жизни, и сознание и ментальность людей, порождённых и поработённых этим устройством. Поэтому успешность его деятельности зависит прежде всего от того, как он видит этот комплекс проблем и как предлагает решить, как решает их.

Что же в этом смысле можно сказать о Горбачёве, вернее, что он сам говорит и, главное, делает — на *своём собственном* месте? В отличие от предыдущих советских лидеров, он не только ясно видит и признаёт то трудное положение, в котором оказалась страна, не только полон решимости исправить его, но — что особенно важно в плане нашего рассмотрения — указывает на два направления, в которых должны проходить изменения: внешнее — перемены общественные, и внутреннее — перемены в мышлении, психологии человека. Более того, он даже говорит о необходимости построения международных отношений на общечеловеческих морально-этических принципах.

Опять же, в отличие от других советских руководителей, Горбачёв не ограничивается словами, а подкрепляет их делами, совершающимися под тройственным лозунгом перестройки,

гласности, демократизации. Как бы к этим переменам ни относиться, нельзя не признать их определённого воздействия, если не на жизнь страны, то на сознание людей. Но это та именно точка, в которую и Горбачёв целит и с которой, как мне это видится, и надо начинать любое общественное преобразование. Поэтому воздействие того, что делает Горбачёв, на сознание людей нам и предстоит рассмотреть.

Одной отправной точкой такого рассмотрения является сознание советских людей как объект воздействия того, что исходит от руководства Горбачёва. К сожалению, такого рассмотрения я провести не могу, так как оно должно быть сделано изнутри, из самого объекта, как я это делал в своих «Субъективных заметках». Ссылки же на вторичные источники — на прочитанное, на опыт и наблюдения других (при всей их достоверности) — не могут заменить личного свидетельства.

Но я могу избрать другое направление — от деяний горбачёвского руководства к сознанию людей, т. е. взять за основу эти самые деяния и попытаться выявить, до какой степени они несут в себе потенциал, способный воздействовать преобразующим образом на сознание людей и на общественные процессы в стране. Для этого нет необходимости проводить детальный анализ тех или иных конкретных заявлений, постановлений или мероприятий нового советского руководства. Главное — увидеть их фактическое содержание, понять их общую суть, смысл и значение.

Все эти новые мероприятия, несмотря на их разнообразие, обладают одним общим признаком: они подаются не в сыром натуральном виде, а в виде полуфабрикатов или даже готовых продуктов. Будучи новыми, они, конечно, вынуждают потребителя научиться обращению с ними — что он и сделает со временем с помощью приложенных инструкций, — но его творческие силы, его фантазия и инициатива остаются в основном не затронутыми новым ассортиментом.

Взывая к переменам в мышлении и психологии человека, Горбачёв не только не идёт дальше деклараций, то есть не создаёт зависящих от него условий для таких перемен (это было бы ещё полбеды), но, говоря о «новом мышлении», он имеет в виду нечто совершенно определённое, а именно то, что должно воспринимать и осуществлять предлагаемые им изменения. Но ведь это не новое мышление, а в лучшем случае новый набор идей, что далеко не одно и то же: мыслить, по-новому, то есть свободно, человек может и должен только самостоятельно, для освоения же чьих-то идей нужна лишь хорошая память и соответствующий навык.

Интерпретируя такие понятия, как мышление, психология человека, общечеловеческие морально-этические принципы в

узкоутилитарном, соответствующем его перестроечным целям смысле, он не придаёт внутреннему развитию человека самостоятельного, самоценного значения. В процессе перестройки оно призвано играть такую же вспомогательную роль, как ряд других нововведений, например, гласность и демократизация, которым он тоже очертил заранее определенные границы.

Я в данном случае говорю не о политическом аспекте таких явлений, как гласность и демократизация — тоже очень важном, — а об их значении для свободного внутреннего развития личности. Сами по себе они такого развития не обеспечат — я об этом писал ещё в «Заметках», основываясь на опыте жизни при полном отсутствии гласности и демократии; могу засвидетельствовать то же самое и сейчас, живя в условиях почти максимальной гласности и демократии. Но их наличие создаёт благоприятные условия и атмосферу для свободного развития личности. То же, что сегодня существует в этом смысле в Советском Союзе, ещё очень далеко от обеспечения этих важных предпосылок. А ведь этим предпосылкам ещё предстоит разбудить то, что в течение десятилетий спало мёртвым летаргическим сном.

Но если все эти факторы в глазах, или скажем — в делах, Горбачёва являются второстепенными, вспомогательными, то что же является основным? Очевидно, что острière перестройки направлено в одну точку — в экономику. Оно и понятно: экономические проблемы являются для большинства людей, включая руководство, самыми болезненными, самыми очевидными и самыми безотлагательными. Но парадокс, или лучше сказать — реальность жизни, заключается в том, что с точки зрения их решения они не являются главными, основными проблемами общества и могут быть успешно решены, лишь заняв своё истинное место в контексте общественных преобразований.

Принять это нелегко в любом обществе, особенно же в советском, где состояние экономики не просто бедственное и кризисное, а, если можно так выразиться, антиэкономическое. Поэтому введение её хоть в мало-мальски экономическое русло представляется первоочередной задачей. Но даже в этом случае то, что делается сегодня для её решения, не способно, с моей точки зрения, заложить прочных экономических основ.

И дело тут не в том, что те или иные мероприятия по сути своей являются ошибочными или малоэффективными. Сами по себе или в других условиях они могут быть вполне правильными и даже необходимыми, но их экономическая эффективность в значительной степени снижается условиями советской жизни и тем, как эти мероприятия проводятся.

Прежде всего условия и уклад советской жизни не способству-

ют никаким нововведениям, направленным на её улучшение и оздоровление. Поэтому новые экономические мероприятия сразу же попадают во враждебную среду и натываются на многочисленные препятствия, не дающие им развернуться в полную силу. Но их эффективность значительно занижена уже и на начальном этапе: они спускаются сверху спелёнутыми различными административно-идеологическими ограничениями — точно так же, как и другие нововведения, о которых мы говорили выше.

Но, пожалуй, главная причина неэффективности этих мероприятий состоит именно в том факте, что они *спускаются сверху*, то есть не рождаются из самой жизни органично, а вводятся в неё *административно*. Мне могут возразить, что, во-первых, эти мероприятия и являются ответом на поставленные жизнью проблемы, во-вторых, преобразования, касающиеся всей страны, только и могут быть проведены централизованно. Для многих это является самоочевидным, и вместе с тем здесь содержится серьёзное заблуждение.

Это заблуждение состоит в представлении, что экономикой, экономической жизнью страны должно руководить государство, правительство. Но государственно-политическая и экономическая — совершенно разные сферы жизни, природа действующих в них сил и процессов разная, они функционируют на основе разных принципов и законов и поэтому должны быть автономны и независимы друг от друга. Именно правительственное, то есть административно-идеологическое вмешательство вызвало кризис советской экономики, создало серьёзные экономические проблемы. Но решить эти проблемы тем же, то есть административным путём, нельзя. Единственное, что может и должно сделать руководство страны — это создать административно-общественные условия, благоприятные для решения экономических проблем и нормально-го функционирования экономического процесса. Решать же эти проблемы и налаживать экономический процесс могут и должны только те, кто непосредственно в нём участвует, — в соответствии с собственным жизненным опытом, знанием своего дела, конкретной рабочей ситуации и местных экономических условий, а главное — по своей инициативе, руководствуясь собственными импульсами и целями.

Источник же сегодняшних экономических преобразований — не сам исполнитель, его сознание, его осознание происходящего, а административное решение стоящего вне экономического процесса руководителя. Стоит ли за этим решением партийно-государственный аппарат, или сам Горбачёв, или его умные, компетентные и добросовестные советники, суть происходящего остаётся той же: отсутствие органичной связи между тем, что человек должен

делать, и тем, что живёт в нём как его сознание и волевые импульсы. А именно такая связь является залогом и основой успешного экономического процесса.

Вообще администрирование представляется одним из самых глубоко укоренившихся и самых пагубных наследий прошлого. Административные меры являются наиболее доступными и привычными, да по сути никакие другие пути решения проблем и неизвестны в стране — ни начальникам, ни подчинённым. А у советских руководителей всех рангов существует какая-то мистическая вера во всеильность этих мер, проистекающая, вероятно, от ощущения полноты своей власти. Для того, чтобы расстаться с иллюзией, что с помощью власти и силы всегда можно получить желаемые результаты, вовсе не обязательно проходить через мучительный афганский опыт. Эту истину можно постичь легче и у себя дома, приглядевшись хотя бы попристальной к самим перестроенным событиям.

На многих производит большое впечатление демократизм и решительность действий, которые проявляют новые советские руководители, самолично выезжая на места и призывая к ответу местное начальство за обнаруженные недостатки. Одну из таких сцен, записанную на видео, я показал своим английским студентам: Ельцин, окружённый толпой москвичей и репортёров, посещает гастроном и устраивает разнос продавцу или заведующему за плохое качество мяса. Не только москвичи, но и мои студенты были впечатлены действиями Ельцина, выступившего в качестве защитника интересов простых людей против нерадивых или своекорыстных работников торговли. Ничуть не умаляя личных качеств и лучших намерений Ельцина, я всё же должен был сказать студентам, что ничего нового в этих его действиях нет: лет за пятьдесят до него другой советский руководитель, Постышев, делал то же самое, только инкогнито, без зрителей и репортёров. Но потом я спросил студентов, могут ли они себе представить подобную сцену в Англии и госпожу Тэтчер или кого-нибудь из министров, выговаривающих продавцу или владельцу магазина за то, что в продаваемом им мясе больше костей, чем мякоти. Студенты ответили мне дружным смехом.

Нелепость и бессмысленность таких административных мер становится вполне очевидной при первом же сравнении советской системы с западной. Кто-то назвал западное общество нормально плохим — в отличие от советского, ненормального и абсурдного. И действительно, состояние западного общества отражает уровень сознания и внутреннего развития человека, то есть его природу, каковой она на сегодняшний день является. В экономике это, в частности, выражается двояко: к товарам и услугам, которыми

пользуется миллионер или глава государства, имеет доступ любой человек, но цены на них делают их доступными далеко не всем — и это несовершенство точно отражает несовершенство человеческой природы.

Анализ недостатков западного общества почти всегда приводит к этому источнику — человеческой природе, уровню сознания людей. В советском же обществе на этот источник накладывается другой — искусственно созданная государственно-общественная система, которая подгоняет под себя природу и сознание человека. Это делает задачу общественных преобразований в Советском Союзе особенно трудной. Но она окажется вообще невыполнимой, если эти преобразования направляются не против истоков, причин болезни, а против её симптомов — в этом случае и причины, и сама болезнь загоняются лишь ещё глубже внутрь.

Произвол, коррупция, воровство, бюрократизм, бесхозяйственность, безделье, халтура, пьянство, привилегии, дефицит и т. д. и т. п. — это всё симптомы, а не причины. Но создаётся впечатление, что тяжёлая артиллерия нового советского руководства — перестройка, гласность и демократизация — бьёт именно по ним, что его основная деятельность состоит в попытке административно ликвидировать отрицательные симптомы и тем же путём создать положительные. Но такая деятельность не пробуждает сознание людей, а лишь возбуждает его, не давая ему достаточно пищи, простора и свободы для того, чтобы оно могло пробудиться, набраться сил, зажить самостоятельной жизнью.

А мероприятия, даже самые прогрессивные, вводимые при зажатом, придушенном сознании, никогда не дадут полноценных результатов. Конечно, и при этих условиях возможны изменения и улучшения — простая приостановка, даже частичная, десятилетиями творимых безобразий, разрушений и абсурдов уже есть благо. Возможно, теперешние преобразователи и не намереваются или не могут пойти дальше этого. Но если целью Горбачёва является действительное возрождение страны и народа и если пока что оно совершается несостоятельными средствами, то неизбежно возникает вопрос: что же он должен делать для этого возрождения?

Каждый исторический период, каждая эпоха в эволюции человечества содержит в себе нечто, называемое «духом времени», или «требованием дня», или «исторической необходимостью». Это нечто выходит за рамки какого-либо географического или национального региона и хочет выразить себя в человеке, человечестве как таковом в качестве того, что соответствует данному этапу его развития. Естественно, что этот элемент проявляет себя по-разному в разных странах и у разных народов, не говоря уже об индивидуумах, но его присутствие как бы ощущается

в воздухе, хотя и не всегда находит отражение в сознании и поступках людей.

Примером, когда такое отражение имело место в глобальном масштабе, может служить «Всеобщая декларация прав человека», провозглашённая ООН в 1948 г. В ней нашло своё выражение то, как современный человек ощущает себя и своё место в обществе, в государстве, в мире. Суть этого ощущения, отражающего современный уровень сознания человека, состоит в том, что человек, как индивидуум, как личность, является центром общественного мироздания, призванного служить ему и способствовать его развитию. Степень фактического осуществления этого принципа определяет самочувствие и положение индивидуума в данном обществе и одновременно служит критерием оценки последнего.

Советское общество, декларативно провозгласив — «Всё для человека! Всё во имя человека!», фактически обратило этот принцип в свою противоположность. Тем самым советское государство не только нарушает общепринятые международные принципы, переставая быть в глазах других цивилизованным обществом и являясь постоянным объектом упреков и порицаний, — попирая этот принцип, советское государство вырывает свой народ из эволюционного потока человечества. Поэтому одиночные, но настойчивые призывы некоторых его граждан о правах человека — это не только их личные требования, это также отчаянная, хотя возможно и неосознанная попытка снова включить свой ошельмованный народ в общечеловеческую эволюцию.

Тем более эту миссию должны взять на себя новые советские реформаторы, если в своей деятельности они не руководствуются лишь соображениями политической стабильности, экономической эффективности или международного престижа. Вот для этого-то и нужно новое мышление, то есть мышление, соответствующее духу и требованиям времени. Такое мышление способно осознать и осуществить задачу человеческого сообщества, задачу национального возрождения своей страны — поставить человека в центр жизни и общественных преобразований, понимая под человеком не абстрактную статистическую единицу и не народ, и даже не человечество, а каждого конкретного индивидуума.

В обществе должны быть созданы условия для свободной творческой деятельности и развития каждого индивидуума, который в свою очередь должен иметь возможность влиять на общественные процессы в стране соответственно своим способностям, склонностям и месту в общественной структуре. Таким образом, общественное устройство должно помочь развитию

индивидуальности, а не заменить его, но оно само определяется уровнем развития индивидуальных членов общества. Отсюда задачей и обязанностью руководства страны, в самом широком смысле слова, является создание благоприятных условий для беспрепятственного протекания этого двухпоточного процесса взаимного влияния и обогащения.

Для самих партийно-государственных руководителей наличие такого процесса будет означать конец монополии их власти. Никому нелегко добровольно расставаться с собственной властью (Недаром говорят: «В любви и власти никто охотно не уступит части!» — кажется, Чосер). Для советских же руководителей такому шагу должно предшествовать преодоление другого серьёзного психологического препятствия, обусловленного многолетней привычкой к неограниченной власти, избалованностью ею. Они должны перестать рассматривать своих сограждан в качестве подопечных, в качестве объекта своей деятельности, в качестве подчинённых и исполнителей своих мудрых решений, а увидеть в них свободных и равноправных индивидуумов, которые должны сами решать, каких взглядов придерживаться и как организовать собственную жизнь, которые не менее руководителей озабочены судьбами страны и которые обладают по крайней мере такими же способностями судить, что для неё хорошо и каким должно быть общество, в котором они живут.

Советские руководители должны рассматривать свою деятельность лишь как посильный вклад в общее дело, который состоит прежде всего в том, чтобы обеспечить свободу духовной жизни и деятельности в стране. Это та сфера жизни — культура, искусство, наука, образование, религия, — где формируется духовное богатство и создаются духовные ценности человечества. Она не должна иметь границ — ни временных, ни географических, ни идеологических: каждый человек должен иметь доступ ко всему мировому духовному богатству человечества, а не к той только порции его, которую предписывают ему другие.

Именно из этой сферы человек черпает импульсы как для личного, так и для общественного развития. И если эта сфера действительно свободна, а не зажата какими бы то ни было тисками — политическими, идеологическими, религиозными, экономическими, — то тогда из неё в социально-общественную и экономическую сферы, где сегодня действуют эгоистические и разрушительные силы и инстинкты, человек несёт и совсем другие — благие и оздоровительные — импульсы и ценности: альтруизм, бескорыстие, отзывчивость, сострадание, милосердие, служение другим, жертвенность...

Я говорю об этом не абстрактно, не в качестве благих

пожеланий или назидательных бесед, а как о конкретной реальности, которую вот уже семнадцать лет наблюдаю в Англии. Английское общество, разумеется, далеко от совершенства, но традиции свободы личности здесь, пожалуй, сильнее, чем где бы то ни было в мире. Я мог бы привести немало примеров того, какие замечательные плоды это приносит — не только личные, что само по себе тоже неплохо, но и общественные, социальные, экономические, несущие добро и благо другим людям. Этими примерами, а лучше сказать — явлениями, насыщены история и современная жизнь Англии. Некоторые из них очень скромны и локальны, другие же имеют общенациональное значение. Нередко добрые дела совершаются анонимно, в ряде случаев люди посвящают им всю жизнь. А как часто — в полном противоречии с тем, чем нас учили в школе, — люди, наделённые богатством, властью или высоким положением, считают своим долгом помогать другим, заботиться о несчастных и обездоленных. Один из лучших примеров здесь — лорд Шефтсбери (1801-1885), который, по оценке историков, сделал для бедного рабочего люда Англии больше, чем всё профсоюзное движение за всю историю своего существования.

Мне самому посчастливилось быть свидетелем многих случаев проявления искреннего и бескорыстного служения людям. Каждый раз, узнавая о таких явлениях, я с горечью и болью думал о советском обществе, где человек даже лишён возможности заниматься благотворительностью в соответствии с велением своего сердца. Мне вспоминаются слова, которые я услышал чуть ли не в детстве и в горькой правде которых мне пришлось убедиться в последующие годы: «Сделать другому пакость у нас очень легко — каждый может, а вот добро попробуй сделать — узнаешь, как это трудно». И это на земле и в народе, с которыми испокон веков ассоциировались такие качества как любовь к ближнему, сострадание, доброта!

И всё же индивидуальные качества, которые всего нужнее сегодня российским людям, это — внутренняя честность и личное мужество. Вопрос сегодня стоит о духовном выживании народа, а самая большая опасность, грозящая ему — ложь, разъедающая его сознание и проникшая во все поры общественной жизни. И главный союзник лжи — страх, который парализует людей, убивает их волю. Все огульные пороки и язвы — уже результат их успешной совместной работы. Поэтому остановить эту смертоносную атаку можно только тем оружием, против которого она бессильна — утверждением правды. Но правда начинается с себя, с собственной совести, с честности с самим собой. И как ложь нуждается в своём союзнике — в страхе, так и правда нуждается в своём — в мужестве,

с помощью которого человек способен нести её в жизнь и отстаивать её.

Те свободы, которые дал советскому обществу Горбачёв, отодвинули для многих людей передовые позиции страха и заменили собой необходимое для его преодоления мужество. Это дало возможность сравнительно большому числу людей поднять свой голос против лжи. Но такая «счастливая ситуация» долго продолжаться не может. Во-первых, свобода не терпит никаких границ, и если Горбачёв, даже расширяя их, не уберёт их совсем, то очень скоро они станут препятствием на пути правды. Во-вторых, борьба против различных проявлений лжи — не то же самое, что борьба за правду. А она только ещё начинается и потребует много мужественных борцов.

К счастью для страны и для народа — они есть. Их всё ещё мало, но сегодня их больше, чем было семнадцать лет назад, когда я писал свои «Заметки», а завтра будет ещё больше. И общая картина исторического развития, переживаемого страной, выглядит сейчас ещё чётче. Мне не хочется повторяться, но я верю, что страна прошла свой надр, и хотя ей предстоит ещё претерпеть много тяжёлых битв и жертв, её движение уже идёт по восходящей линии.

Поэтому страхи, что без Горбачёва и его перестройки страна необратимо погрузится во мрак — по меньшей мере наивны. Они понятны в людях, чья теперешняя активность обусловлена реформами Горбачёва, с которыми они связывают свою судьбу (по крайней мере общественную). Но отождествлять судьбу страны со своей или даже с судьбой Горбачёва и его реформ, как бы велика ни была их роль, — значит не видеть и не понимать судеб мира и человечества и своей собственной страны. При всём значении того, что совершают руководители страны, особенно обладающие абсолютной властью, это далеко не единственный — более того, и не самый главный — фактор, влияющий на её судьбу. Страна идёт своим путём, и никто и ничто не может остановить её. Но могут другое: сбивать её с пути, путаться у неё под ногами или же — помогать ей. Вот одну из этих ролей и выбирает для себя, либо играет бессознательно, каждый её гражданин, рядовой или руководящий.

Что касается Горбачёва, то хочется верить, что он выступает в роли помощника — это было бы огромным благом для страны. Пока что самым революционным и значительным мероприятием, проведённым им в этом качестве, было превращение части самиздата в госиздат. Но с точки зрения осуществления это было и самым лёгким мероприятием, ибо потребовало лишь *административного решения*. И поскольку касалось оно снятия одного из искусственных барьеров, которых за семьдесят лет воздвигли целые

леса, то проводить таких решений-реформ можно ещё очень много.

И дай Бог, чтобы реформы были проведены — они очень нужны стране. Но убирать барьеры, сносить старые обветшалые постройки — это всё же ломать, а не строить. Но на месте сломанного и снесённого образуется пустырь, на котором надо строить. Что строить и как? — вот вопрос, который стоит сегодня перед страной.

Первую часть его должны решать сами строители, возводящие для себя новое здание. Но как строить — определяется объективными универсальными законами, которые с одинаковым правом может обсуждать любой человек. Это я и попытался сделать в данной статье, говоря о том фундаменте, на котором должно быть основано любое общественное строительство.

Май-июнь 1988 г.

ИСТОРИЯ

Натан Эйдельман

ПРОБЛЕМЫ И ЗАГАДКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

1 июня 1988 г. известный советский историк прочитал в Сорбонне (Париж) лекцию о «перестройках» в России. Мы публикуем текст этой лекции в сокращенном изложении. Публикацию подготовила Фатима Салказанова.

То, что я сегодня буду говорить, — это размышления о некоторых загадочных страницах русской истории... Лишь о некоторых. А вообще их довольно много. Вчера один французский коллега, узнав про мою тему, сказал: «Вот какая у вас интересная история — много загадок. А у нас загадок совсем нет». Я позволю себе не согласиться: нет такой истории, в которой не было бы загадок. Само существование истории — уже загадка. Просто разные вещи есть у историков разных стран, над которыми они бьются, ломая головы. Разные препятствия, разные трудности.

Если говорить об истории России (а моя главная специальность — XVIII-XIX века, хотя сейчас мы очень часто делаем выходы в XX век, в наш век), то существуют два вида загадок или, как сейчас принято говорить (со слов Горбачева), «белых пятен». Какие же это два вида? Они есть в любой истории, но в русской особенно.

Первая. Есть некоторые документы и сюжеты по русской истории, которые по одним причинам игнорировались до революции, а по другим причинам игнорируются после революции. Приведу пример. «Философические письма» Чаадаева до революции очень трудно издавались; после знаменитого первого выхода письма в 1836 г. это были, в основном, издания заграничные (правда, после 1905 года кое-что издавалось). Считалось, что Чаадаев слишком много себе позволил. Сейчас, в наши годы, до последнего времени, до самого последнего, Чаадаев, уже по другим причинам,

тоже не издавался. После работ Дмитрия Шаховского. И даже один советский министр (это не секрет) пришел на открытие музея Герцена в Москве, увидел там большой портрет Чаадаева и сказал: «Снять портрет! Этот человек не любил Россию». Такие же слова мог сказать министр и до революции. По своим мотивам. Это любопытно.

Вторая загадка — это уже загадка концепционная. Сейчас у нас перестройка. Было ли что-нибудь подобное раньше? О чем говорит опыт истории? Только опыт настоящий, а не спекулятивный. Я произнес слово «спекулятивный» и должен коснуться того всем известного факта, что огромное количество (не все разумеется, но немалый процент) наших исторических работ несут в себе большой заряд вранья или лжи. Еще хорошо, если это лучший вид лжи, которому все мы отдали дань, и ваш покорный слуга в том числе. Это ложь путем умолчания. То есть мы писали то, что считали правдой, но кое о чем не говорили. Но наряду с этим распространились и простые виды вранья, применительно к тем или иным изгибам политической линии. Историческая наука наша разогревается медленно. Литература, кино больше вступили в зону демократии, в зону гласности. Историческая наука, хотя и меньше, медленнее, более консервативно, но все-таки тоже. И я думаю, в зале находятся люди, которые читали или прочтут, безусловно, журнал «Вопросы истории» № 3 за этот год, где напечатан отчет о дискуссии историков. Историки крайне откровенно рассказывают о том, что утаивается, о чем врал, говорят, как нехорошо врать и так далее. В течение длительного времени у нас существовала литература и история, которые мы называем «литературой и историей намеков, аллюзий». Когда писалось о Пушкине или о декабристах, или о каком-то злом монархе, то все понимали, о каком монархе на самом деле идет речь. А иногда автор даже ничего не имел в виду, но все все равно подозревали... Была замечательная история с драматургом Зориным. Он написал пьесу «Царская охота» — о княжне Таракановой. Ему был задан вопрос в министерстве: «На что тут намек?». Драматург: «Ни на что, просто я написал историю любви в XVIII веке». «Ну, это несовременно, это нам не надо», — сказал чиновник. Намек опасен, а и без намека тоже нельзя.

Не знаю, известен ли присутствующим термин, распространенный у нас, во всяком случае в Москве и Ленинграде: «кукишизм» — кукиш в кармане показывать, то есть что-то говорить, а что-то утаивать. Всем это уже сильно надоело, и все больше и больше возникает необходимость разговоров острых. Конечно, острые разговоры главным образом касаются истории советского времени последних десятилетий. Я здесь не являюсь специалистом и сегодня буду в основном говорить о событиях более ранних веков, чем наш.

Не будем удаляться слишком далеко, но все-таки отойдем на 4-5 веков назад — в XV-XVI век. Этот век интересен тем, что Россия тогда внешне выглядела очень сходно с европейскими государствами. В конце XV века, как известно присутствующим куда лучше, чем мне, Людовик XI завершает объединение Франции. В это же время войной Алой и Белой розы завершается объединение Англии. В это же время брак Фердинанда и Изабеллы в Испании завершает объединение Испании. Это все конец XV века. И не только в этом же веке, но и буквально в эти же годы (примерно в 1480 году) завершается объединение России, которую объединяет Иван III. То есть внешне и там и здесь образовались могучие централизованные государства: Россия находится, казалось бы, вполне на уровне европейской структуры. Но дальше... У нас историки очень любят сравнивать — далеко не всегда объективно. Иван III был дедом Иван Грозного — царя, при котором развернулся страшный террор в России, как известно. И вот в книгах наших историков (вы, наверное, это неоднократно встречали) Ивана Грозного защищают. Защищают так: «Да, Иван Грозный был жестоким, да, он ввел опричнину, многих казнил. Ну, а разве Людовик XI был добрым? Тоже ведь многих казнил. У Ивана Грозного было 7 или 6 жен, он не венчался, а у Генриха VIII английского разве их было меньше? Причем Генрих VIII еще некоторых жен казнил, а Иван Грозный куда лучше с ними обходился — он их в монастырь отправлял. Правда, одну или двух, по-видимому, все же отравил: но это была все-таки не явная казнь, как казнил, скажем, Анну Болейн Генрих VIII. Так что Генрих VIII и Людовик XI не добрее Ивана Грозного, ничуть не лучше по характеру». Почему-то наши историки этим фактом зачастую очень гордились.

Но все-таки мы должны считаться с тем фактом, что ни Генрих VIII, ни Людовик XI не привели свои страны к тому состоянию, к которому привел Россию Иван Грозный. Что произошло? И в Англии, и во Франции были силы, которые этим людям мешали слишком развернуться. Был все-таки парламент, были все-таки Генеральные штаты, была зарождающаяся буржуазия, были во Франции муниципалитеты. То есть были общественные силы, зачатки демократии, то есть при абсолютизме была система: известное развитие рыночных отношений (буржуазных) плюс демократия. Ну, относительная демократия, конечно, потому что над всем этим стояли крепкие самодержцы, но слишком многого они сделать не могли.

А в России в XVI веке как раз исчезли зачатки демократии, которые все же были, и резко было остановлено развитие рынка. Это сейчас историками доказано. Россия стояла на перепутье: куда пойти — по европейскому пути, как в Англии и Франции, или по своему пути. И все зависело от реального соотношения сил: Иван Грозный, дворяне и те люди, на которых он опирался, сумели сломать хребет во многом развивающейся России. Значит, она была слабее по разным причинам, но это уже особый разговор. Английские и французские короли этого не сумели, хотя такие попытки были. Крестьяне во Франции и Англии получили личную свободу, и там развились буржуазные отношения. В России наоборот: как раз в XVI веке крестьян закрепощают, товарные отношения прекращаются, вместо буржуазных отношений — барщина. Что же касается демократии (в городах до того были свободы, были известные вольности), то все это сломлено Иваном Грозным и его последователями.

Еще до сих пор в заграничных изданиях пишут, что Иван Грозный боролся с боярами, то есть с крупными феодалами, опираясь на дворян, и так объединял Россию. Это неправда! Сейчас уже почти не осталось наших отечественных историков, которые бы так думали. Дело в том, что помогла простая статистика, статистика казней. Кого казнил Иван Грозный? Да, он казнил крупных бояр, но мелких дворян казнил ничуть не меньше. Монахов и духовенство казнил страшно. Особенно досталось депутатам земских соборов —

русского эквивалента Генеральных штатов. В общем, историки Зимин, Кобрин и другие пришли к выводу, что в основном это была борьба против всего того, что несло хоть какой-то элемент демократии. Все зачатки свобод городских, народных — все это было сломлено. Не сразу, еще в XVII веке кое-что сохранилось, но было сломлено. В общем, на Западе образуется система — рынок плюс демократия (относительная, повторяю), а в России создается система — барщина плюс деспотизм.

Вы уже, наверное, хорошо понимаете, куда я веду. В русской истории бывали случаи, когда деспотизм и барщина ослаблялись, возникал более европейский вариант, а потом были случаи, когда снова наступал этот вариант барщинно-деспотический. Последний яркий случай — Сталин, конечно.

Любому ясно, что положение крестьян в России после 1929 года в общем было много хуже, чем при крепостном праве. Но что касается личной власти Сталина, то заверяю вас, (да вы, наверное, и сами согласны), что ни один русский монарх, ни один, включая Ивана Грозного и Петра Великого, такой личной власти не имел. Несмотря на 400 лет разницы, Сталин и Иван Грозный похожи. Кстати, Сталин это отлично чувствовал — недаром от так любил Ивана Грозного. Были историки, которые критиковали Ивана Грозного, не принимали его абсолютно. Например, Карамзин совершенно его не принимал — зверь и все.

С. Соловьев считал, что все-таки надо найти и хорошие стороны, но главное все-таки тоже — жестокость. И только вот Сталин выдумал теорию, что недостатком была его малая жестокость. Поэтому, когда, сравнивая, говорят: «Во Франции была Варфоломеевская ночь, а в России была опричнина, почти одновременно», то мы отвечаем: «Да, Варфоломеевская ночь была ужасна, но она не уничтожила парламенты, университеты, буржуазные отношения, городские права и так далее. А в России, где и так был очень тонок слой демократии и рынка, опричнина нанесла страшный удар по этой системе и фактически вывела Россию из стран европейского типа. Надолго.»

Дальнейший ход событий известен. На весь XVII век Россия была выведена с пути развития, в то время как Европа бурно прогрессирует. Конечно, Россия по-своему прогрес-

сирует тоже; несомненно, она имеет свою яркую культуру, свою жизнь, но отставание усиливается, что и приводит к необходимости реформ Петра.

Я хочу подчеркнуть одну вещь. Иван Грозный, в основном, действовал сверху: своих опричников напускал на народ, бояр сверху. Петр Великий тоже действовал сверху. Если Иван Грозный — это контрреволюция сверху, то Петр Великий — это революция сверху. Так писали и Герцен, и Пушкин. Мы этого слова «революция» боимся, но сейчас мы перестали его бояться, сейчас мы узнали, что у нас тоже в стране революция происходит, перестройка. Мы сначала писали, что это крутые реформы, потом появился термин «революция»; мирная, бескровная, но революция. Какая у нас сейчас революция? Ну, конечно, сверху. Конечно, пока основные права дарованы. Так вот эта особенность русского развития идет еще с тех времен — от Ивана Грозного, который произвел отрицательные перемены сверху, и Петра Великого, который в начале XVIII века затевает революцию сверху. Свою революцию — удивительную, страшную во многом, спорную (о ней мы спорим и будем спорить), которую мы мало изучаем, кстати. Вот, казалось бы, Петр — такая известная фигура, а недавно читал один крупный знаток лекцию в Москве, в Политехническом музее, и получил записку. Его спросили: «А сколько людей погибло при Петре, какова была цена этих реформ?» Профессор стал говорить, что вообще-то население России увеличилось, потому что присоединили-де Прибалтику и часть Финляндии. Но это, конечно, не корректный ответ. Вопрос ведь о том, сколько стоят реформы? Огромный вопрос. И, если историки этого не знают, то позор. Но все-таки кое-что они знают — еще Милюков этим занимался. Этим занимался и известный историк Квачков в дореволюционное и советское время, этим занимались некоторое время советские историки. Но потом эта тема постепенно вышла из оборота, хотя сейчас ею снова занимается талантливый молодой ленинградский историк Анисимов. В общем-то цифры расходятся. В России было тогда примерно 14 миллионов жителей. Большинство сходится на том, что к концу царствования Петра осталось 12 миллионов. Это не значит, что всех казнили. Нет. Казнили немало, многие погибли на войне со

Швецией, на строительстве Петербурга, но значительная часть просто убежала. Убегали люди, скрывались от властей, от налогов. Это были люди живые, но просто власть не могла их сосчитать. Так или иначе, спорят: одна седьмая населения или одна пятая убыла. В любом случае это немало. Что такое одна седьмая населения? Это сегодня в России около 300 миллионов, это значит то же самое, как если бы сегодня вдруг, не дай Бог, мы бы лишились 40 миллионов человек. Страшная цена! Другой вопрос — надо говорить и о том, что же было достигнуто. Но это второе дело. Нельзя уходить от правды.

Тем не менее, это была революция сверху. И сейчас иногда у нас в стране споры идут о том, какой процент людей, какой процент советского народа в душе голосует за перестройку. Если пригласят к избирательному участку, то все проголосуют. А вот в душе как? Словом, споры идут. Во всяком случае, мы не обольщаемся: часть людей за перестройку, часть против, а большинство народа колеблется и ждет улучшения положения. Всегда так бывает. Но мы как-то задали вопрос сами себе: «А если бы Петр Великий поставил свои реформы на голосование в России, какой бы он процент голосов собрал?». Петр Великий проводил реформы, как писал один русский историк, так: «Дал русскому народу пинка и сказал — идите вперед!». А потом один очень верноподданный писатель, 100 лет спустя, писал с восторгом: «Наш народ послушный. Петр приказал нам быть просвещенными, мы и просветились». Это красиво звучит, ну а как, если прикажет потом обратное?

Казалось бы, чему мы можем сегодня научиться у реформ Петра? Но все-таки можем. То, что наши эпохи не похожи, так это общее место; а вот интересно, что все-таки они во многом схожи. Я вообще верю в то, что существует, так сказать, «историческая генетика»: веками складывается тип развития — английский, французский, итальянский, российский. Как оценить Петра Великого? С одной стороны, барщина не слабеет, а даже усиливается. Казалось бы, это вариант Ивана Грозного, обновленный. Но одновременно открывается окно в Европу, развивается торговля, развивается движение товаров, что уже ведет к варианту более

европейскому. А в политике что происходит? Деспотизм усиливается — Петр Великий окончательно сломал старинные вольности. Но одновременно образуется (пусть и узкий) слой людей чести, дворянства, появляются новые нравственные понятия — опять же европейский вариант. Так что здесь и деспотизм, и какие-то элементы будущей демократии. И барщина — и элементы товарности. При Петре можно найти и линию, которая идет на Сталина, и линию, которая идет на Горбачева.

Итак, революция сверху. Хотел бы сделать несколько замечаний на полях, важных нам сегодня. Во-первых, приятно, что уже была революция сверху. Значит, сегодня не первый раз. И все-таки надо сказать, что в своем роде революция удачная. Можно осуждать Петра, можно его критиковать, но при Петре Первом сформировалась та Россия, которая с определенными изменениями просуществовала 150 лет. Хотя бы потому, что реформы определили жизнь страны на 150 лет (на 5 или даже на 6 поколений), они важны. Это первое.

Второе. Кто проводил реформы? Вот это интересный момент. Казалось бы, до Петра Великого Россия — отсталая, застойная, неграмотная. Но только начались реформы, откуда ни возьмись нашлись реформаторы — птенцы гнезда Петрова знаменитые. Мы знаем их имена: Меншиков, Бутурлин, Ганнибал, Головкин — десятки птенцов гнезда Петрова. Талантливейшие люди. Западные наблюдатели говорили, что в России реформы невозможны, потому что в России нет реформаторов. Неверно. Реформы нужно начать, и реформаторы появляются. Как вы понимаете, я не просто намекаю на наши дни — я прямо говорю об этом. Время «кукишизма», я считаю, прошло. Реформа рождает реформаторов. Нужно начать реформы, появятся люди, которых раньше никто не замечал.

Кроме того, бешеное сопротивление стариков, старины. Под стариками я имею в виду не старых по возрасту людей, а представителей старого. Петру Первому кто сопротивлялся? Часть дворянства и, выражаясь сегодняшним языком, аппарат. Аппарат: боярская дума, приказы. То есть государственный аппарат. Он был жалким и ничтожным по нашим сегодняшним понятиям, но по тогдашним был

ничего. Аппарат сопротивлялся довольно бешено: саботировал, угрожал, по-видимому, устраивал заговоры — делал все, что мог. И методы провокации тоже любопытны, они потом уйдут в будущее, по наследству достанутся следующим реакционерам. Но интересно, как Петр с этим справился. Он создал второй аппарат. Вы никогда не задумывались: что такое Преображенский, Семеновский полки при Петре? Это уже государственная власть, это параллельный аппарат. Сама идея параллельного аппарата, избавления от старого и создания нового, даже отъезда в другую столицу, — это идея, хоть она была осуществлена 250 лет назад, заставляет о многом задуматься сегодня. Не так ли?

Я пропускаю важнейшие события. При Николае Первом опять усиливается деспотизм, демократические элементы подавляются. К середине XIX века снова образовалась ситуация, подобная той, что была перед Петром Великим, — снова огромное, от Европы, поражение в Крымской войне, снова назрели реформы. Мне кажется, если сравнивать с сегодняшним днем, нет более похожих на наши реформы, чем те, которые осуществлялись во время отмены крепостного права, в 1850-60-х годах. Да, еще раз повторю, — это разные общества, но я хочу напомнить прекрасный образ Гегеля о развитии истории по спирали, о том, что каждый следующий виток спирали не повторяет предыдущий, но похож на него. Поэтому мы можем сказать, что наш сегодняшний виток спирали похож на тот, который был после смерти Николая I, в 1860-х годах. Похожесть не случайная, конечно. Сохранились строки некоторых замечательных русских писателей, мыслителей тех лет о том, что же нужно делать стране. Из многих цитат я позволю себе выбрать письмо Михаила Петровича Погодина. Он известный историк, отнюдь не революционер, наоборот, человек весьма умеренных славянофильских взглядов, монархист. Человек он был очень порядочный, честный, не трус. Вот что пишет он царю, новому царю, Александру II: «Ваше Величество, свобода — вот слово, которое должно раздаться на высоте самодержавного русского престола. Простите

наших политических преступников, объявите твердое намерение освободить постепенно крестьян, облегчите цензуру под заглавием любезной для Европы свободы книгопечатания. Относительно внешней политики: объявите систему невмешательства, пусть все народы ведут себя свободно, кто как желает. Ваше Величество, нечего медлить. Надо приниматься за все». Любопытные тексты составлялись 130 лет назад. Как вы сами понимаете, во Франции не очень дожидались объявления доброй воли Людовиком XVI. Как и в Англии. Здесь же, в России, — когда с престола донесся приказ, тогда и началось освобождение. Опять: как только реформы начались, появились реформаторы. То есть нужно начать, и сразу реформаторы появляются — это уже просто формула историческая.

Откуда они появились? Это очень любопытно. Три вида реформаторов мы наблюдаем. Один — это молодежь, которая еще училась в то время в гимназиях и университетах. Молодежь придет потом, через несколько лет. Она будет эти реформы проводить в жизнь: будущие адвокаты знаменитые, деятели судебной реформы, мировые посредники, — все это резерв реформ. А кто мог тогда что-то сделать? Появилось несколько энергичных людей лет 35-40. Это братья Милютины знаменитые, которые проводили военную и крестьянскую реформы, и еще ряд других. Это люди, которые были тогда на средних должностях, и если бы сохранилось прежнее царствование, неизвестно, дослужились бы они до генеральских чинов. А тут вдруг выяснилось, что они многое могут, умеют и хотят. Они быстро пошли вперед. Один начал двигать судебные дела, другой — экономические, третий — военные. Вот эти люди среднего поколения. Но и они тоже ничего бы не сделали, если бы не было третьей группы. Третья группа — это умные старики.

Казалось бы, при Николае I весь его аппарат прогнил. Там сидели ярые крепостники, «черные» министры. Бенкендорф, покойный к этому времени, был еще не из худших. Большинство министров считало, что ничего не надо делать, ровным счетом — ничего. Жили, слава Богу, при крепостном праве, проживем еще. Но вот удивительная фигура — престарелый, семидесяти лет, министр Ланской, Сергей Степанович. Это был страшный крепостник. А он не просто

уговаривал царя Александра II, что надо освободить крестьян, — он ему подкладывал соответствующие документы. Есть основания думать, что он даже сгущал краски, показывая, как плохо живут крестьяне. Сообщая о крестьянских волнениях, он даже преувеличивал, пугал царя. Царь колебался, но не верил. Но Ланской знал дело. Чем можно взять российского крупного руководителя? Часто мнением иностранцев. Увы, это очень часто в российской жизни, что мы сами себе не верим, а верим иностранцу. Поэтому, когда Александр II поехал отдыхать в Германию, то Ланской, еще и Киселев, конечно, Николай Дмитриевич, устроили так, что царю написал письмо знаменитый немецкий экономист барон фон Гакстгаузен. Гакстгаузен написал Александру II письмо, где сказал, что вообще-то, конечно, крестьян надо держать в повиновении, но освободить их сверху для того, чтобы они не освободились снизу. Если грубо сравнивать (я нарочно грубо это делаю, прошу прощения) с нашими сегодняшними задачами, то что здесь общего с задачами, стоявшими перед тогдашней Россией? Ведь освобождение крестьян от крепостного права — это, вроде бы, звучит совершенно несовременно. Но, если сказать об этом несколько иначе — о необходимости коренных экономических реформ, о перестройке экономической структуры, то это уже будет звучать современно. А ведь это вполне относится к понятию освобождения крестьян. Реформа судебная, реформа военная, реформа земско-городская (то есть реформа самоуправления), реформа печати, реформа образования, школ и университетов. Вот что реформировалось в 1860-х годах и вот что реформируется у нас сегодня. То есть, выражаясь сегодняшним языком, происходили одновременные изменения в экономике и демократии. И главное, как писал главный рупор тогдашней свободной мысли, который звучал в то время из Лондона, Александр Иванович Герцен: Россия получила (отчасти в подарок, а отчасти сама взяла) величайшую ценность — гласность.

Любопытно и другое. Сейчас особенно интересно читать Герцена, потому что он писал в Лондоне и не был скован цензурой. И вот, когда читаешь Герцена, то узнаешь многие

черты русского общества, которые очень характерны именно для времени революции сверху. Поэтому они характерны и для того времени, и для нашего. Это непрерывная перемена настроений. Александр II, Ланской и другие то делают шаг влево, то тут же сдвигаются вправо. Сделают какую-то уступку и боятся, как бы она не развилась. Я нарочно приведу сводку высказываний Герцена. В начале 1858 года Герцен в восторге: начались реформы, и он приветствует царя. Через 2 недели он пишет: «Говорят, в комитете засели одни крепостники, — это ужасно, реформы проваливаются». Спустя 2 месяца снова: «Ура! Проект утвержден, все движется влево». Еще через 3 недели: «Государь, проект ужасен! Не подписывайте!» Это нормально. И, как написал тогда один местный деятель: «При прежнем царствовании, когда был застой, нас не очень-то волновали газеты. Мы их и не читали. А при нынешнем — каждый новый поворот в жизни вызывает у нас волнение, может быть, преувеличенное».

И формы сопротивления похожи. И там, и здесь — бешеное противодействие аппарата. Главная форма сопротивления — саботаж. Спускаются указания вниз, и там они глохнут. Затем — такая форма сопротивления, как угрозы. Александр II получал угрозы от дворян, ему напоминали о судьбе его предка Павла I. Все это было.

В конце концов состоялось знаменитое заседание Государственного Совета, где Александр II сказал: «Разрешаю вам голосовать свободно». На заседании Государственного Совета большинство получил царь, но все равно всем было ясно, что, получи царь меньшинство, он бы все равно сказал: «Быть посему». И произошла Крестьянская реформа. Параллельно развернулись реформы другие. Я напомним: печать была освобождена от предварительной цензуры (кроме массовых изданий), университеты получили автономию. Важнейшим законом был закон о земствах. Вот где решалась судьба будущей России. Да, земства — это большой кусочек демократии, это большое завоевание. Но это не просто революция сверху. Сверху — это только до известного предела хорошо, т.к. противоречит все же в широком смысле идеям демократии.

Что можно сказать о реформах 60-х годов? Получились они или нет? Что они дали? Дали, и совсем немало. Был сделан шаг вперед, и это была перестройка с большим элементом удачи. Был заложен ряд демократических структур в политике, рыночные отношения — в экономике. Ограниченно, но все-таки.

В чем была трагедия дальнейшей власти? Не в том, что она дала эти реформы, а в том, что она их не развивала, а реформы нуждаются в развитии. Между тем, царская власть (революция сверху), утомленная и пораженная сама своей уступчивостью, по-видимому, посчитала, что она и так много дала. И это был роковой шаг. В общем, те реформы были неплохой основой для дальнейшего пути вперед.

Затем последовала революция 1905 года (революция снизу), которая была подавлена, а после нее последняя попытка самодержавия, попытка революции сверху — столыпинская. Столыпин хотел решить две задачи: еще больше развить рыночные экономические отношения и изменить политическую структуру. То есть он хотел как раз продлить дальше реформу 1861 года. Даже ярые враги Столыпина, Ленин в частности, признавали, что столыпинская реформа — это второй шаг России по пути к буржуазной монархии (есть такая известная фраза). Первым шагом был 61-й год, второй шаг — Столыпин. За что же его убили? Крайне правые и крайне левые силы удивительно сошлись в уничтожении Столыпина.

Что особенно разозлило противников Столыпина? То, что он не просто хотел создать новую буржуазию, — у него была идея сложных законов, связанных с земством, идея укрепления прав буржуазии в местной власти. Все-таки местная власть, не говоря уже о губернской, принадлежала дворянству. Столыпин же хотел, чтобы дворяне хотя бы в уездах, а там, может быть, и в губерниях, поделились реальной властью с буржуа. Вот этого ему не могли простить. Властью поделиться — нет! Идет 1911 год — Столыпина убьют осенью этого года. И левые силы (эсеры), и дворянские силы через 6 лет будут уничтожены. А они не чувствуют опасности и топят последнюю ситуацию, которая давала им шанс.

Почему я об этом так подробно говорю? Это ведь тоже неудачная попытка революции сверху. То есть — что значит неудачная? Частично удачная, неудачная лишь по тем обстоятельствам.

Есть две ситуации: есть ситуация 1861 года, когда все-таки революция сверху получилась, когда дворянство все-таки уступило, подвинулось и реформы были проведены; и есть ситуация столыпинская, когда аппарат, дворянство оказали бешеное сопротивление и уничтожили реформаторов. Так что есть рассказ о перестройке с хорошим концом и рассказ о перестройке с плохим концом. Все зависит от общего состояния страны, от уровня состояния правящего сословия, класса, аппарата. Конечно, я упрощаю модель.

Таким образом, мы видим четыре или пять (а можно было бы и больше сосчитать) революций и контрреволюций сверху в России до октября 1917 г. Так что то, что у нас сейчас происходит, в разных видах бывало и раньше. Бывали попытки введения деспотизма и барщины, бывали попытки — удачные и неудачные — введения рыночной структуры и демократии. Опыт накоплен. Известно, как ведут себя в этих случаях противники, как ведет себя власть, откуда берутся реформаторы. Есть большой опыт.

А теперь *post scriptum* к моей истории. 1917 год. Уже была новая структура — Советская власть. Ну, и что же? В новой структуре мы опять видим чередование вот этих двух вариантов. Что такое военный коммунизм в первые годы Советской власти? Военный коммунизм — это опять крепкая, недемократическая власть и отсутствие рыночной структуры в экономике: прямые изъятия, продрозверстка и так далее. Потом НЭП, другой вариант. Потом Сталин с новым вариантом деспотизма плюс барщина. Потом Хрущев — попытка идти на уступки по линии экономики и демократии. Потом брежневский период. Сейчас мы присутствуем при очередном существенном витке. Как видим, борьба этих двух моделей, двух вариантов идет постоянно.

Но только, что я хочу заметить? Когда мы говорили о революции сверху, мы говорили о самодержавии. А у нас что же — всегда революция снизу была до этого?

Я хотел бы обратить ваше внимание на одну работу

Ленина, очень откровенную, которая, разумеется, присутствует в полном собрании сочинений В. И. Ленина, но отнюдь не изучается в школах и институтах. В 1919 году Ленин написал статью, которая называется «Учредительное собрание и диктатура пролетариата», где анализируются выборы в Учредительное собрание. Выборы эти были в 1917 году. Были опубликованы таблицы. Ленин не сомневается, что таблицы правильные, и спрашивает: сколько мы, большевики, имели голосов? 25 процентов в России. А меньшевики, эсеры, мелкобуржуазные партии, как он выражается? 62 процента. А кадеты, крупная буржуазия? 13 процентов. И Ленин совершенно откровенно и прямо пишет: да, дескать, с точки зрения нормальной, парламентской, мы не имели права брать власть, потому что 75 процентов не за нас и лишь 25 процентов за нас. Но в России, — говорит он (я, разумеется, не точно цитирую), — механизм другой. Даже во время революции снизу здесь огромно значение механизма сверху. Да, у нас было 25 процентов, — пишет Ленин, — но в Петрограде в тот момент у нас было большинство. В Тамбове, там, или на Северном Кавказе, скажем, было совсем мало голосов за большевиков, но что решает Тамбов? На Бессарабском фронте, на Юго-Западном среди солдат было очень мало большевиков. А в Кронштадте и под Петроградом — большой процент. У нас были в центре, в столицах ударные кулаки, — пишет Ленин. И этого было достаточно, чтобы взять власть. И уж плоха будет та партия, — кончает Ленин статью, — которая, взяв власть, не сможет ее удержать.

Вы видите, что даже самые массовые, казалось бы, классические революции в России всегда имеют «верхний» оттенок — огромное влияние «верхней» инициативы: ударные кулаки, столицы... Одно дело, конечно, — самодержавная власть, другое — советская. Об этой разнице, повторяю, можно много говорить. Интересно, однако, что есть и сходство.

Может быть, я несколько вызывающе назвал свое сообщение «Проблемы и загадки русской истории», поскольку я все время говорю, по сути, об одной, генеральной загадке, сводящейся к вопросу: «Так что же будет?» Есть чередование циклов, и опыт исторический все-таки тоже есть. Он не

абсолютен, он далеко не абсолютен. Но он все-таки есть. Вот это и есть проблема: «Что можно увидеть из прошлого, глядя на нас?»

По окончании доклада Натан Эйдельман ответил на вопросы присутствовавших.

Эйдельман: Мне прислали, наряду со стихами, строчки «Жить не стало лучше, но жить стало веселей». Один мой знакомый, вынимая газету из ящика, говорит: «Читать сейчас много интересней, чем жить».

Вопросы пошли такого типа: «Кто в Политбюро возглавляет консерваторов?». И так далее.

Это немножко далеко от XIX века.

«Что конкретно дал Горбачев?»

Я не могу ответить на этот вопрос не из страха, поверьте мне, а потому, что знаю ничуть не больше вас. Это и есть печальная безгласность. Да, мы знаем, мы читаем, ходят слухи, что, скажем, Лигачев играет там определенную роль. Но я сразу обращаюсь к опыту истории. В России часто бывало известное разделение труда. Скажем, царь обычно должен выглядеть хорошо, а всю дурную сторону берет на себя какой-то министр. Так что иногда можно поставить вопрос: «Что перед нами — противоречие или разделение труда?». Не знаю, увы, не знаю. И плохо, что не знаю. У Николая I был, к примеру, министр для скуловорота, как говорится, и министр для мягких дел. Скажем, Бенкендорф или Чернышев — это были скуловоротные министры. Киселев, Перовский — это был либеральный вариант. Смотря какое действие производится. Это очень любопытный вопрос — о разделении труда. Плохо, что не знаю ответа.

«Что конкретно ожидает Горбачев от XIX партконференции?».

Конкретно — не знаю, а абстрактно, я думаю, — усиления своих позиций.

«Возможен ли дворцовый переворот, как при Хрущеве?»

Возможен, возможен. Я занимался историей Павла I.

Обстоятельства смерти Сталина известны куда меньше, чем обстоятельства смерти Павла I. Это ясно. Ну вот, давайте считать. 1953 год, смерть Сталина, — по-видимому, был заговор. Кроме книги Авторханова, я еще ссылаюсь на Симонова, как раз на те же воспоминания. Симонов — член ЦК. По-видимому, был заговор — раз. Дальше. Июль 1953 года, история с Берией. 1957 год, попытка свержения Хрущева (Молотов, Маленков..., примкнувший к ним Шепилов) — это, значит, уже третий заговор. Неудачный. Хрущев тогда выиграл. Осень 1957 года, свержение Жукова — я не знаю, заговор это или нет, но может быть. Четыре. 1964 год, осень, свержение Хрущева. Реальный заговор. Пять. Дальше. Следующий период — 1982 год. Не знаю, заметили ли вы здесь: когда 10 ноября умер Брежнев, сутки не сообщалось о составе похоронной комиссии, а мы хорошо знаем, что председателем похоронной комиссии, когда умер Сталин, был Хрущев. Председатель похоронной комиссии — это будущий руководитель. Происходил важнейший момент передвижки власти. Это, несомненно, было 10-го, 11-го ноября 1982 года. Это уже шестой заговор. Дальше. Вот Шатров написал в «Огоньке», что в марте 1985 года, когда умер Черненко, тоже была жестокая борьба. Это, значит, седьмой. Если шесть или семь заговоров у нас было с марта 1953-го (мне, как специалисту по заговорам, это любопытно, конечно, но материалов мало), то, конечно, возможность и сейчас есть. И чем демократизация, даже частичная, последовательнее, тем менее вероятен этот вариант. Общая схема, несомненно, работает. Но как это пойдет?..

«Почему такие люди, как Афанасьев, Карякин, Шатров, Виноградов не осмеливаются выступить в защиту Паруйра Айриkyяна, совершенно невинного?»

Почему не осмеливаются? Я про себя говорю. Для подобного выступления нужны более подробные данные, а позицию свою, и по армянскому вопросу вообще и по конкретному вопросу, я не скрываю. Я не считаю себя политической фигурой, которая делает запросы в парламенте, которого у нас, в сущности, нет.

Меня спрашивают: «Москва всегда, рано или поздно, делала вольных людей носителями своей воли. Не сделала ли

из Вас такого носителя?»

То есть, грубо говоря: не являюсь ли я агентом, что ли, перестройки? На это я отвечу любезной моему сердцу формулой Герцена, который был, так сказать, не мне чета и имел возможность богатейшего выбора, но который тем не менее приветствовал реформы Александра II (я не думаю, что это была ошибка). Так вот Герцен произнес знаменитую формулу, которая, мне кажется, верна всегда: «Мы идем с тем, кто освобождает, пока он освобождает».

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся 4-12 июля 1928 г., решительно осудил перегибы при хлебозаготовках (практику обхода дворов, закрытия рынков и т. п.), подтвердил верность НЭПу. Все резолюции были выдержаны в умеренном духе группы Бухарина, Рыкова, Томского, а слухи о разногласиях в Политбюро были решительно опровергнуты. Всё это, казалось бы, свидетельствовало о внушительной победе бухаринцев (правыми их начнут называть довольно скоро — осенью того же года). Так это и воспринял наблюдавший за событиями из далекой Алматы Лев Троцкий. 22 июля 1928 года он пишет в статье «Июльский пленум и правая опасность»:

«Не надо никакой „паники“, будем строить, как строили, — проповедуют правые Иудушки, усыпляя рабочих и мобилизуя собственников, т.е. готовя термидор... Правое крыло есть тот крюк, за который тянут враждебные классы... Рыков открыто приступает к сдаче Октябрьской революции враждебным классам. Сталин переминается с ноги на ногу, отступает перед Рыковым и бьет по левым. Бухарин запутывает сознание партии паутиной реакционной схоластики» (см. «Форум» N 11, 1985).

Как показали дальнейшие события, июльский пленум 1928 года вовсе не был решительной победой правых. Это был их последний шанс дать бой — шанс, которым они не воспользовались.

Отказавшись от конфронтации, подписав вместе со сталинцами единодушные резолюции, Бухарин и К⁰ не оповестили партию о том, что Сталин ответственен за принудительные заготовки, о том, что страна приближается под его руководством к катастрофе. Лев Каменев, видевший Бухарина 11 июля, свидетельствует, что Бухарин разрывался между желанием дать бой и опасениями, что в случае поражения его назовут раскольником.

По свидетельству историков, правые хотели на пленуме провести решительную перестановку — убрать Сталина и

Молотова, но изменил их сторонник Калинин и против раскола выступили прежде колебавшиеся Ворошилов, Рудзутак, Куйбышев. На пленуме отказались от поддержки требования организационных перемен делегация Украины (которую Сталин купил, убрав из Харькова Кагановича) и делегация Ленинграда.

Но до голосования по организационным вопросам дело не дошло. Бухаринцы отступили, победив в резолюциях, сохраняя статус кво в распределении портфелей и ... предчувствуя скорое поражение.

В записи Каменевым беседы с Бухариным есть слова:

«В общем впечатление скорее обреченности. Его выражение: не есть ли вся наша «буза» — онанизм. Иногда я говорю Ефиму (Цейтлин — секретарь Бухарина): не безнадежны ли наши дела? 1. Если страна гибнет — мы гибнем. 2. Если страна выкручивается, С(талин) вовремя поворачивает, и мы тоже гибнем. Что делать? Что делать, когда имеешь дело с таким противником: Чингисханом» («Обозрение» N 18, январь 1986).

Отказавшись сделать единственно возможное — дасть бой и противопоставить сталинским методам свою программу сохранения НЭПа, правые в течение нескольких последующих месяцев растеряли все свои важнейшие посты, позиции в печати и аппарате, а затем и большинство своих последователей.

В свете случившегося особенный интерес представляет речь Бухарина на Пленуме ЦК 11 июля, как раз перед беседой с Каменевым о безнадежности борьбы с «Чингисханом». Бухарин выступал, когда решение о сохранении внешнего единства Политбюро уже было принято, а резолюции, составленные правыми, предложены от имени сталинской группы. Он выступал вслед за Сталиным, заявившим, что никакой «размычки» с крестьянством нет, напротив, наблюдается расширение посевов (это не соответствовало действительности, но Сталина никто не схватил за руку). Выход из кризиса Сталин видел в организации колхозов и совхозов, создании хлебных резервов, использовании «чрезвычайных мер, если потребуются». Речь Бухарина ни в какой степени не является ответом Сталину.

Обращают на себя внимание три ссылки на утверждения его главного оппонента («как сказал Сталин»), призванные продемонстрировать скорее всего наличие мира в Политбюро и уважение к генеральному секретарю. (Сталин ссылается в своих речах только на Ленина.)

Характерно также, что решительно настаивая на полном прекращении «чрезвычайных мер» в будущем, Бухарин отказывается осудить их применение в прошлом: не надо, мол, развивать кампании против «теории просчетов», «задним числом давать отбой — это ни к чему не приведет». Бухарин дезавуирует и письмо заместителя министра финансов Фрумкина, хотя там четко изложена реальная ситуация в деревне.

Наконец, и это самое главное, Бухарин не только не возражает против решительного наступления на кулака, он его активно приветствует, предупреждая только против повышенного давления на середняка.

Совершенно очевидно, что эта позиция выдачи с головой кулака крайне уязвима. Практика предыдущих и последующих лет показала, что ни деревня, ни партийный аппарат не могли реально различить не только кулака и середняка, но даже кулака и бедняка, нанимающего пахаря с лошадей (ведь собственной лошади у бедняка нет, а аренда лошадей была практически невозможна). Бухарин-теоретик не сделал ничего для решения этой насущной проблемы: определения, кто такие кулаки.

Давление на кулака неизбежно превращалось в наступление на рядового работающего крестьянина, а следовательно, вело и к общему падению производства. Прекращение чрезвычайных мер само по себе не обеспечивало подъема сельского хозяйства, если при этом сохранялся лозунг повышенного давления на кулака. Падение же производства неизбежно вело к новым экстраординарным мерам при заготовках, — чтобы хоть как-то обеспечить город. Возникал порочный замкнутый круг. Иными словами, Бухарин, как он правильно сказал Ворошилову, не имел «панацеи». Его путь вел на дорогу Сталина, выполнявшего, как уже хорошо известно, программу Троцкого.

РЕЧЬ НА ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП[б] 11. 7. 1928 г.

БУХАРИН: Товарищи, я хотел бы в своей речи затронуть не только вопросы, непосредственно связанные с хлебозаготовками, но и некоторые общие вопросы нашей хозяйственной политики. Мне кажется, что, обсуждая вопросы, связанные с хлебозаготовками, мы по сути дела, быть может не вполне это сознавая, подводим известный баланс нашей работе за определенный, качественно новый период времени. Мы живем, как уже давно всем известно, в реконструктивный период, и вопрос о хлебозаготовках по сути дела разрешается в вопрос о том, хорошо ли мы оказались приспособленными к решению задач реконструктивного периода.

Подводя итоги нашей работе за время с конца восстановительного периода, следовательно, за первые шаги периода реконструктивизма (в скобках замечу, что я хорошо понимаю условность этих границ), мы можем констатировать громадное завоевание, которое сделало Советское государство. Эти огромные достижения идут по целому ряду самых различных направлений. Не подлежит никакому сомнению, что мы в области технической реорганизации, несмотря на все пробелы и ошибки, сделали все же большое продвижение вперед. Не подлежит никакому сомнению, что, с точки зрения роста производительных сил и развития социалистического сектора хозяйства, мы можем отметить самые несомненные и значительные успехи. Не подлежит никакому сомнению, далее, что, с точки зрения социалистической базы под сельское хозяйство, мы вошли в полосу (которую никак нельзя недооценивать) гораздо более быстрого развития общественных и коллективных норм в нашем сельском хозяйстве. Наконец точно также не подлежит никакому сомнению то обстоятельство, что и в смысле подготовки кадрового состава нашего людского аппарата мы точно также имеем что сказать в свое

оправдание перед всемирной историей. Но, товарищи, наряду с этим (и мне кажется, это-то и составляет специфическую особенность момента), наряду с несомненным продвижением вперед и с огромным положительным балансом, который мы можем зачислить в своей исторический счет, опыт реконструктивного периода, вернее того отрезка реконструктивного периода, который мы уже имеем за своей спиной, обнаруживает такие огромные, зияющие дыры, такие провалы, которые ставят перед нами целый ряд серьезных проблем общехозяйственной политики. Когда мы вступили в реконструктивный период, партия написала в своих решениях, на своем знамени (партия это подчеркнула) пароль: «Хозяйство с резервами». Если вы посмотрите на решения наших съездов и пленумов ЦК в связи с внешней обстановкой, вы увидите, что мы все ставили своей задачей хозяйствовать с резервами: валютными, товарными, хлебными и золотыми. Мы этой основной директивы не выполнили, и мы в этом отношении находимся в крайне тяжелом положении...

ГОЛОСА: Верно.

БУХАРИН: Недооценивать этого мы никак не можем, в особенности, если мы будем иметь перед собой большую вероятность крупных внешних осложнений. Это, мне кажется, товарищи, тема, на которой не нужно останавливаться, чтобы ее популяризировать. Она настолько бьет в нос, что пара каких-нибудь цифр нашей задолженности и нашего уменьшения золотых запасов плюс сравнение с колоссально быстрым накоплением золотых запасов западноевропейских стран, в первую очередь Германии, вполне достаточно для общей оценки положения на этом фронте. Затруднения, связанные с невыполнением директив насчет резервов, сокращение хлебного экспорта, крупные провалы в нашем капитальном строительстве, которые всем нам хорошо известны и за которые все мы несем ответственность, сплачивание контрреволюционных сил на этой базе против нас и крупнейшие провалы в деле хлебозаготовок, что составляет предмет, политическое ядро обсуждения хозяйственных вопросов на данном пленуме, — все это сигнализирует нам какие-то общие задачи, касающиеся нашей хозяйственной политики. Я хочу поставить со всей

откровенностью и честностью перед самим собою такого рода проблему: не вытекают ли огромные колебания и трудности такого масштаба из самой сути, из самой природы реконструктивного периода, не являются ли эти трудности общим законом нашего развития в реконструктивный период, не навязано ли это самим ходом вещей, от чего мы ни при каких условиях не можем избавиться? Я лично даю отрицательный ответ. Эти трудности вовсе не вытекают непосредственно из общих условий реконструктивного периода. Если мы хотим догнать Западную Европу, — а мы этого хотим, — если мы хотим усилить темп накопления социалистической промышленности, — а мы этого хотим, — если мы примем во внимание общую нашу хозяйственную отсталость, нашу нищету, то совершенно понятно, что из всего этого вытекают огромные трудности для нашего строительства. Мы хотим сразу решить ряд больших задач: максимальное накопление в социалистической индустрии, максимальный подъем в сельском хозяйстве, максимум потребления рабочего класса и трудящихся масс вообще, максимум их подъема и т. д. Эти задачи одновременно неразрешимы. Мы их решаем частично, делая крен то в одну, то в другую сторону, противореча себе. Мы движемся все время в противоречиях. Само собою разумеется, что такого рода трудности действительно лежат в природе нашего реконструктивного периода. Я обращаю ваше внимание, например, на такой любопытный факт, что мы жалуемся на хозяйственную диспропорцию то с одного конца, то с другого.

ВОРОШИЛОВ: Давай твою панацею.

БУХАРИН: Панацею давать я не хочу, а ты меня, пожалуйста, не дразни. Я хочу сказать, что реконструктивный период совершенно естественно вызывает ряд осложнений и трудностей, но вместе с тем для меня не представляет никакого сомнения, что трудности трудностям рознь; что трудности такого порядка, которые бы влекли за собою обязательно, говоря формулировкой т. Сталина во вчерашней речи, угрозу смычке с крестьянством, что такого рода трудности не вытекают обязательно из характера реконструктивного периода. И мне кажется, что когда Ленин оставлял нам свое политическое завещание (он, конечно,

отлично понимал, что мы вступим когда-нибудь в реконструктивный период), то он совершенно точно формулировал границы тех трудностей, которые допустимы для нас и которые могут иметь место в ходе нашего исторического развития. Ильич писал: «Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен, но в нашем социалистическом строе не заложены с необходимостью основания такого раскола, и главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, состоит в том, чтобы следить за обстоятельствами (следить за обстоятельствами! — Н. Б.), из которых вытечет раскол, и предупреждать их».

Когда, беря формулировку т. Сталина, мы говорим теперь: «У нас есть угроза смычке», — подходит ли это под категорию обстоятельств, из которых может вытечь раскол? Конечно, подходит. Угроза смычке есть обстоятельство, из которого может вытечь раскол. Но Ленин писал, что главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, заключается в том, чтобы не допустить возрастания этих разногласий до степени серьезных классовых разногласий, т. е. до таких разногласий, которые могут вызвать угрозу смычке. И если мы сейчас говорим, что есть известная угроза смычке, то совершенно естественно, что и здесь классовые разногласия начинают перерастать количественно в такие классовые разногласия, из которых может проистечь раскол. Задача нашей партии, согласно политического завещания Ленина, заключается в том, чтобы следить за этим и предупреждать это.

Если бы мы оценивали дело иначе, то есть, если бы мы считали, что сама природа реконструктивного периода ведет с неизбежностью к такого рода социально-политическим потрясениям, которые вызывают угрозу смычке, мы неизбежно пришли бы к такой теории, которую формулировал когда-то Троцкий, а именно, что в ходе развития неизбежны столкновения между пролетариатом и крестьянством, и погибла бы пролетарская диктатура, если не будет государственной помощи западноевропейского пролетариата, следовательно на вопрос относительно того, вступили ли мы в период больших осложнений и трудностей, которые могут вызвать, в особенности в условиях разнообразных

наших просчетов, ошибок и пр., известные колебания (а в известной мере наши просчеты и пр. тоже неизбежны, потому что мы не всеведущи, и наши ошибки—это есть накладной расход нашего собственного обучения), [отвечаю:] такие колебания не исключены.

ВОРОШИЛОВ: Когда обучитесь, тоже будете ошибаться.

БУХАРИН: Но с другой стороны, такого рода трудности, которые приводят к постоянному воспроизводству угрозы смычке, не лежат объективно и неизбежно в природе реконструктивного периода.

Я, товарищи, обращаю ваше внимание еще на другое положение Ленина, которое целый ряд товарищей выдвигали на последних наших партийных собраниях и, если не ошибаюсь, на XV съезде об этом говорил ряд ораторов, а именно положение, что нам недостает культуры и умения управлять.

ВОРОШИЛОВ: Вот это правильно.

БУХАРИН: Недавно один выдающийся немецкий профессор поместил огромную статью относительно Советского Союза. Он писал про нас, большевиков: «Замечательнейшие, первоклассные политики, прекрасные политические стратеги, великолепные агитаторы, прекрасные учителя того, как нужно переделывать людей; но у них нет хозяйственной тренировки, нет хозяйственной культуры. Несмотря на то, что десять-двадцать тысяч большевиков, стоящих на хозяйственном фронте, прямо-таки погибают и изнывают в работе, они не имеют еще достаточного хозяйственного и культурного тренажа».

Эта характеристика не так далека от истины. И вот я считаю, что если с этой точки зрения подойдем к итоговому балансу нашей хозяйственной политики, то вряд ли сейчас правильно, и тактически и политически, развивать целую кампанию против так называемой «теории просчетов». На прошлом пленуме т. Микоян в своем докладе говорил: «Я считаю во всяком случае возможным прямо утверждать, что две трети причин этих затруднений могли быть устранены нами, если бы своевременно по линии экономического руководства и по линии организационной нами приняты были все меры».

МИКОЯН: Говоря о специфической причине затруднений текущего года, — правильно.

БУХАРИН: В решениях апрельского пленума, которые никем еще не отменены, говорится, что причины этих затруднений связаны с трудностями быстрой подготовки страны, индустриализации страны и с ошибками планового хозяйственного руководства и т. д. Это абсолютно верно.

Я целиком разделяю такого рода постановку вопроса, что хлебозаготовительные затруднения раскрыли перед нами во всей остроте двоякого рода затруднения и поставили двоякого рода задачи.

Во-первых, затруднения общего характера, которым соответствуют общие перспективные задачи, требующие от нас твердой генеральной установки на ряд лет.

Во-вторых, затруднения специфические, при этом как раз острого характера, которые характеризуют существо т. наз. текущего момента, которые требуют от нас специфических ответов (отмена чрезвычайных мер и т. д.). Разумеется, эти проблемы непосредственно связаны с вопросами классовой борьбы.

Но когда мы анализируем специфические причины нашего кризиса, то делается ясным, что из общей причины мы не можем объяснить резкого и судорожного потрясения, которое испытала наша хозяйственная система в текущем году. В прошлом году мы вывезли хлеба на 277 миллионов и всех накормили, в этом году мы не только ничего не вывезли, но испытываем жесточайшие признаки недопотребления в целом ряде районов. Ясное дело, что за один год кулак не мог вырасти в такую силу, за один год не мог совершиться такой процесс дробления, чтобы вызвать такое быстрое кризисное потрясение всей нашей экономики. Именно поэтому резолюция и ставит вопрос о специфических причинах, которые превратили возможные затруднения, основанные на общих наших недостатках, на общей нашей отсталости и дробности, в реальность. Из *возможности* кулацкого наступления эти причины сделались *реальностью*, и кулак мог повести за собою другие слои крестьянства именно в силу этих особых, добавочных, специфических причин. В прошлом году в среднем, если учесть хлебозаготовки, когда частник платил цены выше наших, в общем цена хлеба для мужика была

выше, чем в этом году. В прошлом году налог не мог быть заплачен техническими культурами, а в этом году был заплачен техническими культурами. В прошлом году не было такой суммы добавочных денег на благоустройство, как в этом году. Теперь зерно было поставлено в совершенно исключительное, чрезвычайно неблагоприятное положение на хлебном рынке.

Именно поэтому стимул для продажи хлеба был крайне понижен, именно поэтому как раз в данном году кулак смог повести за собою (на вопросе о ценах на хлеб) известные слои деревни. Именно поэтому в этом году на зерне мы испытали потрясение нашего хозяйственного организма. Следовательно, главнейшим вопросом, который здесь играет роль, является вопрос о ценах. Неправильно преуменьшать значение именно этого фактора. Не совсем правильно как раз для данного случая рассуждать таким образом, что цены вообще играют ограниченную роль, что у нас не капиталистическое хозяйство, что у нас пролетарская диктатура. Вообще цены в значительной мере не играют роли регулятора производства, и не имеют такого решающего значения. Это так и не так. Конечно, внутри нашего государственного круга цена или форма стоимости является известной фикцией, если хотите. Это есть наш счетный метод, а не выражение анархического хозяйства. Это все верно, но в соотношении между нами и мелким крестьянским кругом, когда рыночные отношения являются решающими (мы все здесь единым фронтом сражались против т. Осинского и отчасти против т. Варги и других), — там категория цен является решающей, там не может быть, чтобы цена не являлась регулятором производства. Неправильно также думать, что будто в условиях совершенно планового хозяйства, где формы цены вообще нет, можно было «назначать» какие угодно пропорции между различными отраслями производства. Это тоже неправильно. Если какая-нибудь отрасль производства, будь то сельское хозяйство, промышленность или отдельная ветвь этих крупных подразделений, систематически отдавала бы много больше труда, чем она получала бы, если бы она не покрывала бы своих трудовых издержек, то это отрасль производства вынуждена была бы сжаться. В том обществе не будет

никакого рынка, не будет никакой цены. Но из этого вообще не следует, что плановое руководство коммунистического общества может как угодно относиться к данной отрасли производства. Если ее «обидеть», она перестанет развиваться. Закон цен умирает, но остается закон пропорциональных трудовых затрат. Если это какая-нибудь отрасль производства не получает достаточного питания от совместного хозяйственного организма, она хиреет. Из этого закона выскочить никак нельзя. И поэтому, оставя в стороне весьма ученый спор о соотношении между ценой и ценностью, о перерастании цены во что-то другое и т. д., все-таки нужно сказать: если какая-нибудь отрасль производства «обижена» с точки зрения распределения резервов, она неизбежно идет назад. У нас распределение совокупных наших сил идет, главным образом, по двум каналам: через политику цен и через политику налогов, как всем нам хорошо известно. Несмотря на то, что правильная статистика — элементарная предпосылка для правильной хозяйственной политики, достать нужные цифры очень трудно. Руководство хозяйственной политикой опиралось на совершенно странные показания наших статистических ведомств. Я навел справки по вопросу о ценах на зерно. О некоторых цифрах, которые я получил из Госплана СССР, из ЦСУ и т. д., можно сказать, что они говорят о каком-то сумасшедшем доме. Одна только надежда, что они не совсем правильны. Речь идет именно о ценах. Я пошел очень простым путем. У нас один из самых благополучных районов по хлебу — это Сев. Кавказ. Я просмотрел цифры по Кавказу, с точки зрения того, что будет, если мы вычислим доход, т. е. деньги, выручаемые крестьянином не только с пуда пшеницы, но и с десятины. Если верно то, что я получил (ответственности за цифры я не беру), тогда нужно удивляться, каким образом те затруднения, которые мы имеем сейчас, не произошли раньше. Цифры, которые я получил по Сев. Кавказу, гласят следующее:

Валовой сбор пшеницы с десятины в 25-26 г. составлял 69,9 пудов. В 26-27 г. — 37,9. В 27-28 г. — 39,8.

ШУМ, ГОЛОСА: «Не может быть!».

БУХАРИН: Да, да.

ГОЛОС: Цифры правильные, там три года был неурожай.

БУХАРИН: Я взял для проверки другие цифры справочника ЦСУ. Цифры, за маленькими отклонениями, сходятся. Так вот, товарищи, если посмотреть, как реагировали мы на такое положение, то оказывается, что реагировали таким образом, что при сборе с десятины 69,9 пудов, крестьянин получил за пуд 115 копеек, а при сборе в 37,9 пудов, цена пала чуть ли не на целый гривенник — рубль 2 копейки. Если мы посмотрим и поставим вопрос, как снизилась выручка крестьянина за эти годы, если перемножить эти цифры выручки и вычесть то, что он затратил на семена, то окажется, что в 25 году он выручал с десятины 72 рубля, в 26 г. — 32 рубля, а в 27-28 г. — 24 рубля.

ГОЛОС: По льну тоже так.

ОСИНСКИЙ: С американским фермером так всегда бывает.

ВОРОШИЛОВ: А ты должен знать, ты — докладчик.

БУХАРИН: Я очень хорошо знаю, что если вы повышаете цены в какомнибудь одном районе, то это имеет последствия для других районов. Поэтому было бы совершенной дикостью исходить из указаний одного района, по одному району выравнивать цены. Но мы исходим из того, что мы все же по районам варьировать должны. И товарищ Микоян говорил в своем докладе, что, если мы будем повышать цены, мы должны варьировать по районам в связи с конкретным положением вещей, которое в данном районе имеется. Мы этого не делали. Поэтому абсолютно правильна настойчивость, с которой товарищи говорят о ценах. Естественно, при таком положении зерна, когда мы взяли на себя почти с самого начала чересчур много объектов снабжения со стороны государственного аппарата, естественно, мы вынуждены были прибегнуть к чрезвычайным мерам. Сейчас не должно быть вопроса о каком бы то ни было покаянном тоне по отношению к чрезвычайным мерам. Застигнутые врасплох, мы должны были к ним прибегнуть. Мы стояли перед проблемой: или остановить фабрики, или хлеб брать (в значительной степени именно не покупать, а брать).

ГОЛОС: Неверно.

БУХАРИН: А по-моему, это верно. У нас не было никакого другого выхода и задним числом сейчас давать отбой, это ни к чему не приведет. Мы могли прибегнуть к другим рецептам, если бы подумали гораздо раньше об этом, на несколько месяцев раньше. Но после XV съезда, когда было упущено время для всякого другого маневра, у нас не было никакого другого выхода.

ГОЛОС: Правильно.

БУХАРИН: Это нужно сказать полным голосом, никакой здесь ревизии не может быть допущено. Но мне кажется вообще, что напрасно переносить в эту плоскость центр нашей дискуссии. Не в этом центр вопроса сейчас, не в нашем прошлом, а в нашем настоящем. И тут мы должны спросить у себя: что является тем политическим звеном, за которое пленум должен ухватиться сейчас? Политический смысл — снятие чрезвычайных мер. Поэтому совершенно понятно, что когда люди приходят и предлагают такую резолюцию, которую предлагает Политбюро, они в первую очередь должны мотивировать снятие чрезвычайных мер. Мы сейчас говорим: снять чрезвычайные меры, которые исторически оправданы, к которым мы совершенно правильно прибегли. Мы должны снять эти чрезвычайные меры, потому что они переросли сами себя, потому что они изжили себя исторически, они хозяйственно нам больше почти что ничего не дают, они хозяйственно, если и имеют какой-нибудь результат, то результат этот состоит в усилении тех тенденций, еще не очень больших, но растущих, которые ведут в сторону военного коммунизма (переход на карточки, исчезновение продуктов первой необходимости и целый ряд других авоматически развивающихся явлений). С другой стороны, политически они дают чрезвычайно резкий, большой, но, к сожалению, отрицательный эффект, ссоря нас с более широкими кругами крестьянства.

Я абсолютно согласен с тем, что вопрос о хлебных ценах должен быть поставлен со всей остротой. Этот вопрос в первую очередь сводится к проблеме наших отношений со средним крестьянством. Когда Ильич писал свое завещание о необходимости беречь наш союз с крестьянством и при этом не упоминал о кулаке, то ясное дело, что он делал это вовсе не потому, что «не видел» кулацкой опасности, а

потому, что он считал, что важнейшей проблемой является вопрос о середняке, который в значительной мере разрешает вопрос о победоносной борьбе с кулачеством. И когда мы сейчас говорим: нам нужно проанализировать классы, классовое соотношение, мы, конечно, прежде всего должны поставить вопрос о том, что случилось за это время между пролетарской властью и середняцким крестьянством. Я должен здесь в первую очередь реабилитировать письма, против которых здесь выступали некоторые товарищи.

КОСИОР: Нельзя только на основании писем судить о положении.

БУХАРИН: Это, конечно, верно, но преуменьшать значение писем совсем не гоже. Возьмем любого «руководящего работника», которому редко приходится бывать на местах, а к числу таких принадлежит огромное большинство. Как мы можем узнать положение вещей иначе, как через сведения, которые нам передаются через этих самых рабкоров, селькоров, и военкоров, которые действуют в самой гуще массы. Если мы заткнем ухо по отношению к тому, что доходит к нам из глубины масс, мы обнаружим бюрократический дефект. И так мы затрепаны до чертиков работой, не видим живого человека, видимся только друг с другом и то не всегда. Мы очень сильно оторвались физически от масс, и для того, чтобы нам больше от них не отрываться, нам нужны какие-то многочисленные провода, которые бы доносили до наших ушей то, что делается в глубине масс.

Товарищи, которые собрались со всех концов нашего Союза, чрезвычайно мало говорили о фактах. Факты нужно приводить.

ВАРЕЙКИС: Мы их знаем.

БУХАРИН: Ты знаешь, что у тебя под носом, но не знаешь, что есть в других местах всего Союза.

ПОСТЫШЕВ: Пишут же нам о настроениях.

БУХАРИН: Мы должны ответить на вопрос о том, что происходит, на основании известных фактов. Мы, безусловно, имели перед собою волну массового недовольства. Около 150 выступлений из ряда мест нашего Союза, на Украине, на Северном Кавказе и т. д.

ВОРОШИЛОВ: На одной шестой части земной поверхности.

БУХАРИН: Мы знаем целый ряд, несколько десятков различных террористических актов. Да вот, товарищ Эйхе заявил, что улучшение положения он видит в том, чтобы меньше стреляли в наших товарищей. Мы имеем мятеж или бунт в Семипалатинске, мы имели погромчик на ленинградской и московской биржах, мы имели восстание в Кабарде и целом ряде других мест.

СКРЫПНИК: Все это было и в прошлом году, только теперь острее.

БУХАРИН: Не совсем так было в прошлом году. Потому что в прошлом году не было того, что было сказано на пленуме ЦК Украины. Позвольте мне привести выдержку из некоторых выступлений. Например, Бадеев говорит: «Мы имеем большущее политическое осложнение среди крестьянства..., нам приходится встречать единый фронт села против нас. Это не шутка для нас. Это надо учитывать. Если нам после всех этих ошибок придется полезть на чердаки, то нас с чердака спустят». Разве хоть один товарищ говорил в прошлом году что-нибудь подобное? Товарищ Сапов: «Мы имели, примерно, массовых выступлений до 50-ти в своем округе, имели крестьянскую демонстрацию в городе. Везде и всюду на основании самых точных, самых объективных и проверенных документов мы установили, что руководство везде и всюду принадлежало кулаку». Были ли в прошлом году крестьянские демонстрации в городе?

ГОЛОС: Первого мая.

БУХАРИН: Товарищ Чернявский: «Мы имеем такое положение, когда беднота в своих демонстрациях в городе идет не к представителям Советской власти, а идет к рабочим — своим шефам на предприятиях». Тут же т. Чернявский говорит: «Мы имеем выступление старых партизан-революционеров, когда они приходят к Советской власти, к военкому и заявляют: «Что, дадите нам хлеба? Мы Советскую власть завоевали, мы можем ее и отвоевать». Это, товарищи, не один факт. В Одесском округе это массовое явление.

КАГАНОВИЧ: Там и другие речи были. Надо и те речи цитировать.

БУХАРИН: Там были и другие речи, но я и не считаю, что это есть правильная оценка положения. Но если на пленуме ЦК одной из братских партий, входящих в состав нашей партии, раздаются такие речи, то это все-таки кое-что симптоматизирует.

СТЕЦКИЙ: А генеральный секретарь т. Каганович приезжает сюда и ничего нам об этом не говорит.

КАГАНОВИЧ: Дайте мне два часа, как т. Бухарину, и я вам все расскажу и речи процитирую.

КОСИОР: Стецкому из Ленинграда дальше всех видно.

БУХАРИН: Я говорю, что все-таки нельзя сказать, что в прошлом году были такие речи. Владимир Ильич никогда не требовал, чтобы замалчивались факты. Факты нужно знать наперед, и каждый такой факт регулировать.

ВОРОШИЛОВ: Кем это отрицается, кого ты убеждаешь?

БУХАРИН: Я не знаю, кем это отрицается, но знаю, что сам я узнал об этом только вчера.

ВОРОШИЛОВ: А я от тебя знал это полтора месяца тому назад. Ты же меня информировал.

БУХАРИН: Я тебя информировал по части того, что узнал. Специально для этого дела потребовалось, чтобы я два дня в ГПУ просидел.

ВОРОШИЛОВ: Я об этом знал по долгу службы.

КОСИОР: За что вы его посадили в ГПУ? (Смех.)

МЕНЖИНСКИЙ: За паникерство. (Смех)

БУХАРИН: Так вот, если мы поставим перед собою вопрос относительно нашего теперешнего положения, можно ли оценивать наше теперешнее положение таким образом, что мы имеем перед собой два звонка, а третий на очереди...

КОСИОР: Третьего звонка у нас вообще не бывает.

ГОЛОС: Третий звонок отменен на железной дороге.

БУХАРИН: Мне кажется, что такая оценка неправильна, но можно ли было бы сказать, что у нас реальная угроза смычке между рабочим классом и крестьянством? Можно, и мы должны исходить из констатирования этого факта.

МОЛОТОВ: При продолжении чрезвычайных мер.

БУХАРИН: При дальнейшем продолжении чрезвычайных мер, это верно. Т. е. угроза сейчас есть, и если бы мы

продолжали сейчас чрезвычайные меры, то угроза росла бы. Поэтому мы чрезвычайные меры сейчас снимаем.

ГОЛОС: Иногда не снимаем. (Шум)

БУХАРИН: Погодите, я вам отвечу на все.

ВОРОШИЛОВ: Ты часа на три зарядил, как видно, недаром перенесли твое слово.

БУХАРИН: Нужно исходить из того, что, когда мы в период прежнего времени применяли чрезвычайные меры, мы имели действительно процесс известного перерастания чрезвычайных мер в то, что можно назвать «тенденцией в сторону военного коммунизма». Этого скрывать нельзя. Мы только что во время программной дискуссии определили военный коммунизм, как систему, которая ставит своей целью рациональное потребление при урезке индивидуалистического стимула мелкого производителя, при реквизициях, конфискациях и пр. Не стоит говорить, что такие элементы в нашей теперешней системе есть, что мы не могли бы развиваться при продолжении системы чрезвычайных мер. Это было бы системой военного коммунизма, но, во-первых, без войны, во-вторых, когда «земельный» аргумент для мужика исчез. Когда мы прибегали к военнокоммунистическим предприятиям в прошлые годы, у нас было, до известной степени, равенство в нищете, т. е. кадровый состав наших работников точно так же сидел на пайке, а когда сейчас вводится карточная система, то бытовые, потребительские и всякие иные условия различны, т. к. те, которые вводят карточную систему, сами на пайке не сидят.

ГОЛОС: Можно посадить.

БУХАРИН: Я говорю сейчас о том, что есть. Эта история чревата очень крупными социальными опасностями, и это нужно иметь в виду. А результат какой? Подытоживая то, что у нас есть, мы говорим: чрезвычайные меры изжили себя. Их действие превращается в собственную противоположность. Но перед нами уже стоит вопрос насчет перспектив, и этот вопрос потруднее. И вот, первым предложением, которое выражено в известном письме Фрумкина и которое подкреплено целым рядом других документов...

РУДЗУТАК: Подкреплено, но не подтверждено.

БУХАРИН: Сталин читал один документ и мог бы

прочитать целый ряд других, например, письмо Яковенко, оно выражает собою целую большую систему взглядов. Это чревато большими опасностями с точки зрения расположения классовых сил в нашей стране. Оно чревато большими опасностями не потому, что существует ряд товарищей, дающих такие-то и такие-то формулировки, а потому, что сила инерции (хвост, который в этом направлении развивается) — это не наши классовые резервы. Дать какой-нибудь малейший повод в стране, скажем, к отмене нашей избирательной инструкции, — это значит мобилизовать в еще большей степени кулацкую стихию против нас, мелкую буржуазию целого ряда городов, среднюю буржуазию прослойки и т. п.

Резервы этих сил постоянно очень велики, и малейшее колебание по этому вопросу в рядах нашей партии имеет непропорционально огромное политическое значение. Стоит сделать намек насчет политических прав кулака и пр., как сейчас внутри партии могут вздыбиться огромные силы, и абсолютно правильно сомкнутым строем бороться против этой опасности. Вопрос относительно возврата к XIV съезду — это не есть такой большой вопрос. Лозунг возврата к XIV съезду — это вовсе не реабилитация или возрождение решений XIV съезда. Его политический смысл — отмена решений XV съезда.

ГОЛОС: Правильно.

БУХАРИН: Поэтому, когда выдвигается этот лозунг, то по сути дела это есть лозунг: «Долой XV съезд и его решения». Я должен сказать, что если бы мы увидели, что решения XV съезда неправильны, партия решила бы на пленуме ЦК предложить созвать съезд и пересмотреть эти решения.

ГОЛОС: Чрезвычайный съезд.

БУХАРИН: Но никакого фетишизма у нас абсолютно нет. Совершенно объективно мы говорим: решения XV съезда подлежат не пересмотру, а усиленному проведению в жизнь.

Должны ли мы сейчас положение, получившееся в результате хлебозаготовок, исправлять тем, чтобы идти на уступки в отношении кулака, снять лозунг усиленного наступления на кулачество? Абсолютно нет. Проблема в

настоящее время заключается в том, чтобы нам снять ту угрозу размычки с середняком, которая у нас есть. Мы снимаем чрезвычайные меры, и ни в коем случае мы не отождествляем чрезвычайные меры с решением XV съезда. Это нужно, мне кажется, заколотить железными гвоздями во все головы членов нашей партии.

Решения XV съезда нашей партии дают генеральную установку на меры (не)конъюнктурного характера, а чрезвычайные меры стоят особо — это реакция на конъюнктуру в узком смысле слова. Реакция на длительные причины — это подъем нашего сельского хозяйства, это подъем индивидуального хозяйства, усиленный курс на индустриализацию и дальнейшее наступление на кулака.

В связи с этим должен сказать, что Микоян правильно сделал, когда он, наряду с ударами против правой тенденции, ударил и против другой стороны (я не считаю ее левой, против троцкистской тенденции). Эта опасность точно также существует, об этой опасности точно также ни в коем случае не стоит забывать.

Против такой теории, которая здесь развита относительно пределов развития индивидуального хозяйства, нужно заявить, нужно возражать изо всех сил. Если вчера т. Сталин говорил относительно того, что необходимо изо всех сил драться против такого предрассудка, что индивидуальное хозяйство у нас уже заперто, и экономически это аргументировал, то я должен сказать, что есть еще политическая сторона этого дела. Если мы скажем нашему крестьянину, что тебе как индивидуальному производителю при советских условиях какую, ты дальше не можешь сделать ни шагу вперед, он скажет: «Спасибо за такие условия, покорно благодарю Советскую власть». Мы можем таким образом отбить это самое среднее крестьянство, отогнать его черт знает на сколько километров от нас. Именно поэтому Владимир Ильич давал иногда чрезвычайно острые формулировки, предупреждающие на целый ряд лет, чтобы мы не наделали каких-нибудь глупостей по отношению к нашему среднему крестьянству. (Цитирует В. И. Ленина, Собр. соч., изд. I, т. XVI, стр. 160).

Здесь со всей силой ленинского убеждения дана такая формулировка, что кое у кого волосы дыбом могут стать.

КОСИОР: Смотря у кого.

БУХАРИН: У тебя не могут, и у тебя также. (Смех.)

ГОЛОС: Тогда нам не опасно, пусть Микоян боится, у него вон сколько.

БУХАРИН: Когда мы подчеркиваем важность развития индивидуального хозяйства, мы должны иметь в виду, что мы это индивидуальное хозяйство должны зацеплять за личный стимул его развития, и тут ничего зазорного нет. Владимир Ильич ставит этот вопрос так: (речь на съезде политпросветов — В. И. Л., Собр. соч., изд. I, т. XVI, ч. I). Это остается правильным и до сего времени. Но неправильно, когда эти методы зацепки за личный индивидуалистический стимул крестьянина понимать таким образом, что они не имеют никакого отношения к переводу от индивидуального к общественному, — когда это считается так, тогда это на самом деле неправильно. Неправильно поэтому противопоставление задачи подъема индивидуального хозяйства и строительства коллективов. Нужно ставить проблему так, что коллективизация сама строится на подъеме индивидуального хозяйства. Наша политика по отношению к индивидуальному хозяйству заключается в том, что, с одной стороны, его надо поднимать и строить на нем, а с другой стороны, не забывать об обобществлении этого крестьянского хозяйства, — коллективизировать не на упадке, а на росте производительных сил. Ленин прямо возражал против такой оценки, что, чем беднее индивидуальное хозяйство, тем легче оно пойдет к коллективизации (речь на съезде политпросветов). Поэтому абсолютно неправы товарищи, в частности тов. Милютин, которые говорили, что закрыта возможность роста индивидуального сельского хозяйства. Это абсолютная чепуха. Этот закон базируется на законе убывающего плодородия почвы, чуждом капитализму. Нужно всячески бороться против скептического отношения к колхозному и совхозному строительству, против того, что оно будто бы только для разговоров, пустяк и все прочее. Это не пустяк, а одна из важнейших наших политических задач.

Теперь о классах и классовой борьбе в связи с нашими перспективами. Что касается перспектив, то я настроен не так радужно, как говорившие здесь товарищи.

Возьмем известные сейчас наудачу цифры, которые у нас

будут. Урожай выше среднего чуть ли не на полмиллиарда пудов.

МЕНЖИНСКИЙ: Это пустяки.

БУХАРИН: Менжинский говорит, что это пустяки, хотя Менжинский не экономист. Мы должны посмотреть, из чего складываются эти 474 миллиона. По данным ЦСУ, они дают увеличение по всему хлебо-фуражному балансу. А если вы возьмете рожь и пшеницу, то вы получите по сравнению с прошлым годом дефицит в 36 миллионов пудов; 315 миллионов пудов ржи меньше прошлого года, по пшенице — 279 миллионов пудов больше прошлого года, в общем, баланс на 36 миллионов пудов меньше прошлогоднего. Но это данные по самой предварительной оценке. Фактически урожайность исчислена в процентах на 15 июня и обычно оказывается ниже. В 24 году она составляла 92 % предполагавшейся, в 25 году (исключение) — 104 %, в 26г. — 94 %, в 27г. — 96 %.

Следовательно, если фактически урожай отклонится от июньской расценки на 5 %, то вместо превышения валового сбора всех хлебов на 474 миллиона пудов, мы будем иметь превышение на 224 млн. пудов, а в случае отклонения на 2 % — только на 325 млн. пудов. А если возьмем продовольственные культуры, то при первом варианте мы будем иметь пшеницы и всякого зерна меньше, чем в прошлом году, на 130 млн. пудов, а по второму варианту — на 100 млн. пудов. Следовательно, мы примерно должны считаться с тем, что на будущий год получим на 100 млн. пудов меньше, чем в этом году, — это есть добавочная очень крупная трудность. Этот вопрос поднимается перед нами, вопрос о перспективах. Можем ли мы иметь такие же трудности в этом году, как имели в прошлом? Можем. Как мы будем на это реагировать? Будем ориентироваться на применение чрезвычайных мер, если встретятся в будущем году такие трудности, а если мы их будем применять, то в этом же примерно объеме или не в таком? Мне кажется, это самый мучительный и самый главный вопрос, который стоит перед нами. Я предварительно хотел бы привести соображение или аналогию, которая с первого взгляда покажется далекой или шуточной.

Представьте себе, что у вас есть пролетарская власть в

мелкобуржуазной стране, но что она насильно вгоняет мужика в коммуны.

ВОРОШИЛОВ: Как в 18 и 19 году, скажи.

БУХАРИН: Тогда вы получите восстание мужика, которого берет на цугундер кулак; кулак его организует и им руководит.

Мелкобуржуазная стихия восстает против пролетариата, бьет его по голове, и в результате ожесточенная классовая борьба, пролетарская диктатура исчезает. Что вы тут получаете?

СТАЛИН: Страшен сон, для милостив Бог. (Смех.)

БУХАРИН: Могут найтись умники, которые скажут: «Что здесь было? Была ли здесь классовая борьба?» Да, была. Мелкий собственник скинул рабочий класс? Да, мелкий собственник скинул рабочий класс. Руководил мелким собственником кулак? Да, мелким собственником руководил кулак. В результате классовой борьбы мелкий собственник под руководством кулака скинул рабочий класс, пролетариат, скинул пролетарскую диктатуру. Всё, таким образом, было результатом классовой борьбы. Но если вот этот «пролетарский руководитель» посмотрел бы в зеркало, то он увидел бы не только пролетария, но и пролетарского балбеса. Именно поэтому Владимир Ильич предупреждал изо всех сил пролетарскую власть: давайте двигаться вместе с основной массой крестьянства. И вот, когда я подхожу таким образом к вопросу, когда прислушиваюсь к некоторым речам здесь, скажем, к речи т. Андреева или к общей формулировке т. Сталина (т. Андреев заявил, что положение довольно грозное, т. Сталин заявил, что мы имеем угрозу смычке), то я продумываю вопрос в целом: ну хорошо, если мы через несколько месяцев очутимся снова перед такими затруднениями и если мы в той же мере примем экстраординарные меры, как по вашему, они должны быть *более* или *менее* крутыми? Они будут неизбежно более крутыми.

ЯРОСЛАВСКИЙ: Зависит от крестьянства.

ГОЛОС: Зависит от конъюнктуры.

ВОРОШИЛОВ: Это гадание на кофейной гуще.

БУХАРИН: Не гадание на кофейной гуще. Мы ни в коем случае не должны ориентироваться на допущение

расширенного воспроизводства экстраординарных мер.

КОСИОР: Это верно.

ЛОЗОВСКИЙ: Это сейчас не от нас зависит.

БУХАРИН: От нас еще, к счастью, зависит многое. Поэтому центр нашей политики — это следующее: мы ни в коем случае не должны допускать до угрозы смычке. Иначе мы не выполним основного завета Ильича.

ВОРОШИЛОВ: Форсированное наступление на кулака.

БУХАРИН: Это, между прочим, абсолютно правильно в общем.

ВОРОШИЛОВ: Тогда смычка будет более крепкой.

БУХАРИН: Я отличал смычку с середняком от желаемой тобою смычки с кулаком.

ВОРОШИЛОВ: Да, я «жажду», конечно, этой смычки.

БУХАРИН: Противоречие нашего положения: рост производительных сил, тянущий за собою рост кулака, а между тем мы без роста производительных сил обойтись не можем. Это коллективное противоречие может быть устранено такими мерами, которые не будут бить середняка. У нас есть, например, такой рычаг, как налоговая политика, которая нам дает возможность почти что экспроприировать кулака, не задевая середняка. Но мы чрезвычайно мало думаем над тем, по какому расчету и как этот рычаг пустить в ход, чтобы постоянно снимать пенки с накопления кулака и обращать их на дело социалистического строительства и в то же время не обижать середняка. Поэтому, мне кажется, совершенно нет никакого безвыходного положения. И поэтому нашей главной решающей задачей является вопрос о том, как вести наступление на кулака так, чтобы от этого середняк не пострадал.

МОЛОТОВ: Но налог все-таки середняк должен платить, а это составляет не менее, чем $3/4$ всего налога, что немного его «задевает».

БУХАРИН: А кто же против этого спорит, что приходится задеть. Но повышение ставки, Вячеслав Михайлович, для середняка — одно, а повышение ставки для кулака — другое. Если хочешь, я тебе скажу: у нас критерий должен быть очень простой. Если мы считаем, что крестьянское хозяйство, даже индивидуальное, должно развиваться, если мы хотим — правильная мысль, которую т. Сталин вчера

развивал, — если мы хотим установить смычку не на песке, а на хозяйственном удобрении и методе, то имейте в виду, что крестьянин-середняк должен это самое удобрение и эти самые машины и прочее покупать. Если он должен их покупать, он должен иметь у себя лично, чтобы не только прошлое восстанавливать, но чтобы дать ему возможность действительного реального накопления, потому что покупка машин или удобрения — накопление в крестьянском хозяйстве.

Значит, ты должен вести по отношению к крестьянству такую политику, чтобы крестьянин мог подниматься. Этим дается граница цен, граница обложения.

ГОЛОС: И для самообложения.

БУХАРИН: Это совершенно другая тема. Этим дается граница, потому что, несмотря на то, что неправильно сейчас исходить из теории эквивалентов, неправильно также исходить из «закона первоначального социалистического накопления» Преображенского. Лозунги Троцкого — взять все, что «технически досягаемо», с мужика и не давать ему возможности развития производительных сил, — в конце концов ударяют по промышленности (через хлеб, через сырье, через рынок).

Нам нужно иметь в виду, что накопление социалистической промышленности — функция, зависящая величина от накопления в сельском хозяйстве. А кулака мы можем держать в границе так, чтобы оставлять ему немного, а все изымать.

ГОЛОС: И он доволен.

БУХАРИН: Если хочешь подойти к этому концу, я должен сказать, что кулак очень недоволен будет и все больше и больше артачится против нас, но его сила сопротивления реально будет зависеть от того, какие резервы он приводит за собою. Если масса середняка за ним не пойдет, он нам не страшен, он может поднимать какие угодно заговоры, мы сможем расстреливать его из пулеметов, но он не может потрясти нашей страны.

Сейчас у нас положение таково: экономика у нас стала дыбом, когда лошади едят печеный хлеб, а люди в некоторых местах едят мякину, когда крестьянство вынуждено покупать хлеб в близлежащих городах, когда аграрная страна ввозит

хлеб, а вывозит продукты промышленности. Эта стоящая дыбом экономика может поставить дыбом и разногласия. Ее необходимо исправить. Здесь я должен сказать то, с чего начал и чем кончил. Когда мы говорим: «Выдержали ли мы экзамен реконструктивного периода?», мы должны ответить, что очень плохо выдержали. Нам недостает культурности для решения задач этого периода. В Западной Европе происходит прямо технический переворот. Мы не должны обольщать себя иллюзиями на этот счет. При этом нужно сказать, что если, например, прибавляется в качестве накопления в Германии миллион и у нас миллион, то это не одно и то же. Там это миллион имеет совершенно другое значение, потому что там другие улучшения в виде громадных машин, гораздо более совершенных. Когда мы читаем о таких улучшениях, мы видим, насколько мы еще провинциальны. Мы должны сейчас поставить вопрос о методах хозяйственного руководства и методах хозяйственного управления. Мне кажется, наши центральные органы и ЦК партии берут на себя слишком большую обузу — мелкое, и среднее, и большое руководство, вместо того, чтобы ограничиться руководством целого ряда хорошо продуманных, разработанных основных хозяйственных проблем. Мы маленькие фабрички, маленькие концессии десятками рожаем, но просчитались на зерне. Мы просчитались на зерне, о чем т. Сталин говорил, хотя для Микояна есть целый ряд извиняющих факторов; в экспорте мы просчитались и т. д. По отношению к нашим хозяйственным органам мы все виды инициативы заменили одним видом инициативы — со стороны государства и исключительно сверху. Мы низовую кооперативную инициативу, местную и всякую прочую инициативу придушили. Получился такой гиперцентрализованный бюрократический аппарат и такая ответственность наверху, что она превратилась в свою собственную противоположность.

В недавно вышедших записках Черчилля написано, что когда он был призван к власти во время войны, у него в кабинете получилась такая гигантская концентрация ответственности и власти, что он первым делом уничтожил три четверти этих вещей, децентрализовал оперативную часть механизма.

Я не знаю, нужно ли нам децентрализовать в такой пропорции, но я считаю это серьезной проблемой.

Проблема хлебных заготовок — часть хлебной проблемы в нашем государственном аппарате и в борьбе с бюрократизмом этого аппарата. Если мы правильно разрешим эту проблему с хлебом, мы должны поставить рано или поздно вопрос в еще более широком порядке, и точно также эту проблему разрешить.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

- 3 *Лев Копелев.* Надежды и сомнения, радости и страхи.
- 9 *Владимир Малинкович.* Вверх-вниз по косогорам.
(Этюды на тему реформ.)
- 28 *Кронид Любарский.* Перестройка и правозащитники.
- 48 *П. Абовин-Егидес, П. Подрабинек.* Принципы социализма.
- 63 *Лариса Богораз, Сергей Ковалев.* Есть ли альтернатива объединению демократических сил?
- 77 *Рой Медведев.* Новая критика Сталина и сталинизма в СССР.
- 97 *Рой Медведев.* Политическая смерть Л. И. Брежнева.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- 104 *Обращение Координационного комитета патриотических движений народов СССР.*
- 107 Не позволяйте вовлекать себя в межнациональную рознь! (Обращение исполкома Украинского Хельсинкского Сообщества).
- 111 *Сильва Капутикян.* Открытое письмо.

АЛЬТЕРНАТИВЫ

- 133 *Вадим Белоцерковский.* Строй самоуправляющихся коллективов.

К 20-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОГО ВТОРЖЕНИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИЮ

- 146 *Ота Шик.* Я искал третий путь.
- 151 *Антонин Лим.* Кто же первым скажет правду?

- 157 *Лариса Богораз.* Я хотела сама распоряжаться своим именем.
- 160 *Павел Литвинов.* То, что мы сделали, было вполне естественно.

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

- 166 *Илья Зильберберг.* Что же происходит сегодня в Советском Союзе?

ИСТОРИЯ

- 195 *Натан Эйдельман.* Проблемы и загадки политической истории России.
- 213, *Сергей Максудов.* Последний шанс.
- 216 *Николай Бухарин.* Речь на Пленуме ЦК ВКП(б) 11. 7. 1928 г.

**Условия подписки
на журнал «ФОРУМ»**

Цена одного номера:
Англия — 3 фунта
Германия — 15 н. м.
США — 7 ам. долл.
Франция — 40 ф. фр.

В других странах — расчет по курсу немецкой марки.

Адрес: Ukrainische Gesellschaft für Auslandstudien
e. V., für «Forum».

Bankkonto: Deutsche Bank A. G.
Promenadenplatz, 8000 München 2
Kto Nr. 22/20457, BLZ 70070010.

Postscheckkonto PScha München
Kto Nr. 22278-809.

Представители «Форума»

В Англии Лиана Померанцева
Liana Pomeranzev
4 Flat, 5 Sevington str.
Maida Vale, London W 9

в Израиле Михаил Хейфец
M. Heifetz
Ramot 41/31
Jerusalem
Т. (2) 867451